

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, ст. науч. сотр.), *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, акад. РАН (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. Пушкина, РГГУ, проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.), *Е.А. Казак* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, науч. сотр.), *В.И. Карасик* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.), *В.А. Пицальникова* – д-р филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук (МГЛУ, дир. Института прикладной и математической лингвистики), *В.В. Потапов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр.), *М.М. Раевская* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук (ИЯ РАН, гл. науч. сотр., зав. отд. экспериментальных исследований речи), *И.А. Шаронов* – д-р филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой), *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук (МГТУ им. Н.Э. Баумана, проф.)

Ответственный секретарь – *М.Б. Раренко*

Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина, М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2024.04.00

© ИНИОН РАН, 2024

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2024 – 4

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
***Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences***

Editorial Board of the “linguistics” series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology, deputy Editor-in-Chief (INION RAN, senior researcher), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology, deputy Editor-in-Chief (INION RAN, leading researcher), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, leading researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, prof.), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, senior researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary translators’ guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *K. Ya. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU), *E.B. Yakovleva* – Doctor of Philology (Bauman Moscow State Technical University, prof.)

Executive Secretary – *M.B. Rarenko*

Responsible for the issue – *E.O. Oparina, M.B. Rarenko*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctoral and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФЦ 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2024.04.00

© INION RAN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Базылев В.Н.</i> Философские вопросы в отечественной теории языка (конструирование и деконструкция парадигмы во второй половине XX – начале XXI в.)	9
--	---

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

<i>Шпетный К.И.</i> Когнитивно-стилистические особенности англоязычного натуралистического дискурса	29
---	----

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

<i>Рыжова Л.П., Марков М.Р.</i> Метафорическая репрезентация концепта “FEU” как сенсорного образа войны (на материале романа Анри Барбюса “LE FEU”)	43
--	----

ФРАЗЕОЛОГИЯ

<i>Левченко М.Н., Сорокина Ю.С.</i> Сопоставительный анализ функционирования фразеологических квазиэквивалентов в текстах разных стилей на материале национальных корпусов	56
--	----

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ковшова М.Л., Орлова О.С.</i> Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа знаков непрямой номинации	75
---	----

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Потанова Р.К., Потанов В.В., Горбунов П.И.</i> О новом способе статистической обработки лингвистических данных (применительно к мететике)	100
<i>Имбер С. Ю., Томская М.В.</i> Возможность применения нейросети GPT-4 в лингвистическом исследовании: на примере анализа эмотивных текстов ..	115
<i>Моисеева А.В.</i> Вторичные тексты как носители смысла и содержания: на примере текста-комментария мессенджера Телеграм	127
<i>Титлова А.С.</i> «Встречный текст» как реакция реципиента на интернет-текст малого объема	139

РЕЦЕНЗИИ

<i>Раренко М.Б.</i> Рецензия на книгу: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Образовательная языковая политика в современном мире : в 2 т. – Москва : ИНФРА-М, 2024. Т. 1 : Политическое и идеологическое измерения образовательной языковой политики. – 387 с.; Т. 2 : Двухязычное обучение. – 330 с.	149
--	-----

CONTENTS

GENERAL LINGUISTICS

Bazylev V.N. Philosophical issues in the Russian theory of language (construction and deconstruction of the paradigm in the second half of the XX – early XXI centuries) ... 9

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

Shpetny C. I. Cognitive-stylistic features of the English nature discourse 29

TEXT LINGUISTICS

Ryzhova L.P., Markov M.R. Metaphorical representation of feu concept as a sensory image of war (based on the novel by Henri Barbus “LE FEU”) 43

PHRASEOLOGY

Levchenko M.N., Sorokina Y.S. Comparative analysis of the functioning of phraseological equivalents in texts of different styles based on national corpora data 56

LINGUOCULTUROLOGY

Kovshova M.L., Orlova O.S. Cultural script as a part of frame analysis of indirect nomination signs 75

APPLIED LINGUISTICS. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Potapova R.K., Potapov V.V., Gorbunov P.I. On a new method of statistical processing of linguistic data (applied to memetics) 100

<i>Imber S. Yu., Tomskaya M.V.</i> Using the GPT-4 in linguistic research: based on the analysis of emotive texts	115
<i>Moiseeva A.V.</i> Secondary texts as carriers of meaning and content (using the example of a comment text in the Telegram messenger)	127
<i>Titlova A.S.</i> “Counter text” as a recipient’s reaction to a small volume internet-text	139

REVIEWS

<i>Rarenko M.B.</i> Book review: Marusenko M.A., Marusenko N.M. Educational Language Policy in the Modern World : In 2 vols.– Moscow: INFRA-M, 2024. – Vol. 1 : Political and ideological aspects of educated language policy. – 387 p.; Vol. 2 : Bilingual education. – 330 p.	149
--	-----

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

GENERAL LINGUISTICS

УДК 811

DOI: 10.31249/ling/2024.04.01

Базылев В.Н.¹

ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА (КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.)

Аннотация: В статье изложены результаты ретро- и проспективного анализа отечественных парадигм философии языка. Представлены результаты исследования процессов последовательной конструкции и деконструкции двух отечественных лингвофилософских парадигм XX века: «нового учения о языке» (1923–1950), межпарадигмального периода (1950–1956), «нового марксистского языкознания» (1957–1993) и постпарадигмального периода (конец 90-х годов XX в. – первая четверть XXI в.).

Ключевые слова: историография науки о языке; новое учение о языке; новое марксистское языкознание; конструирование парадигмы; деконструкция парадигмы.

Для цитирования: Базылев В.Н. Философские вопросы в отечественной теории языка (конструирование и деконструкция парадигмы во второй половине XX – начале XXI в.) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 9–28. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.01

---

¹ © Базылев В.Н., 2024

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, руководитель издательского направления ИНОИЦ «Алмавест», первый заместитель главного редактора международного научного журнала «Научные доклады высшей школы. Филологические науки»; v-bazylev@inbox.ru

BAZYLEV V.N.¹

**PHILOSOPHICAL ISSUES IN THE RUSSIAN THEORY OF LANGUAGE
(CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF THE PARADIGM
IN THE SECOND HALF OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES)**

Abstract. The article presents the results of a retro and prospective analysis of the domestic paradigms of the philosophy of language. The results of a study of the processes of sequential construction and deconstruction of two domestic linguistic and philosophical paradigms of the twentieth century – the “new doctrine of language” (1923–1950), the inter-paradigm period (1950–1956), the “new Marxist linguistics” (1957–1993) and the post-paradigm period (the end of the 90s of the XX century – the first quarter of the XXI century).

Keywords: historiography of the science of language; new doctrine of language; new Marxist linguistics; paradigm construction; paradigm deconstruction.

For citation: Bazylev V.N. Philosophical issues in the Russian theory of language (construction and deconstruction of the paradigm in the second half of the XX – early XXI centuries) *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 9–28. DOI: 10.31249/ling/2024.04.01

Историографическому осмыслению философских оснований отечественной науки о языке второй половины XX в. пока посвящаются отдельные «реплики» [Постовалова, 2017, с. 238–253], или вся история советской философии языка умещается, как у В.М. Алпатов, на четырех-пяти страничках [Алпатов, 2005, с. 220–225].

Однако все было более сложным, а не просто «черно-белым», как представлялось в 90-е годы и в начале нулевых. Тогда по понятным причинам господствовало увлечение по развенчанию всего «советского», даваемые оценки были антиисторичными (с точки зрения научной историографии) и предельно идеологизированными.

С нашей точки зрения, для понимания истории советской науки о языке важной оказывается модель о периодическом конструировании и деконструкции парадигм философии языка. Философии языка как фрагмента системы знаний об общих характеристиках, понятиях

---

¹ © Bazylev V.N., 2024

Bazylev Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, International Scientific Journal “Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School” – Deputy Editor-in-Chief; INOIC «Almavest» – Head of Publications Department; v-bazylev@inbox.ru

и принципах бытия – бытия языкового, а также об отношении человека и окружающего его мира: о человеческом факторе в языке и языковом факторе в человеке. Период эффективного использования результатов научной парадигмы с неизбежностью заканчивается, когда появляется задача, не укладывающаяся в ее рамки. Ощущается начало кризиса: осознание обществом несоответствия возможностей решения актуальных задач, стоящих перед ним, в рамках наличного научного знания о языке. В ответ начинают появляться новые теории, в результате чего формируется новая парадигма.

Конструирование новой парадигмы – это всегда строительство нового жизненного смысла. Советская наука о языке в 20-х и в начале 60-х годов прошлого века решала именно эту задачу, полагая себя цивилизационной и общекультурной¹. Однако постепенное приращение задач, которое советское и постсоветское общество должно было решать по мере своей эволюции, периодически приводило к необходимости ее (философской парадигмы языка) деконструкции. Основная мировоззренческая ошибка, константно «поражающая» конструируемую философию языка в России, а речь может идти не только о XX в., – это отказ от предвосхищения событий, происходящих в обществе. В сознании отечественных языковедов XX в. так и не закрепились мысль о связи базиса и надстройки, куда с необходимостью относится язык.

Об этом в конце 1980-х свидетельствовал В.А. Звегинцев: «В истории советской науки о языке много общего с историями других наук, путь которых изобилует горькими событиями, отвлекающими их от выполнения своих прямых обязанностей. Когда в результате исторического развития советского общества Сталина пришлось вычеркнуть, никаких коренных преобразований в советской науке о языке не произошло» [Звегинцев, 1990, с. 4–5].

---

¹ Стоит обратить внимание как на ретроспективный, так и на перспективный характер этой идеологии. За сорок лет до слов Сталина премьер-министром Российской империи Петром Столыпиным во Второй Государственной Думе 10 мая 1907 г. во время речи о крестьянских наделах была брошена крылатая фраза: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия!». Более ста лет спустя, 20 августа 2021 г., прозвучат слова В.В. Путина: «Мы сделаем все для того, чтобы ситуация в России была стабильной, прогнозируемой. Свой лимит на революции Россия исчерпала еще в XX веке, мы революций больше не хотим. Хотим эволюционного развития нашего общества и государства. Надеемся, что так оно и будет».

В 1950 г. завершилась, именно завершилась, длившаяся полтора десятилетия деконструкция предшествующего парадигматического этапа философии языка – «нового учения о языке», новой философии языка, конструируемой в течение первых десяти-пятнадцати лет после 1917 г. Эта деконструкция оформилась в итоге сталинской дискуссией о языке, а именно программной работой «Относительно марксизма в языкознании»¹. Основные тезисы Сталина – это те положения философии языка, «нового учения о языке», которые подлежали деконструкции. Сталин последовательно подводит черту под тем комплексом проблем, истоки которых уходили своими корнями в 1920–30 годы, в пореволюционную эпоху. Под дискуссией, начавшейся еще в середине 1920-х, которую можно обозначить как «эволюция contra революция». Речь шла не о том, что язык не относится к надстройке, а о том, что имела место вульгаризация, т.е. чрезмерно упрощенное изложение марксизма. Подводится итог почти тридцатилетней дискуссии о языковой политике и языковом строительстве в государстве, а также связанным с этим национальным вопросом². Сталин понимает, что имеющиеся решения не соответствуют изменившейся общественной идеологии после Великой Отечественной войны.

---

¹ К сожалению, в оценке т.н. сталинской дискуссии о языке 1950 г. до сих пор в отечественной историографии преобладают идеологический и социологический ракурсы. В зарубежных исследованиях (начиная с 70-х годов) и в отечественных (начиная с 90-х) оценка страдала той односторонностью, которая лучше всего понятна из цитаты В.М. Алпатова: «Все они [дискуссии]... принесли немало вреда нашей науке. Форма дискуссии имела совсем не дискуссионное содержание. Цель заключалась в подавлении всякой свободы в той или иной области науки, в установлении здесь монополии одного, признаваемого единственным марксистским направления, нередко антинаучного, как это случилось в генетике в 1948 г. Предоставлявшаяся инакомыслящим возможность высказываться только облегчала их травлю, давала основания придираться к тем или иным формулировкам, трактуемым как угодно, заявлять о существовании сплоченной антимарксистской группы» (*Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. – Москва : Наука, 1991. – С. 168).

С нашей точки зрения, ее следовало бы трактовать как последний этап деконструкции научной парадигмы, исчерпавшей свои возможности.

² Эта «сумбурная» языковая политика описана в работе: *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–1997: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – Москва : Институт востоковедения РАН, 1997.

По сути, все основные вопросы философии языка уже к концу 1930-х годов требовали новых актуализированных ответов: что есть язык в изменяющемся пространстве и во времени, что есть язык в изменяющемся обществе. Работа Сталина обосновывает, почему те ответы на поставленные перед наукой вопросы, которые предлагала предыдущая конструкция, оказались более не актуальными: «Теория не только не решала эти задачи, но даже не ставила их, – она просто не замечала или не понимала их» [Сталин, 1950, с. 27]. Неудовлетворительное понимание марксизма – цитатничество и начетничество, отсутствие его развития, т.е. постоянной актуализации, – в этом вина не только науки о языке, но и философии, и истории. Правда, это было констатировано раньше: во время философской дискуссии 1947 г. и исторических дискуссий середины 1940-х годов.

Сталинский тезис: «Дискуссия выявила невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания... Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание» [Сталин, 1950, с. 29].

Так Сталин обосновывает необходимость отказа от «нового учения о языке» и «дает разрешение» на разработку новой научной парадигмы, которая должна охватывать вопросы не только идеологические, но и кадровые, и организационные. При этом «революция» в преобразовании не приветствовалась, рекомендовался «эволюционный путь». Это выразилось, в том числе, в ограничении на «преследования личностей». Обратим внимание на реплику, касающуюся ученых в конце брошюры: «Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству» [Сталин, 1950, с. 28].

Введя разбор данного текста в наше исследование, сфокусировав на нем внимание читателя, мы должны ответить на вопрос: является ли он случайным, единичным? В духе конструктивизма ответ может быть однозначным – это лишь фрагмент, пусть итоговый, в процессе деконструкции всей парадигмы гуманитарного знания 20–30-х годов. Поочередно критике подверглись и философы, и историки, и литераторы, и языковеды. Будучи главной опорой идеологии, они не поняли вовремя основной постулат марксизма об эволюции общества. Они «застряли» в 30-х годах, а кое-кто из

них – в 20-х. Нужно было обновление. Эволюционное. На это указала партия. При этом не аторитарно, а коллективно¹.

Что же менялось в стране, начиная с середины 30-х годов, применительно к проблемам, стоявшим перед наукой о языке²? Укажем на две основные.

Национальная политика в целом. Началась ревизия политики национальных отношений: начиная с «Дела славистов» 1934 г. до мало исследованного и редко упоминаемого «Дела о карельском языке» 1938 г.

Идеологический поворот, требовавший историко-философского обоснования реабилитации русской цивилизации, цивилизационная парадигма формирования несилowych оснований государственности страны.

Надо признать, что в этом отношении языковедение раньше всех постаралось выполнить свою задачу. В 1945 г. выходит книга В.В. Виноградова «Великий русский язык». В 1946 г. МГУ выпускает книгу «Роль русской науки в развитии мировой науки и куль-

---

¹ Мы не склонны видеть в этом намерении Сталина некую интеллектуальную игру. Это была серьезная задача по эволюции государства в целом. Именно эволюции, а не революции, как мы указали выше с опорой на цитаты Сталина. Поэтому вряд ли можно согласиться с одной из последних по времени оценкой М. Эпштейна: «Эта работа – великолепный образчик интеллектуального юмора и гротеска. Дело в том, что Сталин, пользуясь всем витиеватым марксистским жаргоном, всеми идеологическими штампами, которые он сам же виртуозно и разработал, сводит марксизм на нет, растворяет в какой-то мистической пустоте. Вряд ли это могло быть сделано бессознательно. Создается впечатление, что Сталин намеренно играет с марксизмом, создает пародию на него вроде той, что создана Д.Д. Шостаковичем в кантате “Антиформалистический раёк”» (*Эпштейн М.* Как Сталин марксизм разлагал. К 70-летию брошюры «Марксизм и вопросы языковедения». Почему мы и сегодня шествуем сталинским путем? // Новая газета. 24 марта 2020 г. – URL : <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/24/86797-kak-stalin-marksizm-razlagal>. Дата обращения 20.04.2023)

² О конструировании «нового учения о языке» как парадигмы философии языка 20–30-х годов. XX в. В СССР см. авторские публикации: *Базылев В.Н.* Сталинские дискуссии: дискурсные параллели // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 23–29; *Базылев В.Н.* «Тристан и Иольда»: от нового учения о языке до новой хронологии (к 100-летию от начала советского идеологического научного историко-филологического дискурса) // Политическая лингвистика. – 2020. – № 4. – С. 10–22; *Базылев В.Н.* Право на различие (к столетию советского научного дискурса языковой политики) // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2. – С. 12–25.

туры». Но на то они и филологи, чтобы правильно предвосхищать текстовые смыслы.

Что же произошло в науке после деконструкции «нового учения о языке»? Началось с необходимостью новое конструирование. В полном соответствии с «духом эпохи» не обошлось без «признания некоторых ошибок». Инерция традиции – велика. Это понятно и объяснимо. По словам И.Т. Касавина, «причастность традиции дает ее стороннику лекарство против экзистенциального страха, смягчает рискованность его действий, обеспечивает ему известную долю успеха и почета» [Касавин, 1990, с. 201].

Отсюда закономерные публикации. В первую очередь симптоматические: «против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Так именовался сборник статей под ред. В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова 1951 г. [Против вульгаризации... , 1951]. В нем «отметились» практически все те, кто в дальнейшем будет конструировать «новую советскую лингвистику» 60–80-х годов: А.В. Десницкая и В.В. Виноградов, В.А. Звегинцев и Н.Ю. Шведова; В.Д. Левин и Ф.П. Филин, Б.А. Серебренников и П.С. Кузнецов; М.М. Гухман и Ю.Д. Дешериев; О.П. Суник и В.Н. Ярцева; Е.М. Галкина-Федорук и М.Н. Петерсон.

Одна из проблем – это сложившаяся общепублицистическая ситуация. Противопоставленность двух методологических направлений. Одно из них было основано на марксизме. Другое – на философских системах немарксистского толка. Наиболее влиятельными из них были психологическое, связанное с именем Боудуэна де Куртене, также социологическое, опирающееся на авторитет А. Мейе и Ф. де Соссюра, и, наконец, эстетическое, связанное со школой Б. Кроче и К. Фослера. Описанная ситуация отразилась и в библиографическом описании публикаций тех лет [Библиографический указатель, 1958], и в учебном пособии МГУ [Вопросы языкознания, 1952], и в публикациях научного наследия прошлого, и в издании переводной литературы по языкознанию как приеме заимствования идей из зарубежной науки о языке¹.

---

¹ В описываемый нами период выходят книги: Будагов Р.А. Очерки по языкознанию. – Москва : Институт языкознания АН СССР, 1953; Будагов Р.А. Из истории языкознания: Соссюр и соссюрианство. – Москва : МГУ, 1954; Ахманова О.С. Основные направления лингвистического структурализма. – Москва : МГУ, 1955; перево-

Но в 1956 г. этот этап конструирования оказался прерванным в связи с коренным пересмотром всего идеологического наследия не только Сталина, но всей предыдущей эпохи. Произошла не просто деконструкция намечавшейся новой научной парадигмы. На время создался полный вакуум – в первую очередь философский.

XX съезд КПСС обычно упоминают в связи с докладом Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Но для отечественной гуманитарной науки большее значение имел не он, а речь А.И. Микояна 6 февраля 1956 г.¹ В его выступлении был раздел, озаглавленный «Работу в области идеологии – на новый уровень». Основной тезис звучал так: «У нас в партии огромное количество теоретически подготовленных кадров экономистов, историков, философов, юристов, людей, назубок выучивших труды классиков марксизма-ленинизма. Однако отдача этих знаний крайне мала, у нас не чувствуется глубокой марксистско-ленинской творческой работы. Большинство наших теоретиков заняты повторением и переворачиванием на разные лады старых цитат, формул и положений. Какая же наука без творчества? Это скорее школярство, учебные упражнения, а не наука, ибо наука прежде всего есть творчество, есть созидание нового, а не повто-

---

ды: *Шухардт Г.* Избранные труды по языкознанию. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1950; *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1955; *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1954; *Прокош Э.* Сравнительная грамматика германских языков. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1954; *Бах А.* История немецкого языка. – Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1956.

¹ Кажется странным: какое отношение к идеологии имеет человек, по своим функциональным обязанностям в партии от нее далекий. Но недоумение снимается, если обратиться к некоторым страницам его биографии: к концу 1940-х годов, наряду с В.М. Молотовым, Микоян оказался в числе тех, кто подпадал под готовившуюся Сталиным новую «чистку». Против Микояна «собирались сведения» по делу «Еврейского антифашистского комитета». В 1949 г. он снят с поста министра внешней торговли, а в 1952 г. Сталин на пленуме ЦК после XIX съезда подверг его работу критике. После смерти Сталина Микоян вернулся в состав высшего руководства страны. Он до Хрущёва выступил с осуждением культа личности Сталина и в конечном итоге поддержал Хрущёва в осуждении Сталина на XX съезде (*Павлов М.Ю.* Анастас Микоян. Политический портрет на фоне эпохи. – Москва : Международные отношения, 2010).

рение задов. (Аплодисменты). Нашим научно-теоретическим работникам следовало бы отдать все свои силы делу изучения новых фактов нашей действительности, новых событий и явлений в области экономического и общественного развития в СССР и за рубежом, всесторонне изучать эти факты и явления, освещать их марксистско-ленинским светом, тем самым обогащать идейную сокровищницу марксизма-ленинизма. Надо надеяться, что XX съезд партии послужит серьезным толчком работникам идеологического фронта, что они возьмутся по-настоящему за творческую научную работу. Дела здесь – непочатый край, нужного народу, трудного, интересного и почетного дела. И пусть работники идеологического фронта знают, что партия не может терпеть их дальнейшего отставания от жизни. Экономисты, историки, философы, юристы должны идти в ногу с партией, с нашей жизнью, обязаны ликвидировать отставание научной работы и обеспечить творческое обогащение марксизма-ленинизма» [XX съезд КПСС: стенографический отчет, 1956, с. 327].

Хотя о языковедах напрямую речь не шла, но всем – и философам, и историкам, да и самим языковедам – была понятна роль языка в государственном строительстве и государственной идеологии.

Подобно тому, как в начале 1920-х годов при создании парадигмы «нового учения о языке» появляется Н.Я. Марр, получивший административный и финансовый ресурс для конструирования парадигмы философии языка, так и после XX съезда появляется В.З. Панфилов, который административно и научно возглавит новую философскую языковедческую парадигму, названную «новым марксистским языкознанием».

Уже в 1957 г. выходит в свет сборник «Мышление и язык», состоявший из статей по важнейшим философским вопросам мышления и языка. [Мышление и язык, 1957, с. 4]. Книга носила индексальный характер. В числе тех, на кого предполагается опираться при конструировании «нового марксистского языкознания», не было лингвистов. В.З. Панфилов начинает конструирование практически «с чистого листа». С идеей антрополога В.В. Бунака, психологов и зоопсихологов Н.Н. Ладыгиной-Котс и Г.З. Рогинского, фольклориста и эскимосоведа Г.А. Меновщикова. Из «иностранцев» опираться предполагалось на американца Ф. Боаса. По-

следнее понятно, так как Н.С. Хрущев призвал в первую очередь «догнать и перегнать Америку».

Однако была одна трудность. Новые идеи не просто не принимались, они отторгались массовым сознанием филологов. Становление их научного мировоззрения пришлось на 20–30-е годы, поэтому освоение и принятие новых понятий и принципов, которое несло обращение к западноевропейским и американским теориям о языке, давалось с трудом. Тем более что шло оно с «космополитического» Запада. Неудивительно, что многим тогда это казалось изменой принципу «построения социализма в отдельно взятой стране».

Поэтому, что касается научного знания о языке, развивалась преимущественно его практическая сторона и почти не затрагивалась его теоретическая основа. Известная неравномерность эволюции научного знания в мировом масштабе одномоментно открылась советскому филологу 60-х годов. Она стала причиной того, что вносимые по приказу сверху научные модернизации по «западным образцам» научное сообщество, если и не отвергало полностью, то изменяло до неузнаваемости, а порой – до гротеска. Это касалось не только западных традиций профессионального научного исследования, но и самого образа науки о языке. Ведь он формировался во взаимодействии западного рационалистического и материалистического дискурса, вплоть до марксистского, как во Франции. Прагматического и позитивистского, как в Америке, идеалистического, неогумбольдтианского, и иных дискурсов. При первом же знакомстве с западной наукой той поры советское научное сообщество начинало терзаться сомнениями – безопасна ли эта наука, не повредит ли она чистоте марксистской науке о языке. Достаточно вспомнить о дискуссии по структурализму, сопровождавшейся выходом изданий с говорящими заголовками: «Структурализм: за и против» [Структурализм..., 1975]¹.

---

¹ Сборник знакомил советского читателя с важнейшими материалами, относящимися к обсуждению в зарубежной литературе вопроса о новых, специфических методах филологического исследования – структурных, семиотических, теоретико-информационных. В статьях, включенных в первый раздел сборника «Проблемы и методы», содержались попытки позитивного изложения целей и конкретных приемов подобных исследований. Наряду с работами известных «пионеров» структурализма (Я. Мукаржовский, Р. Якобсон) в сборник вошли

В итоге в советском языкознании 60–80-х годов стихийно складывалось смешение, соединение разнородных идей, взглядов, методов и пр. Получалась некая эклектика, вбирающая в себя недифференцированно все элементы предшествующих этапов истории отечественного языкознания, начиная с XIX в. После дискуссии 1950 г. активно возрождалось сравнительно-историческое языкознание, объявленное «буржуазной контрабандой» в начале 30-х¹. Активно осваивались история и современное состояние западноевропейской и американской лингвистики². Все это порождало эффект структурного бриколажа. Пытаясь синтезировать и апробировать все известные подходы в мировой и отечественной лингвистике, исследователи той эпохи просто синтезировали тексты различных концепций, их обрывки, цитаты, что грозило превратить теоретическую базу отечественной лингвистики во фрагментарную и мозаичную структуру, в сплошной коллаж.

На этом фоне естественное требование к сохранению и развитию методологического, в своей основе философского, базиса науки о языке не теряло своей актуальности. Появляется целост-

---

работы их современных последователей, развивающих основные идеи этого направления как в лоне «буржуазной» филологии (Р. Барт и другие), так и в русле марксистской теории (Я. Славинский, И. Левый). В статьях второго раздела «Споры вокруг структурализма» с марксистских позиций приводилась аргументированная критика философско-методологических основ западного структурализма. Однако вопросы, связанные с уяснением перспектив и границ применения структуралистских методов в отечественной науке о языке, стилистически прошли в рамках корректной научной дискуссии.

¹ На фоне публикаций типа «Реакционная наука под флагом марксистской фразеологии» (газета «За коммунистическое просвещение». 1931. № 165 (731) достаточно вспомнить о сборнике «Бригады Института языка и мышления Академии наук СССР» «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (Ленинград : ГАИМК, 1932).

² Напомним, что с 1960 по 1980 г. в стране выходила непериодическая серия «Новое в зарубежной лингвистике», – серия сборников переводных статей по языкознанию, основанная В.А. Звегинцевым; стоит отметить, что, например, А.А. Реформатский оценивал ее и всю деятельность Звегинцева как просветительскую, но отнюдь не как научную; кроме этого в памяти того поколения хранилась история о том, как Р.А. Будагов настоял на принципиальном изменении названия всей серии – с VIII выпуска она стала именоваться «Новое в лингвистике», так как, по мнению Будагова, которое он изложил в своем «партийном» письме, у молодого поколения советских лингвистов не должно складываться впечатление, что новое в науке о языке существует только в зарубежном языкознании.

ный философский проект – «нового марксистского языкознания». Именно он должен был, по первоначальному замыслу, обеспечить философскую методологическую базу развития отечественной науки о языке. Для его реализации было создано специальное подразделение в Институте языкознания АН СССР. Его возглавил В.З. Панфилов и руководил им до своей смерти в 1993 г.

В проект, как позже обобщенно об этом напишет В.З. Панфилов [Панфилов, 1977], входила разработка гносеологических аспектов философских проблем языкознания, вопросов онтологии языка как общественного явления, проблем взаимоотношения языка и мышления, закономерностей развития языка, а также систематизация вопросов общей методологии и частных методов языкознания. Запланированные исследования посвящались теоретическим и прежде всего философским вопросам языкознания, которые учитывали логику развития самого языкознания как науки, а также социальные потребности общества. Они полагались существенными для других наук: для философии в связи с необходимостью дальнейшей разработки ленинской теории отражения, категорий диалектической логики и исторического материализма, а также критики таких направлений «буржуазной философии», как лингвистическая философия, экзистенциализм и герменевтика; для психологии и этнографии в связи с проблемой генезиса и развития человеческого мышления.

Конструирование этой новой парадигмы в полном объеме не было завершено. Законченной оказалась лишь разработка гносеологических вопросов к концу 70-х. [Панфилов, 1982]. В середине 80-х начался процесс ее деконструкции. С одной стороны, сыграли роль объективные исторические процессы: «обвал поколений», «обрыв традиции» и «кризис идей»¹. С другой, когда наука, и в том числе философия языка, не стала практикой изменения и объяснения, а осталась практикой описания, ей было не избежать обвинений со стороны общества. Советское общество в очередной раз разочаровалось еще в одном мифе.

К началу 1980-х становится ясно, что наука о языке не оправдала возлагаемых на нее обществом надежд. Симптомом этого стали, в духе времени, административные меры. В 1982 г. ликви-

---

¹ Подробно об этом периоде см.: *Базылев В.Н. В борьбе за советскую лингвистику.* – Москва, 2014.

дируется Отделение структурной и прикладной лингвистики в МГУ, которое на протяжении двадцати лет «занималось пропагандой буржуазной лингвистики и находилось в постоянной конфронтации с обществом, связанн с обвинениями отдельных преподавателей и студентов Отделения в участии в диссидентском движении и других проявлениях неблагонадежности» [Бурас, 2022, с. 205 сл.].

«Новое марксистское языкознание» не помогло в решении идеологических проблем советского общества. Диссиденты, инакомыслящие, андеграунд, самиздат не поддавались тотальному контролю. Система идей, основанная на философском учении, а философии языка в этом отводилась своя роль, так и не была внедрена в жизнь. Напомним, что «новое марксистское языкознание» должно было выработать такую концепцию о языке, которая показала бы, как язык оказывает решающее воздействие на социальные факторы и мышление, и через них – на организацию и развитие общества. Наука о языке никак не участвовала в строительстве «развитого социализма», она не смогла не только предложить что-то конкретно прагматическое, но даже объяснить процессы расхождения массового сознания с насаждавшимися сверху идеологическими стереотипами. «Новое марксистское языкознание» должно было по задумке его инициаторов стать базисом для корректировки социалистической идеологии. Однако все усилия философов от языкознания заведомо не имели смысла. Парадоксально, но любое новое явление в гуманитарной области потенциально являлось угрозой идеологической системе или же просто ею казалось¹.

При этом оказалась нерешенной, пожалуй, самая важная задача, поставленная еще на X съезде партии в 1922 г.: решение на-

---

¹ Подробно см. серию авторских статей: *Базылев В.Н.* Политика и лингвистика: «Великий и могучий...» // Политическая лингвистика. – 2009. – № 3(29). – С. 9–38; *Базылев В.Н.* Политика и лингвистика: «В начале было «Слово...» // Политика и лингвистика. – 2010. – № 3(33). – С. 9–25; *Базылев В.Н.* Политика и лингвистика: «В слове русском Бог» // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1(47). – С. 25–40; и монографическое исследование: *Базылев В.Н.* Криптолингвистика. – Москва : Флинта: Наука (издание первое – 2010, издание четвертое – 2022).

ционального вопроса, выработка последовательной языковой политики и языкового строительства¹.

В самом начале своего недолгого правления Ю.В. Андропов в докладе, посвященном 60-летию СССР в 1982 г., вынужден был затронуть национальный вопрос: «Важно, однако, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порожидала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям. А такого рода негативные явления еще встречаются. И было бы неправильно объяснять это только пережитками прошлого. Их питают порой и наши собственные просчеты в работе. Здесь, товарищи, нет мелочей. Здесь важно все: и отношение к языку, и к памятникам прошлого, и трактовка исторических событий» [Андропов, 1982, с. 44].

Национальный вопрос стал одним из основных в период т.н. горбачевской перестройки, в середине 80-х годов XX века. В сентябре 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором с докладом «О национальной политике партии в современных условиях» выступил сам М.С. Горбачев. Он говорил о том, что советская социоллингвистика не справилась с решением основной задачи – не разработала теоретическую программу языковой политики.

Повторим еще раз: ничего удивительного, что в истории науки парадигма «нового марксистского языкознания» подверглась деконструкции, как не выполнившая возложенных на нее ожиданий со стороны общества. В 1950 г. деконструкция завершилась программным текстом – статьей Сталина. В 90-е – также созданием некоторого итогового текста. На этот раз текст написал не вождь, а лингвист А.Т. Кривоносов. Была выпущена книга «Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» [Кривоносов, 2006]². Аллюзируя на статью Сталина, автор

---

¹ Подробнее см.: *Базылев В.Н.* Право на различие (к столетию советского научного дискурса языковой политики) // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2. – С. 12–25; *Базылев В.Н.* «Война языков» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 3. – С. 34–42.

² Автор в середине 1990-х работал вместе с А.Т. Кривоносовым на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания МГЛУ; именно в то время

задается серией вопросов, из ответов на которые следуют программные выводы.

Главный вопрос о сути языка в 1970–80-е годы незаметно ушел в сторону из-за подмены лингвистики как науки о языке лингвистикой как частью общей семиотики, как науки о знаковых системах.

«Творческое» развитие «марксистского языкознания» не произошло. На деле осталась лишь вера в «марксистское учение о языке».

Научная лингвистическая теория, которая обеспечивала бы правильное и более глубокое понимание сущности языковых явлений, так и не была создана. Лингвисты довольствовались лишь комментариями к конкретным фактам языка.

Существенный недостаток «нового марксистского языкознания» – в отсутствии серьезной методологической рефлексии о предметах и внутренних путях самой этой науки. Марксистско-ленинское языкознание вылилось, во-первых, в некую «крайность», во-вторых, в некую «мечту», в «иллюзию», тормозившую развитие науки. Эта крайность и иллюзия проявились в недифференцированном заимствовании всего «нового» [Кривоносов, 2006, с. 668–707].

Этим текстом завершается деконструкция парадигмы «нового марксистского языкознания» к концу 90-х. Далее перед нами, теперь уже в исторической ретроспективе, повторяется ситуация конца 50-х. Наступил период смены «большой системы», переориентация на использование различных форм, именно форм, прошлого. Ю.С. Степанов к концу своей жизни, в 1998 г., заканчивает работу над компилятивной книгой «Язык и метод. К современной философии языка». Автор утверждает, что российская школа философии языка характеризуется «устремлением к тонкому концептуальному анализу, его расширениями в виде логического анализа языка, лингвофилософского анализа и возрожденным интересом к основаниям последнего, прежде всего к наследиям патристики Восточной церкви, «великой тройки» (Флоренский – Лосев – Булгаков), русского символизма и модернизма» [Степанов, 1998, с. 11].

А.Т. Кривоносов сформулировал основные идеи и написал первый вариант книги, которая в полном объеме была издана позже, когда А.Т. Кривоносов уехал в США.

Сказанное по своей сути – это декларация эклектики, подкрепленная тезисом об отношениях «семейного сходства»¹ между англосаксонской, французской и российской школами философии языка. По словам Ю.С. Степанова, «между школами существуют отношения «семейного сходства», заключающиеся в том, что некоторые признаки (темы и методы) одной школы принадлежат также и другой» [Степанов, 1998, с. 12].

В качестве основного признака указан метод. Однако в этом случае речь идет уже не о философии языка. Позитивистский приоритет, отдаваемый методу, отрицает не только философию, но и методологию. Он открывается возможностью отказа от единого философского базиса, заменяемого множеством методов, а также сочетанием методов, взятых из различных научных дисциплин.

По меткому замечанию Н.А. Некрасова, «Что ему книга последняя скажет, || То на душе его сверху и ляжет»².

В основу научного исследования кладется не философия, а теория, постулирующая, что смысл научного знания зависит от интерпретации источников исследователем и является относительным.

Ответ на вопрос, почему так быстро произошла деконструкция парадигмы философии языка в постсоветском научном сообществе языковедов, достаточно прост. У целого поколения советских лингвистов сложилось неприятие абстрактных философских спекуляций марксистской риторики. «Новое учение о языке» и «новое марксистское языкознание» считалось фрагментом марксистско-ленинского учения в целом, призванного противопоставить марксистскую науку антинаучному буржуазному языкознанию. По сути, это было необходимой предпосылкой успешной профессиональной научной деятельности.

---

¹ Философская идея «семейного сходства» в XX веке актуализируется в работах Л. Витгенштейна, восходящих к идеям Ф. Ницше, опиравшегося на теорию А. Шопенгауэра; последний же заимствовал идею у романтиков, в частности у Ф. Шеллинга; однако в раннем романтизме, у Гете, уже присутствует идея «избирательного сродства» – метафоры, используемой в алхимии, и обозначавшей способность химических веществ сочетаться с определенными веществами или их соединениями, отдавая им предпочтение перед другими. В связи с данным комментарием ср. данную нами характеристику ситуации рубежа 1950–60-х годов.

² Из поэмы Н.А. Некрасова «Саша» (гл. 4).

Вот почему попытки построить монистическую философию языка так быстро сменил хаос и произвол, царящие сегодня в отечественной науке о языке. Очередной отказ от единого монистического философского базиса привел к заполнению создавшегося вакуума неограниченным количеством методов исследования. Они сопровождаются нескончаемыми попытками заявить об обнаружении нового и новейшего предмета исследования в твердой уверенности, что российской земле под силу *рождать не только собственных Платонов, но и собственных Делёзов*.

Этим, как считает «молодое поколение лингвистов», мы отдаем долг европейской предметной стратегии философского познавательного процесса. Однако при этом забывают, что уже к концу XVIII в. она стала приобретать, по словам Гегеля, характер «дурной бесконечности». Ведь она допускает неограниченную делимость предмета познания, монотонность и повторяемость его отдельных фрагментов. Но это не приводит к выстраиванию завершенной научной картины мира о языке. Как тут не вспомнить басню С.В. Михалкова «Слепые и слон», написанную в 1968 г. также по поводу сложившейся тогда ситуации в советской науке в целом.

За последние двадцать лет многое было «изобретено» в отечественной науке о языке: «Это альтернативная историческая лингвистика и лингвицистика, нанолингвистика и неопсихолингвистика, креативная лингвистика и лингвосинергетика, неолексикология и стереолингвистика, суггестивная лингвистика и теологическая лингвистика, философия антиязыка и когнитивная философия языка, лингвистика креатива и экономика языка, лингвосоционика и компьютационная лингвистика, коннективистика и лингвистика информационно-психологической войны, фронтирная лингвистика и даже «новейшая лингвистика». Последнее как научное течение, по словам ее «создателя», впрочем, как и все другие, выделяется на фоне других имеющихся течений в синхронии современного состояния лингвистического знания, обладает своими объектом, методологией и ключевыми понятиями» [Базылев, 2022].

Проблема в том, что методология конкретной области научного знания не сводится к системе используемых в этой науке методов исследования. При такой трактовке науки на второй план уходит главное – мировоззренческое значение, философский смысл науки о языке.

Заключение

Подмена монистического философского базиса неограниченным набором методов ведет к тому, что в современной отечественной науке о языке присутствуют случайные, пустые, бессодержательные «теории». Они полны противоречивыми утверждениями, которые, однако, в той или иной степени влияют на процесс производства знания о языке. Некоторые лингвисты жалуются на то, что до сих пор не сформулирован идеальный проект лингвистики, т. е. не определены ответы на вопросы о том, что нужно изучать, и почему ценностью считается изучение именно этого, а не чего-либо иного.

Ответить на это можно двумя тезисами. Во-первых, любая наука имеет перспективы конструктивного формирования только в том случае, если она востребована обществом, служит его интересам, решает актуальные, жизненно важные для общества проблемы (как это должна делать теоретическая лингвистика), обеспечивает его развитие (как это должна делать прикладная лингвистика).

Во-вторых, в противном случае она «замирает». А со смертью ключевого субъекта познания в той или иной науке, в контексте нашей статьи о философии языка, будь то Н.Я. Марр или В.З. Панфилов, она замирает до появления другого, который подхватит эстафету через отрицание предыдущей или превозмогание наличной парадигмы, того, кто придет, чтобы создать новую философию языка.

Историю любой науки, в том числе историю философии языка, нельзя связывать только с прошлым. История науки поучительна не только тем, что предостерегает исследователя от ошибок, которые уже были однажды совершены. Но также от подходов к проблемам, которые оказались непродуктивны. Кроме того, она позволяет предвидеть направление ее дальнейшего развития.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 432 с.
- Андропов Ю.В.* 60 лет СССР. – Москва : Политиздат, 1982. – 60 с.
- Базылев В.Н.* Наука о языке XXI века : словарь-справочник. – Москва : Флинта : Наука, 2022. – 136 с.
- Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 г. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 368 с.

- Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. – Москва : АСТ, 2022. – 416 с.
- Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. – Москва : МГУ, 1952. – 412 с.
- Звегинцев В.А. Что происходило в советской науке о языке // Язык и социальное познание : сб. статей / сост. В.Н. Переверзев. – Москва : АН СССР, 1990. – С. 3–39.
- Касавин И.Т. Познание в мире традиций. – Москва : Наука, 1990. – 202 с.
- Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». – Москва ; Нью-Йорк : ЧеРо, 2006. – 812 с.
- Мышление и язык / под ред. Д.П. Горского. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 408 с.
- Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – Москва : Наука, 1982. – 357 с.
- Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. – Москва : Наука, 1977. – 288 с.
- Постовалова В.И. Отечественная лингвистика XX века и ее корифеи: Б.А. Серебренников: учение о языке // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3. – С. 238–253.
- Против вулгаризации и извращения марксизма в языкознании : сб. статей / под ред. В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова. – Москва: АН СССР, 1951. – 432 с.
- Сталин И.В. Относительно марксизма в языкознании. – Москва : Правда, 1950. – 32 с.
- Степанов Ю.С. Язык и метод : к современной философии языка. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
- Структурализм: за и против: сб. статей / под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – Москва : Прогресс, 1975. – 468 с.
- XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (14–25 февраля 1956 г.) : стенографический отчет. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 640 с.

References

- Alpatov V.M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 432 p. (In Russian)
- Andropov Ju.V. *60 let SSSR* [60 years of the USSR]. Moscow: Politizdat, 1982. 60 p. (In Russian)
- Bazylev V.N. *Nauka o jazyke XXI veka. Slovar'-spravochnik* [Linguistics of the XXI century]. Moscow: Flinta: Nauka, 2022. 136 p. (In Russian)
- Bibliograficheskij ukazatel' literatury po jazykoznaniju, izdannoj v SSSR s 1918 po 1957 god* [Bibliographic index of literature on linguistics published in the USSR from 1918 to 1957]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1958. 368 p. (In Russian)
- Buras M.M. *Lingvisty, prishedshie s holoda* [Linguists who came from the cold]. Moscow: AST, 2022. 416 p. (In Russian)
- Voprosy jazykoznanija v svete trudov I.V. Stalina* [Questions of linguistics in the light of the works of I.V. Stalin]. Moscow: MGU, 1952. 412 p. (In Russian)
- Zvegincev V.A. *Chto proishodilo v sovetskoj nauke o jazyke* [What happened in the Soviet Linguistics] // *Jazyk i social'noe poznanie: Sbornik statej / sost. V. N. Pereverzev*. Moscow: AN SSSR, 1990. Pp. 3–39. (In Russian)

- Kasavin I.T. *Poznanie v mire tradicij* [Learning in the world of traditions]. Moscow: Nauka, 1990. 202 p. (In Russian)
- Krivososov A.T. *Myshlenie, jazyk i krushenie mifov o "lingvisticheskoj odnositel'nosti", "jazykovej kartine mira" i "marksistsko-leninskom jazykoznanii"* [Thinking, language and the collapse of myths about "linguistic relativity", "the linguistic picture of the world" and "Marxist-Leninist linguistics"]. Moscow; New York: CheRo, 2006. 812 p. (In Russian).
- Myshlenie i jazyk* [Thinking and language] / pod red. D.P. Gorskogo. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskij literatury, 1957. 408 p. (In Russian).
- Panfilov V.Z. *Gnoseologicheskie aspekty filozofskih problem jazykoznanija* [Epistemological aspects of philosophical problems of linguistics]. Moscow: Nauka, 1982. 357 p. (In Russian)
- Panfilov V.Z. *Filozofskie problemy jazykoznanija* [Philosophical problems of linguistics]. Moscow: Nauka, 1977. 288 p. (In Russian)
- Postovalova V.I. *Otechestvennaja lingvistika XX veka i ee korifei. B.A. Serebrennikov: uchenie o jazyke* [Russian linguistics of the twentieth century and its luminaries. B.A. Serebrennikov: the doctrine of language] // *Voprosy psiholingvistiki*. 2017. N 3. Pp. 238–253. (In Russian)
- Protiv vul'garizacii i izvrashhenija marksizma v jazykoznanii* [Against the vulgarization and perversion of Marxism in linguistics]. Sbornik statej / pod red. V.V. Vinogradova i B.A. Serebrennikova. Moscow: AN SSSR, 1951. 432 p. (In Russian)
- Stalin I.V. *Otnositel'no marksizma v jazykoznanii* [Regarding Marxism in linguistics]. Moscow: Pravda, 1950. 32 p. (In Russian)
- Stepanov Ju.S. *Jazyk i metod: k sovremennoj filozofii jazyka* [Language and method: Towards a modern philosophy of language]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 p. (In Russian)
- Strukturalizm: za i protiv* [Structuralism: pro & contra]. Sbornik statej / pod red. E.Ja. Basina i M.Ja. Poljakova. Moscow: Progress, 1975. 468 p. (In Russian)
- XX s'ezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza (14–25 fevralja 1956 g.): stenograficheskij otchet* [XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union (February 14–25, 1956): Verbatim report]. Moscow: Gospolitizdat, 1956. 640 p. (In Russian)

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 81*38

DOI: 10.31249/ling/2024.04.02

Шпетный К.И.¹

КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Рассматриваются сущностные когнитивно-стилистические характеристики англоязычного натуралистического дискурса. Он возникает как самостоятельное явление в художественном нарративе во второй половине XVIII в. и оформляется как отдельное быстро развивающееся направление в конце XX – начале XXI в. Выявлены и описаны его дистинктивные признаки в современном американском и британском литературно-художественном процессе.

Ключевые слова: лингвистическая стилистика; когнитивное знание; натуралистический дискурс; природа; проза; гармония; термин; метафора.

Для цитирования: Шпетный К. И. Когнитивно-стилистические особенности англоязычного натуралистического дискурса // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 29–42. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.02

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

---

¹ © Шпетный К.И., 2024

Шпетный Константин Иванович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики английского языка Факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета, заслуженный профессор ФГБОУ ВО МГЛУ; kon5804@yandex.ru

SHPETNY C.I.¹

COGNITIVE-STYLISTIC FEATURES OF THE ENGLISH NATURE DISCOURSE

Abstract. Essential cognitive-stylistic characteristics of the English nature writing discourse are revealed. The narrative emerges as a specific phenomenon in the literary production in the second half of the XVIII century, transforming into a specific progressively developing fiction trend in the late XX – early XXI centuries. Its distinctive features in the American and British literature discourse are singled out and analysed.

Keywords: linguistic stylistics; cognitive knowledge; naturalist writing; discourse; fiction; non-fiction; harmony; term; metaphor.

For citation: Shpetny, C. I. Cognitive-stylistic features of the English nature discourse. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 29–42. DOI: 10.31249/ling/2024.04.02

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

Введение

Настоящее исследование имеет своей целью рассмотрение основных когнитивно-стилистических характеристик дискурсов отдельного и особого направления в англоязычном, преимущественно литературно-художественном процессе, за которым в последнее десятилетие в американской традиции закрепилось название *nature writing* и которое, по нашему мнению, можно обозначить термином «натуралистический дискурс».

Как его метафорически охарактеризовал автор многочисленных книг о консервации природной среды Дэвид Уоллес (1945–), “Nature writing is a historically recent literary genre, and, in a quiet way, one of the most revolutionary. It’s like a woodland stream that sometimes runs out of sight, buried in sand, but overflows into waterfalls father downstream. It can be easy to ignore, but it keeps eroding the bedrock” [Wallace, 1984] («Натуралистическое произведение –

---

¹ © Shpetny C.I., 2024

Shpetny Constantine Ivanovitch – PhD, associate professor, associate professor at the Chair of Stylistics of the English Department of the Moscow State Linguistic University, Professor Emeritus at MSLU; kon5804@yandex.ru

это исторически недавно возникший литературный жанр и, выражаясь умеренным слогом, один из самых революционных. Он напоминает лесной ручей, который то пропадает из вида, спрятавшись в песках, то становится водопадом ниже по течению. Его можно и вовсе не заметить, а он тем временем продолжает понемногу разрушать его каменистое дно»¹).

В книге Т.Дж. Лайона представлена обширная библиография литературных источников по данной теме, хронологически охватывающая преимущественно последние десятилетия XX века.

В концептуальном смысле натуралистический нарратив призван напомнить о неразрывных связях и всеобщей гармонии в тварном мире. Он нацелен на формирование понимания современным человеком необходимости учета когнитивно-экологического взгляда на окружающий мир, на попытку осмыслить роль естественной природы в жизни человеческого сообщества.

Различные дискурсы натуралистической литературы могут включать в себя: (полевой) справочник / путеводитель (field guide), рассказ / эссе о природе (nature essay), стихотворение о природе (poetry), литературные мемуары (literary memoir), очерк / личные размышления (essay / personal reflections). Более пристальный взгляд на окружающий мир природы может быть представлен в виде отдельных повествований о флоре и фауне, например, о жизни пчел и пчеловодстве, о лесных совах, деревьях, обитателях естественных водоемов, диких или домашних животных, о жизни отдельного животного в природе или о представителе домашнего скота. Это могут быть пейзажные зарисовки девственных лесов, далеких гор или обширных полей, рассказы о труде землепашцев и о приключениях путешественников.

“Almost all nature writing tells some kind of story. – [Отмечает Джонатан Франзен в своей статье *The Problem of Nature Writing* в журнале *The New Yorker*] – A writer ventures out to a lovely local wetland or to a pristine forest, experiences the beauty of it, perceives a difference in the way time passes, feels connected to a deeper history or a larger web of life, continues down the trail, sees an eagle, hears a loon: this is, technically, a narrative” [Franzen 2023, p. 30] («Почти каждое произведение о природной среде является своеобразным рассказом о жизни человека.

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – К.Ш.

Автор оказывается то на мокром лугу, то в девственном лесу, он ощущает их красоту, замечает изменения, происходящие со временем, чувствует свою связь с более далеким прошлым или с событиями окружающей жизни, он идет далее по тропинке, он видит птицу, (нет в оригинале!) орла, слышит крик гагары: всё это фактически и есть литературное повествование»).

Из приведенного выше высказывании американского писателя и эссеиста Джонатана Франзена (1959 –) можно заключить, что натуралистический дискурс является, по его мнению, не более, чем «простой формальностью», а также «возможностью для размышлений и описаний» окружающей человека жизни – *environment*. При этом акцент делается на «радостное сопереживание» от общения с естественной природной средой, что можно считать непосредственным признанием объективной **значимости вербального когнитивно-стилистического представления об окружающем мире.**

На фоне наблюдаемых сегодня прогрессирующих и подчас неблагоприятных изменений в состоянии окружающей природной среды становится понятным возросшее внимание к созданию натуралистических дискурсов со стороны авторов разножанровых произведений в различных стилях речи, равно как и прагматически обусловленный рост читательского интереса к ним [Yadi, 2022].

В любом жанре натуралистического нарратива встречаемся с описанием жизни сообщества людей в мире окружающей природы, и потому дистинктивной когнитивной чертой натуралистического дискурса является рассказ о взаимоотношениях между миром естественной природы и человеческим сообществом, непосредственным бытием человека в тварном мире.

Лингвотеоретические предпосылки формирования натуралистического дискурса

Возникновение и прогрессирующее развитие натуралистической литературы в англоязычном литературно-художественном процессе прагматически потребовало широкого и разнообразного использования арсенала лексико-семантических и лингвостилистических ресурсов английского языка, а также фонетических, синтаксических, структурно-композиционных, собственно лингвостилистических средств и приемов в релевантных функциональных стилях современного языка.

Как справедливо утверждает отечественный лингвист – основоположник данной отрасли лингвистической науки проф. И.Р. Гальперин (1905–1984), «стилистика определяется как наука о подсистемах литературного языка (стилях языка) и о средствах языкового выражения, применением которых обусловлен требуемый эффект (цель высказывания)» [Galperin, 1981, p. 6]. Если книга на английском, то цитату надо дать сначала на английском, а затем уж – перевод!

Две задачи, стоящие перед лингвистической стилистикой, проистекают из фундаментального труда И.Р. Гальперина “*Stylistics*”, а именно: “a) the investigation of the inventory of special language media which by their ontological features secure the desirable effect of the utterance and b) certain types of texts (discourse) which due to the choice and arrangement of language means are distinguished by the pragmatic aspect of the communication” [Galperin, 1981, p. 9]; «а) изучение всего набора особых языковых средств, которые по своей онтологической сущности обеспечивают желаемый эффект конкретного высказывания и б) отдельных типов текстов (дискурса), которые благодаря выбору и организации языковых средств передают прагматический аспект коммуникации».

В вышеприведенном высказывании обращают на себя особое внимание две важнейшие мысли автора, которые непосредственно соотносятся с целями и задачами настоящей работы: (1) в центре внимания современного исследователя находятся релевантные характеристики концептуально осмысляемого дискурса в русле когнитивной стилистики [Шпетный, 2022] и (2) прагматические параметры дискурса в целях вербальной коммуникации приобретают более конкретное практическое осмысление [Которова, 2019].

Понятие прагматики можно было определить, как отношение между знаком и его интерпретацией / интерпретатором, иначе – языковой знак создает образ и предлагает его понимание [Morris (1903–1979) и Ch. Pierce (1803–1914)]. Теория знаков Ч. Морриса и Ч. Пирса предлагает модель объяснения существующей языковой реальности, основанной на представлении о том, что язык состоит из определенного набора знаков, и что эти знаки связаны с реальными явлениями бытия, его предметами, концепциями и его отражающими идеями. Знак рассматривается в рамках единой и взаимосвязанной системы концептуальных, прагматических и лингвистических

категорий – фонологических, лексико-семантических, грамматико-синтаксических и когнитивно-стилистических.

Теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля предполагает, что высказывание является вербальным действием, и процесс коммуникации представляется процессом непосредственного и активного вербального взаимодействия участников общения [Austin (1911–1960), Searle (1932–)].

Представляется, что категория прагматики остается характерной и неотъемлемой когнитивно-стилистической особенностью натуралистического дискурса в художественном нарративе, а также в других функционально отличных типах текстов.

Стилистические характеристики

“There is some confusion as to exactly what nature writing is, – замечает D. R. Wallace из *The New York Times*. – It usually is associated with essays such as "Walden", but there is nature fiction, nature poetry, nature reporting, even nature drama, if television documentary narrations are literature” [Wallace, 1984] («Существует определённая неясность относительно того, что такое натуралистическое повествование. Оно обычно ассоциируется с эссе подобными книге *Walden*, и это могут быть проза о природе, стихотворения о ней, сообщение о явлениях природы, это может быть даже натуралистическая драма, если считать литературными произведениями документальные кадры»).

Имя и книга американского писателя, философа и натуралиста Генри Д. Торо (Henry David Thoreau, 1817–1862) *Walden or Life in the Woods* (1854) известны интересующимся проблемами натуралистического письма. В своем основном труде (более 20 томов) автор – на основании личного опыта жизни в течение двух лет в построенной им хижине на берегу Уолденского пруда – помещает размышления о природе и современном ему обществе, о несложной жизни вдали от городской суеты, приводит подробные записи о растительном и животном мире родного края и размышления о призрачности своего бытия [Thoreau, 2007, p. 25].

Вот характерный пример из книги Г.Д. Торо *Walden*: “To anticipate, not the sunrise and the dawn merely, but, if possible, Nature herself! How many mornings, summer and winter, before yet any neighbor was stirring about his business, have I been about mine! No

doubt, many of my townsmen have met me returning from this enterprise, farmers starting for Boston in the twilight, or woodchoppers going to their work. It is true, I never assisted the sun materially in his rising, but, doubt not, it was of the last importance only to be present at it” («Необходимо попытаться понять, нет не просто утренний рассвет или закат, но, если возможно, саму Природу! Сколько раз я, бывало, рассказывал своему соседу о своем бизнесе еще до того, когда он пытался рассказать мне о своем бизнесе! Несомненно, многие из горожан встречали меня по пути с работы – это фермеры, в сумерках направлявшиеся в Бостон, или дровосеки по пути на работу. Я, конечно, никогда реально не помогал восходу солнца, но не сомневайтесь, что присутствовать при рассвете было для меня немаловажно»).

С лексико-семантической точки зрения отрывок и последующие описания насыщены многочисленными образными упоминаниями тружеников полей, имен и названий различных видов животных и растений, описаниями состояний природы в различные времена года, наблюдениями за движениями светил на небосводе.

По мнению А.А. Реформатского, «терминологии и термины, как их составные части, являются инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения» [Реформатский, 1968, с. 25]. Одной из характерных особенностей натуралистического дискурса является именно особый специфический характер профессионально ориентированной системы терминов и обозначений различных проявлений в жизни природной среды.

Дискурс пронизан чередой лексико-семантических и синтаксических повторов, образных сравнений и метафорически окрашенных вербальных единиц.

Один из исследователей особенностей натуралистического дискурса справедливо отмечает: “You might be writing about the landscape, from farming to remote islands or city life. You may want to write about the fauna and flora of a whole region, or just one animal or a single tree” («Вы можете описывать пейзаж, например, фермы, далёкие острова или городскую жизнь. Вам захочется рассказать о фауне или флоре какого-то отдельного района, или просто об одном животном, или одиноко стоящем дереве»).

В основе художественного осмысления явлений мира природы лежат труды непосредственно научного характера, которые

были популярны среди авторов и читателей со второй половины XVIII в. вплоть до XX в.

Интерес к натуралистическому нарративу возобновляется в середине XX в., а в XXI в. претерпевает всплеск в своем развитии в США. В настоящее время он оформился в виде особого литературного направления.

Ниже приводим имена некоторых авторов англоязычных натуралистических дискурсов и названия их произведений:

– Charles Darwin. *On the Origin of Species* (1859) – научный труд о происхождении видов;

– Herman Melville. *Moby-Dick, or The Whale* (1851) – роман о морских путешествиях и об охоте на кита;

– Hamlin Garland. *The Eagle's Heart* (1900) – рассказ о жизни птиц;

– Frank Norris. *A Deal in Wheat and Other Stories of the New and Old West* (1903) – рассказ о возделывании пшеницы в США;

– Jack London. *White Fang* (1906) – рассказ о жизни дикого волка;

– James Oliver Curwood. *Kazan or "Kazan, The Wolf-Dog"* (1914) – повествование о жизни волка;

– Wallace Stevens. *Thirteen Ways of Looking at a Blackbird* (1917) – стихотворения о жизни птиц;

– Theodore Dreiser. *Free and Other Stories* (1918) – рассказы о жизни в природе;

– Joy Adamson. *Born Free* (1960) – повесть о жизни детеныша львицы;

– John Fowles. *The Tree* (1979) – рассуждение о происхождении имен людей и о природе;

– Annie Dillard. *Teaching a Stone to Talk* (1982) – рассказ о жизни диких зверей;

– Sooyong Park. *The Great Soul of Siberia* (2015) – рассказ о совах;

– Кью Maclear. *Birds Art Life* (2017) – повествование о жизни пернатых и о связи природы и науки о природе;

– Jini Reddy. *Wanderland* (2020) – описания английского пейзажа;

– Marc Hamer. *Seed to Dust* (2021) – рассказы о природе и садоводстве;

– Anita Sethi. *I Belong Here* (2021) – рассказ о диких травах в английском пейзаже.

Одним из ранних примеров данного типа дискурса можно считать труд английского натуралиста и орнитолога Гильберта Уайта (Gilbert A. White (1720–1793) *Natural History and Antiquities of Selborne* (1789).

Среди первых американских авторов натуралистического дискурса является ботаник и орнитолог Уильям Бартрэм (William Bartram) (1739–1823) с его работой под названием *Bartram's Travels* (1791), где он, в частности, составил описание жизни птиц Нового Света.

Во Введении своей книги Уильям Бартрэм излагает своего рода прагматически ориентированный *манифест натуралистического дискурса*: “The attention of a traveler should be particularly turned, in the first place, to the various works of Nature to mark the distinctions of the climates he may explore, and to offer such useful observations on the different productions as may occur ... it is hoped that his labours will present new as well as useful information to the botanist and zoologist» [Bartram, 1791, p. IX] (здесь и ниже цитируется в современной орфографии) («Внимание путешественника должно быть прежде всего обращено на различные произведения Природы для того, чтобы заметить особенности тех климатических зон, которые он исследует, и предложить свои полезные наблюдения на различные ему встретившиеся произведения ... в надежде, что его труды представят новую и полезную информацию ботанику или зоологу»).

“This world, as a glorious apartment of the boundless palace of the sovereign Creator”, – добавляет У. Бартрэм, используя ряд метафорических сравнений и эпитетов для обозначения Творца мира и всей Вселенной [Ibid.] («Наш мир своего рода прекрасная квартира в безграничном и огромном дворце государя Творца»).

Как видим, автор натуралистического дискурса постулирует двоякую задачу своего повествования: во-первых, он описывает *the various works of Nature to mark the distinctions of the climates he may explore*, а, во-вторых, выражает желание *to offer such useful observations on the different productions as may occur*, подчеркивая научную ценность подобного повествования: *useful information to the botanist and zoologist*. Обращает на себя внимание также более

раннее среднеанглийское лексическое значение слова *climates* (с суффиксом *-s*): a region with a particular climate, a zone of the earth between two lines of latitude [Oxford Dictionary of English, Oxford University Press, 1998].

Это вполне подтверждает высказанную выше мысль Дж. Франзена о наличии *a clear sense of place* в натуралистическом дискурсе.

Таким образом, натуралистический дискурс когнитивно опирается на информацию научного характера и факты, относящиеся к миру природы. Повествование обычно ведется от первого лица и содержит набор личных наблюдений автора, с одной стороны, и ряд лирико-философских размышлений об артефактах и явлениях в естественной природной среде, с другой стороны. Категория прагматики реализуется здесь как выраженная когнитивно-стилистическая особенность персонализированного обращения автора нарратива [Yadi, 2022, p. 2].

Характерной особенностью натуралистического дискурса является присутствие широкого спектра средств стилистической образности. Центральное место среди них занимает *метафора*, также используются иные стилистические приемы, такие как как метонимия, сравнение, эпитет и некоторые другие.

Такая манера повествования отмечается в книге Анни Диллард (Annie Dillard, 1945–) *Pilgrim at Tinker Creek* (1974):

“The dark night into which this year was plunging was not a sleep but an awakening, a new and necessary austerity, the sparer climate for which I longed. The shed trees were brittle and still, the creek light and cold, and my spirit was holding its breath” («Тёмная ночь, в которую погружался этот год, была не сном, а неким пробуждением от сна, какой-то новой и необходимой суровостью, тем самым запасным состоянием природы, о котором я мечтал. Наклонившиеся деревья были стройными и неподвижными, речная вода была прозрачной и холодной, а моя душа едва сдерживала дыхание»).

Дж. Бейкер (J.A. Baker, 1926–1987) в своей книге *The Peregrine* (1967) также прибегает к подобной манере реализации нарратива натуралистического дискурса, говоря о “the dark realm of the owls, the fox-holdings, the badger-shires, out into the brilliant winter dominion, the sea-bleak world of the hawks” («... мрачном мире сов, лисьих норах, барсучьих «графствах» и далее о прекрасном зимнем царстве и безрадостном, как море, мире ястребов»).

Согласно определению проф. И.П. Гальперина, “A metaphor becomes a stylistic device when two different phenomena (things, events, ideas, actions) are simultaneously brought to mind by the imposition of some or all of the inherent properties of one subject on the other which by nature is deprived of these properties” [Galperin, 1981, p. 140] («Метафора становится стилистическим приемом в том случае, когда в сознании одновременно возникают два различных явления (предметы, события, идеи, действия) посредством перенесения некоторых или всех свойств, присущих одному предмету, на другой предмет, который по своей природе этими свойствами не обладает»).

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что “metaphor is a natural phenomenon. Conceptual metaphor is a natural part of human thought, and linguistic metaphor is a natural part of human language” [Lakoff, Johnson, 2003, p. 248] («метафора представляет собой естественное явление. Концептуальная метафора является неотъемлемой частью мышления человека, а языковая метафора есть природное свойство языка человека»).

Применительно к проблематике натуралистического дискурса можно утверждать, что, как выразился американский профессор филологии П. Д. Мёрфи (Patrick D. Murphy, 1951–), “Analogies and metaphors can help you convey complex ideas and emotions in a more accessible way” [Murphy, 2024] («Аналогии и метафоры помогают нам передавать сложные идеи и эмоции более доступным способом»).

Заключение

В настоящем исследовании впервые предпринята попытка системного анализа базовых характеристик натуралистического дискурса (nature / naturist writing) с позиций лингвистической стилистики.

Дистинктивными особенностями натуралистического нарратива можно считать, на наш взгляд, следующие его характеристики: 1) когнитивно осмысленный и литературно представленный рассказ о состоянии природной среды обитания на Земле, о взаимоотношениях между миром естественной природы и человеческим сообществом, о бытии человека в окружающем его тварном мире; 2) прагматически ориентированное послание участникам и строителям социально-экономической, политической и нрав-

ственной жизни людей о необходимости сохранения и поддержания всесторонней гармонии в существующем окружающем мире; 3) выраженный индивидуально авторский стиль образного метафорического представления фактов и событий в мире природы, жизни человека в природной среде обитания; 4) особая терминология из сфер растительного и животного мира, строящаяся на основе соответствующих понятийных связей и профессиональных знаний и отражающая социально организованную действительность; 5) проникновение и распространение свойств и элементов натуралистического дискурса в различные типы, виды и жанры письменного и устного дискурса в реестре функциональных стилей: в язык публицистики и в жанры научной прозы, в тексты научно-технической литературы, в язык газеты и официальных документов, в тексты религиозного содержания.

Список литературы

- Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. С.К. Шаумян ; АН СССР. Ин-т русского языка. – Москва : Наука, 1968. – 412 с.
- Шпетный К.И.* School of Linguistic Stylistics in Russia and Vista of Its Advance in the Paradigm of Modern Cognitive Knowledge // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 8(863). – С. 119–127.
- Austin J.L.* How to do things with words. – Oxford : At The Clarendon Press, 1962. – 166 p.
- Bartram W.* Travels through North and South Carolina, Georgia, East and West Florida, the Cherokee Country, etc. – Philadelphia ; London : Printed by James and Johnson, 1791. – 532 p.
- Franzen J.* The Problem of Nature Writing // The New Yorker. August 12, 2023.
- Galperin I.R.* Stylistics : the 3rd edition. – Moscow : Vysšaja Škola, 1981. – 335 p.
- Khotorova E.G.* Pragmatics in the realm of language studies: issues of definition and classification // Russian Journal of Linguistics, 2019, N 23(1). – P. 98–115.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – London : Univ. of Chicago Press, 2003. – 276 p.
- Morris Ch.W.* Logical Positivism, Pragmatism, and Scientific Empiricism. – Paris, 1937. – 600 p.
- Murphy P.D.* Best nature writing: tips and techniques for easy and engaging content. – [atonce.com>blog/nature-writing](https://atonce.com/blog/nature-writing)
- Peirce Ch.S.* Studies in Logic / Introduction by M. Fisch, preface by A. Eschenbach. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1883. – 600 p.
- Searle J.R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.

- Thoreau H.D. Grammatdog Guide to Walden. – Downloadable PDF File. 2007. – 57 p.
- Wallace D. The Nature of Nature Writing // The New York Times, July 22, 1984; Jefferson L.Th. This Incomparable Land: A Guide to American Nature Writing // The World As Home Series. – Milkweed Editions, 2001. – 277 p.
- What is nature writing? – URL: <https://www.What is nature writing? 02 August 2019. – nanshep-herdprize.comnanshepherdprize.com/resources/what-is-nature-writing> (In English)
- White G. A Naturalist's Calendar, with observations in various branches of natural history, extracted from the papers of the late Rev. Gilbert White of Selborne, Hampshire, Senior Fellow of Oriel College, Oxford. Never before published / edited by J. Aikin. – London : Printed for B. and J. White, Horace's Head, Fleet Street. 1795. – 170 p.
- Yadi L. How to write engaging non-fiction nature writing. – URL: <https://www.novlr.org/the-reading-room/how-to-write-engaging-non-fiction-nature-writing>

References

- Reformatsky A.A. Termin kak chlen leksicheskoy sistemy jazyka [Term as a part of the lexical system of language]. In *Problemy strukturnoj lingvistiki* [Issues of structural linguistics]. Ed. by S.K. Shaumyan. Academy of Sciences of the USSR. Institute of the Russian Language. Moscow, 1968. 412 p. (In Russian)
- Shpetny C.I. [Shkola lingvisticheskoy stilistiki v Rossii i perspektivy ejo razvitiya v paradigme sovremennogo kognitivnogo znanija] School of Linguistic Stylistics in Russia and Vista of Its Advance in the Paradigm of Modern Cognitive Knowledge. In *Vestnik Moskovskogo Gosydarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta (MGLU). Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University (MGLU). Humanities]. 2022. Iss. N 8(863). P. 119–127.
- Austin J.L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 166 p.
- Bartram W. *Travels through North and South Carolina, Georgia, East and West Florida, the Cherokee Country, etc.* Philadelphia; London: Printed by James and Johnson, 1791. 532 p.
- Franzen J. The Problem of Nature Writing // *The New Yorker*. August 12, 2023.
- Galperin I.R. *Stylistics*. Moscow: Vysšaja Škola, 1981. 335 p.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London: Univ. of Chicago Press, 2003. 276 p.
- Lyon Th.J. This Incomparable Land: A Guide to American Nature Writing. *The World As Home Series*. Milkweed Editions, 2001. 277 p.
- Morris Ch.W. *Logical Positivism, Pragmatism, and Scientific Empiricism*. Paris, 1937. 600 p.
- Murphy P.D. *Best nature writing: tips and techniques for easy and engaging content*. – [atonce.com>blog/nature-writing](https://atonce.com/blog/nature-writing)
- Peirce Ch.S. *Studies in Logic*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1883. 600 p.
- Searle J.R. *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1969. 203 p.

- Thoreau H.D. *Grammardog Guide to Walden*. Down-loadable PDF File. 2007. 57 p.
- Wallace D. The Nature of Nature Writing // *The New York Times*, July 22, 1984.
- What is nature writing? – URL: <https://www.What is nature writing? 02 August 2019. – nanshep-herdprize.comnanshepherdprize.com/resources/what-is-nature-writing>
- White G. *A Naturalist's Calendar, with observations in various branches of natural history, extracted from the papers of the late Rev. Gilbert White of Selborne, Hampshire, Senior Fellow of Oriel College. Oxford; London, 1795. 170 p.*
- Yadi L. *How to write engaging non-fiction nature writing*. – URL: <https://www.novlr.org/the-reading-room/how-to-write-engaging-non-fiction-nature-writing>

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

TEXT LINGUISTICS

УДК 81'23+159.937

DOI: 10.31249/ling/2024.04.03

Рыжова Л.П., Марков М.Р.¹

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА 'FEU' КАК СЕНСОРНОГО ОБРАЗА ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АНРИ БАРБЮСА "LE FEU")

Аннотация. В статье представлены результаты исследования способов метафоризации суперконцепта "FEU" (ОГОНЬ), представленного в заголовке романа А. Барбюса "Le feu" как смыслообразующем центре содержания всего произведения, Формирование семантико-прагматической структуры концептуально-языковой метафоры "FEU" осуществляется на основе метода контекстуально-дискурсивной интерпретации через субординатный концепт "GUERRE" (ВОЙНА). Его содержание раскрывается в данной статье через вербализацию чувственных впечатлений (зрительных, акустических, обонятельных, тактильных, вкусовых) бытовой стороны жизни солдат в зоне боевых действий, непосредственным участником которых был автор. Именно через его восприятие и осмысление событий войны создаётся субъективный художественный образ объективной реальности.

Ключевые слова: метафорическая репрезентация; концепт-фрейм; концептуальная метафора; сенсорный образ; вербализация.

---

¹ © Рыжова Л.П., Марков М.Р., 2024

Рыжова Людмила Павловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков им. В.Г. Гака института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; lprujova@rambler.ru

Марков Максим Романович – аспирант II курса кафедры романских языков им. В.Г. Гака института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; mr_markov@student.mpgu.edu

Для цитирования: Рыжова Л.П., Марков М.Р. Метафорическая репрезентация концепта “FEU” как сенсорного образа войны (на материале романа Анри Барбюса “LE FEU”) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. – 2024. – № 4. – С. 43–55. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.03

RYZHOVA L.P., MARKOV M.R.¹

METAPHORICAL REPRESENTATION OF FEU CONCEPT AS A SENSORY IMAGE OF WAR (BASED ON THE NOVEL BY HENRI BARBUS “LE FEU”)

Abstract. The article presents the results of a study of the methods of metaphORIZING the super-concept “FEU” (FIRE), presented in the title of A. Barbusse's novel “Le feu” as the semantic center of the content of the entire work. The formation of the semantic-pragmatic structure of the conceptual-linguistic metaphor “FEU” is carried out on the basis of the method of contextual-discursive interpretation through the subordinate concept “GUERRE” (WAR). Its content is disclosed in this article through the verbalization of sensory impressions (visual, acoustic, olfactory, tactile, taste) of the everyday life of soldiers in the combat zone, of which the author was a direct participant. It is through his perception and understanding of the events of war that a subjective artistic image of objective reality is created.

Keywords: metaphorical representation; concept frame; conceptual metaphor; sensory image; verbalization

For citation: Ryzhova L.P., Markov M.R. Metaphorical representation of feu concept as a sensory image of war (based on the novel by Henri Barbus “LE FEU”). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 43–55. DOI: 10.31249/ling/2024.04.03

Введение

Контекстуально-дискурсивное исследование языкового материала сенсорно-образного содержания имеет целью выявление семантических и функциональных характеристик использования модусов восприятия (зрительного, слухового, тактильного, обонятельного,

---

¹ © Ryzhova L.P., Markov M.R., 2024

Ryzhova Lyudmila Pavlovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Romance Languages named after V.G. Gak, the Institute of Foreign Languages of Moscow State Pedagogical University; lprjova@rambler.ru

Markov Maksim Romanovich – post-graduate student of the 2nd year of the Department of Romance Languages named after V.G. Gak, the Institute of Foreign Languages of Moscow State Pedagogical University; mr_markov@student.mpgu.edu

вкусового), обусловивших формирование индивидуально-авторской концептуально-языковой картины мира, и метафорическую репрезентацию сенсорного образа войны как субординатного компонента суперконцепта "*FEU*" (ОГОНЬ) в романе Анри Барбюса "*Le feu*".

Характеристика романа Анри Барбюса «Le feu»: история создания

Роман Анри Барбюса *Le Feu (Journal d'une escouade)* / Огónь (Дневник одного отделения) является одним из первых в художественной литературе крупных произведений о Первой мировой войне, участником которой автор был с 1914 по 1916 г. В течение всего 1915 г. он вел военный дневник, в котором описывал фронтовую жизнь, тот страх и ужас, в которых он жил в течение двадцати двух месяцев в окопах на передовой в составе 231 пехотного полка, описывал свои ощущения, записывал высказывания сослуживцев о происходящих событиях. Эти записи послужили основой для написания романа. Большая часть написана в первой половине 1916 г., когда он находился в госпитале на лечении. По сути, в романе описано индивидуально-авторское осмысление событий Первой мировой войны, представлена концептуально-языковая картина этой войны, то есть создан субъективный художественный образ реальной действительности, получивший свою репрезентацию в данном произведении.

Роман состоит из двадцати четырёх глав, большая часть из которых впервые появилась с 3 августа по 9 ноября 1916 г. в ежедневной газете *L'Œuvre* Гюстава Тери. В ноябре того же года роман был опубликован полностью в издательстве Фламмаринон и получил 15 декабря Гонкуровскую премию [[ru.m.wikipedia.org/wiki/Огонь_\(роман\)](http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Огонь_(роман)), дата обращения 02.03.2023].

Заголовок в художественном произведении

Задача заголовка в художественном произведении – выступать в качестве одного из потенциальных средств, обеспечивающих в определенной мере понимание коммуникативных установок автора для достижения определённой цели, а именно эмоционально воз-

действовать на читателя с целью привлечь его внимание к содержанию романа.

Выбор названия романа “Le feu” не случаен. Это ключевое слово эмоционально-оценочной интерпретации индивидуально-авторского осмысления империалистической войны как социально значимого явления в истории французского народа. Заголовок “Le feu” рассматривается как сложная синкретическая концептуально-языковая метафора “FEU” (ОГОНЬ), репрезентирующая сенсорно-образное восприятие Первой мировой войны, непосредственным участником которой был автор. Он же – рассказчик этих событий, и именно через его восприятие и осмысление создаётся художественно-образная картина войны со всеми её ужасами, страхом смерти и желанием выжить, но и необходимостью снова и снова идти в бой или терпеливо переносить все тяготы окопной жизни. Реальность и достоверность этих событий подтверждает подзаголовок романа “Journal d’une escouade” («Дневник одного отделения») как свидетельство того, что в романе описаны реальные события и реальные их участники.

Заголовок романа – “Le feu” – является смыслообразующим центром содержания всего произведения, интегрируя ассоциативно-содержательные аспекты концепта “GUERRE” (ВОЙНА) и чувственно-образное восприятие событий войны её непосредственными участниками.

Языковая картина мира ↔ концептуальная картина мира: понятие ↔ концепт

В результате взаимодействия человека с окружающей действительностью складываются, отмечает В.И. Постовалова, его представления о ней, формируется определенная модель мира как субъективный образ объективной реальности, которая именуется картиной мира. Картина мира, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них [Постовалова, 1988, с. 21]. Тем самым открывается возможность выявлять и комбинировать различные (ситуативно актуальные) аспекты образа мира, в том числе образы чувственного восприятия феномена “*FEU*” (ОГОНЬ) для создания в романе А. Барбюса “*Le feu*” индивидуально-авторского варианта концепту-

ально-языковой картины войны. При этом связь языковой и концептуальной картин мира состоит в том, что «язык исполняет роль средства общения именно благодаря тому, что он объясняет содержание концептуальной картины мира» [Серебренников, 1988, с. 107].

Единицей анализа языковой картины мира является язык, его система *понятий* или *словарных дефиниций*, одна из важнейших функций которых – сохранять и передавать из поколения в поколение полученные знания о мире. Единицей анализа концептуальной картины мира является концепт, существующий, как и язык, в коллективном сознании и актуализирующий ситуативное или контекстуальное значение в языковой форме, то есть единицы языковой системы, через выделение «доминантных смыслов художественного текста» [Пищальникова, 2002, с. 37].

Слово *feu* (огонь) как лексическая единица системы французского языка обозначает зрительно наблюдаемое (1) физическое явление, (2) сопровождаемое интенсивным, быстро распространяющимся горением, (3) выделяющее свет, тепло, угарный газ и дым, (4) необратимо уничтожающее всё, что может гореть, (5) представляющее большую опасность для человека: ожоги, боль, пожары, разрушения, (6) вызывающее чувство ужаса, страха, безысходности.

Данные компоненты, образуют этимологически исходное (первичное) значение словарной единицы *feu* и связаны во французском языке с лексическими единицами, характеризующими данное понятие как многозначное, вследствие чего семантический потенциал данной леммы располагает возможностью интерпретировать одну и ту же лексическую единицу различными способами (синонимия, омонимия, сравнение, метафоризация и т.п.).

Синонимический ряд леммы *feu* (огонь), например, включает такие слова и словосочетания, как: *la combustion* (горение); *la flamme* (пламя); *la flambée* (вспышка); *l'étincelle* (искра); *l'incendie* (пожар) и др. Огонь всегда сопровождается дымом – *la fumée, une colonne de feu et de fumée* (столб огня и дыма); выделением тепла – *la chaleur du feu* и яркого света – *la lumière vive*. Такие глаголы, как *brûler* (гореть, жечь), *enflammer* (разжигать), *flamber, flamboyer* (пылать, полыхать, вспыхивать, опалить), *destruire* (разрушать) создают образ *огня* как физического явления, характеризующегося силой разрушения, приносящей физические и моральные страдания человеку, препятствующей его нормальной жизнедеятельности.

Таким образом, лексема *feu* (огонь) интегрирует знания о соответствующем феномене реального мира и репрезентирует концепт “*FEU*” (ОГОНЬ) как мыслительную структуру, способную включать многочисленные дополнительные смыслы, ситуативно обусловленные и связанные с индивидуально-авторским миропониманием, с различными знаниями и ассоциациями, сложившимися в сознании автора и получившие свою репрезентацию в художественном произведении как манифестация индивидуально-авторского осмысления сущности описываемых событий в виде метафорического суперконцепта или концепта-фрейма “*FEU*”.

События романа разворачиваются на полях сражений Первой мировой войны. И именно её восприятие автором и его сослуживцами является темой романа. При этом следует обратить внимание на тот факт, что концепт “*FEU*” (ОГОНЬ) в разных своих проявлениях в произведении обеспечивает его восприятие читателем как неотъемлемой составляющей боевых действий, как внутренне присущей характеристикой социально-политического феномена войны. Здесь уместно показать, что лексема *feu* включается в состав довольно большой группы словосочетаний, характеризующих реалии войны:

Feu! – Огонь! Пли!

un feu de salve – залповый огонь (*fusil*);

un feu nourri – интенсивный огонь;

un feu roulant – огневой вал;

un coup de feu – вѣстрел;

la ligne de feu – линия огня;

un rideau de feu – огневая завеса;

la puissance de feu – огневая мощь;

aller au feu – идти в бой;

cesser le feu – прекратить огонь, стрельбу;

commander le feu – приказать открыть огонь;

essuyer (être sous) le feu de l'ennemi – быть, находиться под огнём неприятеля;

faire feu sur qn – вести огонь по кому-л.; стрелять в кого-л.;

faire long feu – дать осѣчку;

ouvrir le feu – открыть огонь;

recevoir des coups de feu – быть под обстрелом.

Таким образом, устанавливается реальная возможность синкретической метафорической репрезентации суперконцепта “*FEU*” через

содержательные элементы субординатного концепта "GUERRE" (ВОЙНА), рассматриваемого как набор субфреймов, опирающихся на информацию о войне как разрушительном явлении, о жизни и смерти, об участниках военных действий.

Репрезентация сенсорных модусов восприятия войны

В структуре романа важную роль в создании языковой картины войны, ее художественного образа играет вербализация сенсорных модусов восприятия (перцепции): зрительных, акустических, обонятельных, тактильных и вкусовых, каждый вид которых порождает разные по объему группы языковых выражений, формирующих семантико-прагматическую структуру метафорической репрезентации суперконцепта "FEU" через субординатный концепт "GUERRE", содержание которого раскрывается в романе через описание бытовой стороны жизни солдат в условиях боевых действий.

Среда, в которой живет человек, как объективная действительность дана человеку в ощущениях. Восприятие окружающей среды – одна из важнейших способностей человека, обладающего специфической психофизиологической системой, представленной пятью органами чувств, объективируется способностью вербализовать свои сенсорные ощущения языковыми средствами. Наличие перцептивной лексики как результата непосредственного взаимодействия человека с миром формирует концептуально-языковую картину некоторого фрагмента действительности, которая содержит актуальную информацию об этом мире, образуя функционально-прагматическое пространство взаимодействия с этим миром.

Первая мировая война – война окопная. Солдаты подолгу оставались в окопах под непрекращающимся огнём в ожидании боевых действий:

Tac! Tac! Pan! Les coups de fusil, la canonnade. Au-dessus de nous, partout, ça crépite ou ça roule, par longues rafales ou par coups séparés. Le sombre et flamboyant orage ne cesse jamais, jamais. Depuis plus de quinze mois, depuis cinq cents jours, en ce lieu du monde où nous sommes, la fusillade et le bombardement ne se sont pas arrêtés du matin au soir et du soir au matin. On est enterré au fond d'un éternel champ de bataille... (с.6). – Так! Так! Ббац! Ружейные выстрелы, канонада. Над нами везде треск или грохот – продолжительные раскаты или

отдельные удары. Черная огненная гроза не стихает никогда, никогда. Вот уже более пятнадцати месяцев, вот уже пятьсот дней в этой части света, где мы находимся, стрельба и бомбардировки не прекращались с утра до вечера и с вечера до утра. Мы погребены глубоко внутри этого вечного поля битвы.

Ужасны условия, в которых солдаты вынуждены находиться неделями под непрерывным огнём противника.

C'est la tranchée. Le fond en est tapissé d'une couche visqueuse d'où le pied se décolle à chaque pas avec bruit, et qui sent mauvais autour de chaque abri, à cause de l'urine de la nuit. Les trous eux-mêmes, si on s'y penche en passant, puent aussi.... – Это траншея. Ее дно покрыто вязким слоем, от которого при каждом шаге нога отрывается с громким хлопанием, и это дно дурно пахнет вокруг каждого укрытия из-за ночной мочи. Сами дыры, если мы заглянем в них мимоходом, тоже воняют...

В результате контекстуально-дискурсивного анализа вербализации модусов восприятия было выявлено, что для описания реальности в условиях боевых действий автор романа широко использует сенсорно-перцептивную лексику. Так, в примере (2) автор использует лексику, актуализирующую модусы зрительного (*tapissé d'une couche visqueuse*), слухового (*avec bruit*), осязательного (*le pied se décolle à chaque pas*), обонятельного (*se sent mauvais, puent, l'urine de la nuit*) восприятия. Это позволяет воспроизводить в сознании читателя более объёмное, наглядно-выразительное представление об описываемых условиях. И естественно, обстановка в траншее, представленная автором, вызывает у читателя не только чувство отвращения, но и сочувствие, жалость к людям, живущим в этих невыносимых условиях военного времени.

Наиболее употребительной по результатам исследований М.Р. Маркова [Марков, 2024] является лексика зрительного (визуального) модуса восприятия трагической сущности войны:

... on suit des yeux ces affluents vivants d'un fleuve de mort – ... мы наблюдаем (следим глазами) за этими нескончаемыми притоками реки смерти...

Автор создает образ непрерывного потока прибывающих на передовую людей, идущих навстречу гибели; он сравнивает притоки живых людей, поглощаемых мощным течением реки – реки смерти.

Монотонная жизнь в окопах дала автору возможность наблюдать за сослуживцами, узнавать их привычки, отмечать их особые приметы и черты, особенности речи. Поэтому в тексте много места отводится лексике именно зрительного модуса восприятия, связанной в описании внешнего вида солдат:

(4) *Ses petits yeux clignotaient dans une face où végétait largement la poussière. Au-dessus du trou de sa bouche édentée, sa moustache formait un gros paquet jaunâtre. Ses mains étaient sombres, terriblement: le dessus si encrassé qu'il paraissait velu, la paume plaquée d'une dure grisaille* / Его маленькие глазки сверкали на лице, густо покрытом пылью. Над открытым беззубым ртом его усы образовывали большой желтоватый клок. Его руки были ужасно темными: верх настолько покрылся грязью, что казался волосатым, ладони покрылись жестким серым налётом.

В данном фрагменте использованы слова для обозначения:

– визуального модуса цвета – *jaunâtre* (об усах), *sombres* (о грязных руках) и *grisaille* (о цвете ладоней);

– визуального модуса размера – *petits yeux*, *gros paquet* (об усах);

– визуального модуса нарушения целостности (*bouche édentée*).

Кроме того, автор употребляет глаголы и глагольные формы: *clignotaient* (о глазах), *si encrassé qu'il paraissait velu* (о тыльной стороне руки), *plaquée d'une dure grisaille* (о ладони).

Лексика зрительного модуса восприятия используется и для описания условий обитания:

(5)... *Moi, j'ai entendu, déclare le petit Breton Biquet. J'ai mal dormi, pas dormi pour mieux dire. J'ai une guitoune individuelle. Ben, tenez, la v'là, c'te putain-là.*

Il désigne une fosse qui s'allonge à fleur du sol, et où, sur une mince couche de fumier, il ya juste la place d'un corps. – А я слышал, – объявляет маленький бретонец Бике. – Я плохо спал; вернее, совсем не спал. У меня своя собственная землянка. Да вот, поглядите, вот она, паскуда!

Он показывает на продолговатую ямку у самой поверхности земли; здесь на кучке навоза едва может улежаться только один человек!

Цвет и размер характеризуют и природные явления:

(6) *Et même cette annonciation crée sur le paysage limpide qu'ils fixent, comme un confus et ténébreux mirage.* – И даже это Благовещение

создает на кристально чистом ландшафте, на который они смотрят, смутный и мрачный Мираж.

Этой фразой автор подчеркивает, что объявление войны настолько меняет восприятие окружающей природы, что делает кристально чистый пейзаж смутным и мрачным миражом.

На втором месте по частоте употребления находится **слуховой** (аудиальный) модус восприятия. Средства вербализации аудиального модуса служат:

– описанию обстановки, в которой происходит действие:

(7) *Halte! Une fusillade intensive, furieuse, inouïe, battait les parapets de la tranchée où on nous fit arrêter en ce moment-là.* – Стой! Интенсивная, яростная, неслыханная стрельба била по брустверам траншеи, где нас, в тот момент остановили;

– получению информации:

(8) *on n'entend que le brouhaha des propos;*

– описанию манеры говорения:

(9) *(ils) répètent à mi-voix ces mots;*

(10) *l'accent quasi belge et chantant;*

(11) *... dit Mesnil André de sa voix aiguë et gouailleuse,*

(12) *... il a parlé haut et fort.*

Третью позицию занимает **осязательный (тактильный)** модус восприятия. Он не так широко выражен, как зрительный и слуховой, но, по мнению ряда исследователей, осязательность является наиболее телесным из всех видов ощущений, поскольку вся поверхность человеческого тела может подвергаться воздействию окружающей среды.

Для понимания сущности тактильной лингвосенсорики важно различать осязательность активную и осязательность пассивную. При активном осязании человек сам производит определенные целенаправленные действия с предметами. Пассивное осязание – это восприятие объекта, воздействующего на человека – он фактически оказывается объектом внешнего воздействия. Касаясь предметов и ощупывая их или подвергаясь их воздействию, человек получает представление о их форме, размере, свойствах поверхности, температуре, консистенции, упругости, влажности или сухости, мягкости или твердости и т.п.

(13) *Encore une fois, remous violent. On stoppe brusquement et comme tout à l'heure je suis jeté sur Poterloo et m'appuie sur son dos,*

son dos fort, solide, comme une colonne d'arbre, comme la santé et l'espoir. – Новый резкий толчок. Мы внезапно останавливаемся; меня опять швыряет на Потерло; я наталкиваюсь на его спину, сильную, крепкую, как дуб, как здоровье и надежда.

Тактильная лексика используется для описания взаимодействия человека с условиями бытия:

(14) *... il faut, pour passer, se jeter contre la paroi et son dos à la terre et son ventre au ventre du camarade.* – чтобы разминуться, нужно прижаться к стенке траншеи и потереться спиной о землю, а животом о живот товарища.

(15) *Il fourre sa main dans sa capote et sa veste, cherchant sa peau, et se gratte* – Он суёт свою руку под капюшон и под куртку, пытаясь достать до тела, и чешется...

Еще менее выраженным лексически является **обонятельный (ольфакторный)** модус восприятия. По всей вероятности, объяснение заключается в том, что восприятие и запоминание запаха связаны с источником его возникновения и распространения: в результате возникают типичные для каждого запаха предметные соответствия – так называемая запаховая референция. При описании ольфакторной составляющей боевых действий А. Барбюс практически всегда использует предметные соответствия для передачи запаха:

(16) *J'ai été réveillé par la relève du 129e qui a passé par là. Pas par le bruit, par l'odeur. Ah! tous ces gars avec leurs pieds à hauteur de ma gueule! Ça m'a réveillé, tellement ça me faisait mal au nez.* – Источником дурного запаха пота были немые ноги в мокрой, не просыхающей обуви.

Наименее выраженным сенсорным модусом восприятия является модус вкуса (густаторный). Автор отмечает, что предметное соответствие вкуса использовано для передачи воспоминаний о доме, о семье:

(17) *... on pense au goût lointain du poulet et du lapin* – ...вспоминается забытый вкус цыпленка и кролика...

Таким образом, описанные А. Барбюсом сенсорно-образные впечатления, накопленные им как непосредственным участником боевых действий Первой мировой войны, передает читателям правдивую информацию об условиях жизни, о моральном и физическом состоянии людей, погружённых в будни войны, будни окопного существования.

Заключение

Рассмотрение основных вопросов, раскрывающих сущность метафорической репрезентации концепта “*FEU*” как сенсорного образа войны в романе Анри Барбюса “*Le feu*”, позволили сделать следующие *выводы*:

– концептуально-языковая метафора “*FEU*” (ОГОНЬ), репрезентирующая чувственные впечатления о первой мировой войне, является образным средством создания индивидуально-авторской картины войны, то есть субъективного образа взаимодействия человека с объективной реальностью военного времени;

– синкретический характер содержательной структуры данной концептуальной метафоры выявляется в результате её фреймовой интерпретации как базового суперконцепта, концепта-фрейма, доминирующего лингвокогнитивного феномена в индивидуально-авторском сознании писателя;

– формирование семантико-прагматической структуры метафорической репрезентации суперконцепта “*FEU*” осуществляется через субординатный концепт “*GUERRE*”, содержание которого раскрывается в романе через описание бытовой стороны жизни солдат в зоне боевых действий;

– субординатный концепт “*GUERRE*” рассматривается как набор субфреймов, представленных в структуре романа средствами вербализации сенсорных модусов восприятия: зрительных, акустических, обонятельных, осязательных и вкусовых, каждый вид которых порождает разные по объёму группы языковых выражений, формирующих семантико-прагматическую структуру метафорической репрезентации концепта-фрейма “*FEU*”.

Список литературы

- Марков М.Р. Verbalisation des images sensorielles extracéptives dans les conditions de combat // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака : материалы IX международной конференции : 25–29 марта 2024 г. – Москва : МПГУ, 2024. – С. 263–269.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Человеческий фактор в языке : язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – С. 8–69.
- Серебрянников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке // Человеческий фактор в языке : язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – 216 с.

References

- Markov M.R. Verbalisation des images sensorielles extraceptives dans les conditions de combat: доклад. In IX *Mezhdunarodnaya konferenciya "Yazyk i dejstvitel'nost'". Nauchnye chteniya na kafedre romanskix yazykov im. V.G. Gaka*. 25–29 marta 2024. Moscow: MPGU, 2024.
- Postovalova V.I. *Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti mira. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke*. Moscow: Prosveshhenie, 1988.
- Serebrennikov B.A. Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v yazyke? In *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moscow: Nauka, 1988. 216 s.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

PHRASEOLOGY

УДК 81'3

DOI: 10.31249/ling/2024.04.04

Левченко М.Н., Сорокина Ю.С.¹

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ

Аннотация. В статье рассматривается потенциал применения методов корпусной лингвистики при сопоставительном анализе фразеологических эквивалентов в русском и английском языках. Предложен алгоритм контекстно-количественного анализа парных фразеологизмов в текстах разных стилей в диахроническом аспекте с помощью функционала крупнейших национальных корпусов русскоязычных и англоязычных текстов.

Ключевые слова: фразеологические эквиваленты, лингвистические корпусы, функциональные стили текста, n-грамма.

Для цитирования: Левченко М.Н., Сорокина Ю.С. Сопоставительный анализ функционирования фразеологических квазиэквивалентов в текстах разных стилей на материале национальных корпусов // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 56–75. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.04

---

¹ © Левченко М.Н., Сорокина Ю.С., 2024

Левченко Марина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской и германской филологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»; mn.levchenko@guppros.ru

Сорокина Юлия Сергеевна – доцент кафедры английской филологии, заместитель декана факультета романо-германских языков ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»; ius.sorokina@guppros.ru

LEVCHENKO M.N., SOROKINA Y.S.¹

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL EQUIVALENTS IN TEXTS OF DIFFERENT STYLES BASED ON NATIONAL CORPORA DATA

Abstract. The article explores the potential of using corpus linguistics methods in the comparative analysis of phraseological equivalents in the Russian and English languages. An algorithm is proposed for contextual-quantitative analysis of paired phraseological units in a diachronic aspect, using the functionality of the largest national corpora of Russian-language and English-language texts.

Keywords: phraseological equivalents; linguistic corpora; functional styles of texts; n-gram.

For citation: Levchenko M.N., Sorokina Y.S. Comparative analysis of the functioning of phraseological equivalents in texts of different styles based on national corpora data. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 56–75. DOI: 10.31249/ling/2024.04.04

Введение

В последние десятилетия все более актуальными становятся лексикологические исследования с применением функционала лингвистических корпусов – специальным образом размеченных и снабженных метаданными компьютерных коллекций текстов разных жанров и стилей [см., например, Юсипова, 2022; McEnery, 2001; Skitina, 2017]. Крупнейшие национальные корпуса (Национальный Корпус Русского Языка (НКРЯ), Corpus of Contemporary American English (COCA), British National Corpus (BNC) и др.) позволяют исследователям проверять лингвистические гипотезы не только на опубликованных источниках и словарях, но и подклю-

---

¹ © Levchenko M.N., Sorokina Y.S., 2024

Levchenko Marina Nikolaevna – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Germanic and Romance Philology, State University of Education; mn.levchenko@guppros.ru

Sorokina Yuliya Sergeevna – Associate Professor, Department of English Philology, Deputy Dean, Faculty of Romance and Germanic Languages, State University of Education; ius.sorokina@guppros.ru

чать массивы примеров живого употребления единиц в речи, которые регулярно пополняются (стенограммы публичных выступлений и телепередач, субтитры к фильмам и сериалам, блоги и т.п.) [Дармаева, 2011; Lyse, Andersen, 2012; McEnergy, 2001].

Применение методов корпусной лингвистики в исследованиях фразеологических единиц открывает новые возможности для ученых-лексикологов, однако вызывает ряд сложностей при вычленении данных единиц из корпусных массивов. Фразеологические единицы (далее – ФЕ), как правило, представляют собой «устойчивые многословные коллокации, воспроизводимые в виде готовых речевых единиц и обладающие идиоматичностью» [Федоров, 2008]. В то же время, они могут полностью или частично дублировать свободные неидиоматические коллокации, а также иметь вариативные / опциональные элементы в своем составе, что усложняет их разметку и фиксацию в составе корпусов [Юсипова, 2022]. Одним из методов корпусной лингвистики, решающих данную проблему, является метод анализа *n*-грамм, при котором каждая фразеологическая единица представляется как набор *n* фиксированных элементов, встречающихся в определенной последовательности (биграмма – 2 элемента, триграмма – 3 элемента, *n*-грамма – 4 и более элементов) [Lyse, 2012]. Последующая работа с *n*-граммами позволяет применять к ним различные статистические методы анализа, включая анализ частотности появления *n*-грамм в текстах разных стилей, а также анализ разрыва *n*-грамм (допустимое вклинивание дополнительных элементов без потери оригинального значения фразеологизма). Отдельные онлайн-сервисы позволяют строить графики частотности языковых единиц на массиве печатных источников (например, Google Books Ngram Viewer).

Целью данного исследования является сопоставительный анализ пар фразеологических единиц с помощью функционала национальных корпусов на английском и русском языках, что позволит оценить степень стилистической эквивалентности данных единиц на большой выборке текстов, а также сделать выводы о перспективах применения предложенного алгоритма для исследований в области фразеологии. Поставленная цель требует решения следующих *задач*: отбор пар фразеологических эквивалентов; определение алгоритма сопоставления выбранных единиц на базе национальных корпусов; получение статистических данных; визуализация и аналитическое описание полученных данных.

Применение методов корпусной лингвистики для сопоставительного анализа фразеологических эквивалентов

В данном исследовании под фразеологическими эквивалентами рассматриваются «пары фразеологизмов, совпадающие по своему значению, происхождению и структуре, а также обладающие идентичной эмоционально-экспрессивной и стилистической окраской» [Дармаева, 2011]. Для задач исследования были отобраны пять пар фразеологических эквивалентов на двух языках в формате биграмм / триграмм:

№	Русские ФЕ	Английские ФЕ
1.	<i>яблоко раздора</i>	<i>apple of discord</i>
2.	<i>серый кардинал</i>	<i>grey eminence</i>
3.	<i>железный занавес</i>	<i>iron curtain</i>
4.	<i>почивать на лаврах</i>	<i>rest on laurels</i>
5.	<i>тяжкая ноша</i>	<i>heavy burden</i>

Алгоритм исследования: проведение поиска отобранных фразеологических пар n-грамм в крупнейших национальных русско- и англоязычных корпусах НКРЯ и СОСА; визуализация и анализ диахронических данных по частотности употребления ФЕ с помощью построения графиков в многоязычном корпусе Google Books N-gram Viewer; анализ степени спаянности элементов ФЕ с помощью метода разрыва n-грамм; анализ частотности употребления ФЕ в разных текстах разных стилей (по данным конкордансов двух корпусов).

1) **ФЕ «яблоко раздора» / “apple of discord”**

Сопоставим значения фразеологизмов по словарям и убедимся в их семантической эквивалентности, а затем проведем поиск единиц по базам корпусов:

Яблоко раздора: *то, что порождает ссору, раздор (по древнегреческому сказанию о яблоке, полученном Афродитой в качестве награды за красоту и ставшем причиной ссоры ее с другими богинями)* [Федоров, Фразеологический словарь русского литературного языка].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу НКРЯ:

Остается только найти предлог и место, откуда она начнется, и С. Хантингтон находит их: место – Южно-Китайское море, **яблоко раздора** – нефть [А.Е. Лукьянов. Война и мир цивилизаций (2002) // Проблемы Дальнего Востока, 29.04.2002].

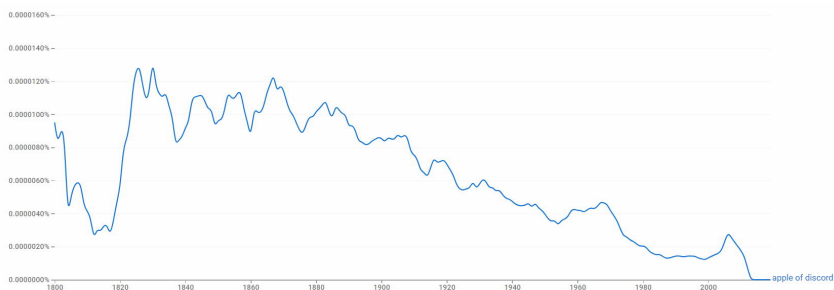
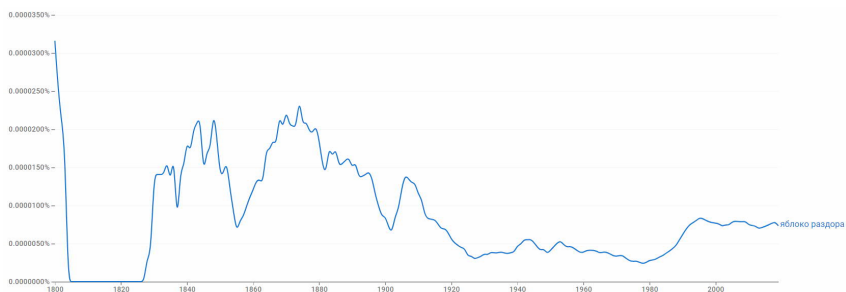
Apple of discord: *the core, kernel, or crux of an argument, or a small matter that could lead to a bigger dispute* [Cambridge Dictionary].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу СОСА:

For obvious reasons, Colonia was called Manzana de la Discordia (Apple of Discord) [Carbajal, M.; Daniels, W. The enduring allure of Colonia. Mag: Americas, 1991, Vol. 43, Issue 4, p. 28].

По биграмме «яблоко раздора» в НКРЯ содержатся данные за период с 1849 по 2016 год. Биграмма встречается 52 раза в 39 текстах, *ipm* – 0,14 (частота встречаемости на 1 миллион слов в корпусе). По триграмме “apple of discord” в СОСА содержатся данные за период с 1990 по 2019 год, она встречается 9 раз в 9 текстах (пик приходится на 1990–1994 года), *ipm* – 0,009.

Графики частотности по Google Books N-gram Viewer:

Несмотря на значительную разницу в объемах представленных текстов в двух корпусах, мы можем наблюдать схожую картину частотности употребления данной ФЕ в русском и английском языках. Искомый фразеологизм находился на пике своего употребления в начале и середине XIX века, затем произошел резкий спад его популярности. С конца 1990-х происходит незначительный подъем интереса к ФЕ в русском языке и за последние 30 лет наблюдается довольно стабильная частотность его применения без резких скачков в обоих языках (тенденция на спад).

Проанализируем поведение ФЕ в текстовых массивах при добавлении символа * между компонентами n-грамм при поиске (проверка спаянности элементов и степени идиоматичности всей коллокации).

Сохранение смысла при разрыве русской биграммы:

яблоко * раздора: 2 примера (*яблоко человеческого раздора*; *яблоко, яблоко раздора*); *яблоко * * раздора*: 1 пример (*яблоко Атэ, богини раздора*); *яблоко * * * раздора*: примеров не найдено.

Сохранение смысла при разрыве английской триграммы:

apple of * discord: примеров не найдено; *apple * of discord*: примеров не найдено.

Мы можем наблюдать, что английская ФЕ обладает более высокой степенью идиоматичности, так как примеров разрыва триграммы дополнительными элементами (с сохранением значения) в американском корпусе обнаружено не было, тогда как русская ФЕ позволяет встраивание до двух дополнительных элементов между компонентами биграммы.

Статистика по встречаемости ФЕ в текстах разных стилей:

Русская ФЕ *яблоко раздора* чаще всего встречается в публицистических и художественных текстах (наиболее популярные жанры: нежанровая проза, историческая проза, любовные истории; типы текста – романы, статьи, мемуары). Английская ФЕ *apple of discord* чаще всего встречается в публицистических текстах (журналы, веб-документы, новости), а также есть единичные случаи употребления в блогах, художественной литературе и академическом тексте.

2) ФЕ «серый кардинал» / “grey eminence”

Серый кардинал – тайный правитель; влиятельный человек, стоящий за спиной номинального правителя и руководящий им [Федоров, Фразеологический словарь русского литературного языка].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу НКРЯ:

Таким телефоном не мог похвастаться ни один диктатор, серый кардинал или масонский главарь [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)].

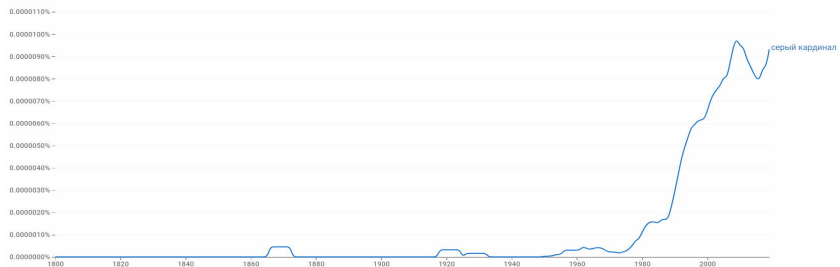
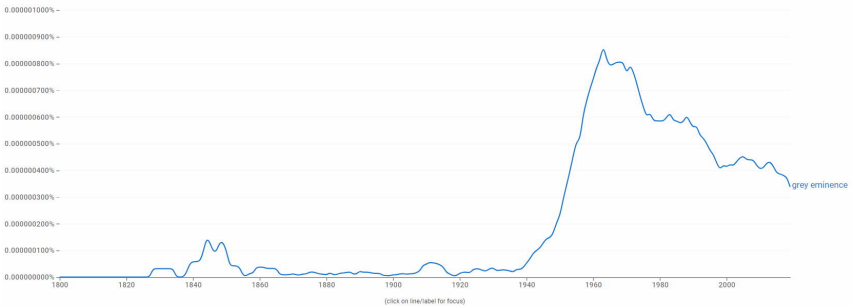
Grey eminence – a powerful decision-maker or adviser who operates “behind the scenes”, or in a non-public or unofficial capacity [Cambridge Dictionary].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу СОСА:

This study of Busby and others (but we can not ignore that the grey eminence is Cristian Capelli) is very interesting and there mathematics doesn't lack (2012, Back to the drawing board for R-M269, Blogspot).

По биграмме «серый кардинал» в НКРЯ содержатся данные за период с 1944 по 2015 г. Биграмма встречается 41 раз в 37 текстах, $ipm = 0,11$. По биграмме *grey eminence* в СОСА содержатся данные за период с 2011 по 2012 г., она встречается 3 раза в 3 текстах, $ipm = 0,003$.

Графики частотности по Google Books N-gram Viewer:

Анализ графиков показывает схожие единичные и статистически малозначимые случаи употребления данной биграммы в середине XIX в. и на протяжении XX в. в двух языках. Для русской ФЕ примерно с конца 1970-х начинается резкий рост, достигающий пика в 2010-е годы. С незначительной просадкой в 2015–2016 гг. наблюдается тенденция на дальнейший рост популярности фразеологизма. Для английской ФЕ подъем популярности начинается в 1940-е, достигает пика в начале 1960-х и далее стабильно снижается (тенденция на спад популярности). Необходимо отметить, что для биграммы *grey eminence* корпусы COCA и Google Books N-gram Viewer опираются на разные базы текстов (в GBNV графики строятся только для единиц, встречающихся не менее 40 раз, тогда как COCA показал всего три употребления). Можно предположить, что по сфере употребления данная ФЕ все же ближе к художественному стилю, который преобладает в базе GBNV.

Сохранение смысла при разрыве биграммы:

серый * кардинал: примеров не найдено; *grey * eminence*: примеров не найдено.

Отсутствие примеров разрыва биграммы в двух языках свидетельствует о высоком уровне идиоматичности данных фразеологических эквивалентов в двух языках.

Статистика по встречаемости ФЕ в текстах разных стилей:

Русская ФЕ «серый кардинал» чаще всего встречается в публицистических и художественных текстах (наиболее популярные жанры: нежанровая проза и фантастика; типы текста – статьи, романы, мемуары). Английская ФЕ “grey eminence” оказалась крайне низкочастотной и встретилась всего 3 раза в блогах/ на веб-сайтах.

3) ФЕ «железный занавес» / “iron curtain”

железный занавес – информационный, политический и пограничный барьер между социалистическими странами и странами Запада [Федоров, Фразеологический словарь русского литературного языка].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу НКРЯ:

Она была на открытии моего памятника «Как человек ломает железный занавес и предлагает веру» [Наталья Семеняк. Диана в бронзе. Зураб Церетели создал памятник принцессе // Известия, 2001.07.03].

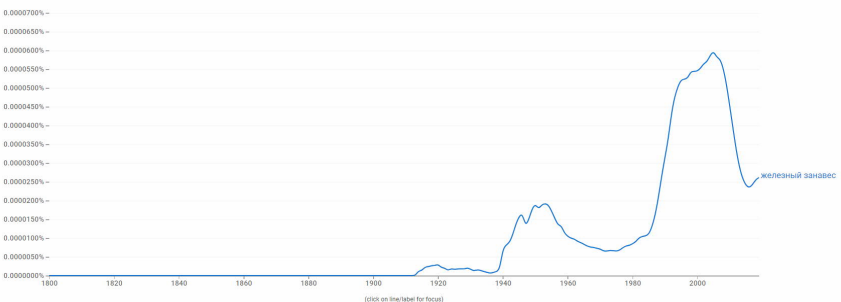
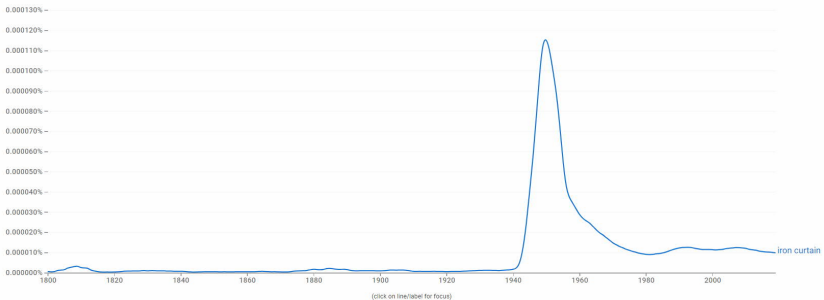
iron curtain – a political metaphor used to describe a political boundary dividing Europe into two separate areas between 1945 and 1991 [Cambridge Dictionary].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу СОСА:

*Despite the concerns, Poland of today is nothing like it was behind the **Iron Curtain*** [2019, PBS NewsHour].

По биграмме «железный занавес» в НКРЯ содержатся данные за период с 1898 по 2019 г. Единица встречается 287 раз в 229 текстах, $ipm = 0,77$. По биграмме “iron curtain” в СОСА содержатся данные за период с 1990 по 2019 г., она встречается 675 раз, $ipm = 0,657$.

Графики частотности по Google Books N-gram Viewer:

Анализ графиков дает крайне интересную картину. Как идиоматическая коллокация анализируемая единица в обоих языках была впервые использована Уинстоном Черчиллем в 1945 г.,

поэтому единичными проявлениями частотности до этого года на графике можно пренебречь. Сразу после введения ФЕ в обиход на двух языках наблюдается резкий рост ее популярности в английском языке, достигающий пика примерно в 1950-е и далее так же резко уходящий на спад (тенденция на снижение популярности). В русском языке график существенно отличается: ФЕ достигает локального пика популярности в 1950-е годы (параллельно с английским языком, но в 5 раз менее интенсивно), далее наблюдается постепенное снижение интереса к коллокации, с начала 1980-х – происходит очередной резкий рост популярности, достигающий пика в начале 2000-х, затем вновь резкое снижение и очередной разворот в начале 2020-х (тенденция к росту). Можно сделать вывод, что концепция «железного занавеса» остается актуальной темой в русскоязычном информационном поле, и интерес к ней не угасает.

Сохранение смысла при разрыве биграммы:

железный * занавес: 1 пример (*железный гармошечный занавес*); *iron * curtain*: примеров не найдено

Данные свидетельствуют о высокой степени спаянности элементов ФЕ и идиоматичности единиц в обоих языках.

Статистика по встречаемости ФЕ в текстах разных стилей:

Русская ФЕ «*железный занавес*» чаще всего встречается в публицистических (158), художественных (48) и бытовых (15) текстах (наиболее популярные жанры: нежанровая проза и документальная проза; типы текста – статьи, мемуары, дневники, романы, интервью, рассказы). Английская ФЕ “*iron curtain*” оказалась крайне высокочастотной. Наибольшая частота употреблений приходится на журналы (126), новости (119), академические тексты (107), публичные выступления (106), веб-страницы (71), блоги (64), ТВ (40) и художественную литературу (42).

4) ФЕ «почивать на лаврах» / “rest on laurels”

почивать на лаврах – удовлетвориться прежними победами, наслаждаться достигнутым успехом, ничего не делать [Федоров, Фразеологический словарь русского литературного языка].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу НКРЯ:

Не надо успокаиваться и почивать на лаврах современности [Дмитрий Соколов-Митрич. Родная речь // «Русский репортер», 2014].

rest on laurels – appear to be satisfied with the things you achieved, to stop putting effort into what you are doing [Cambridge Dictionary]

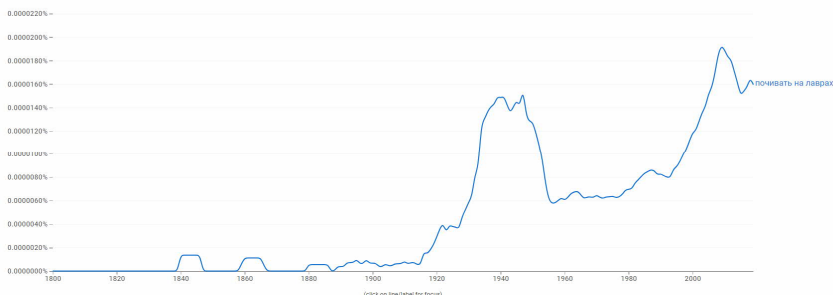
Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу COCA:

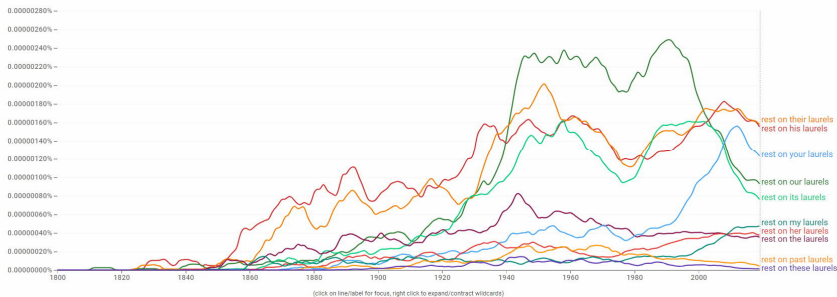
He could not simply rest on laurels, could not be simply the president he was destined to be [1999, PAST WEEK'S NEWS HEADLINES, NPR_Weekend]

По триграмме *почивать на лаврах* в НКРЯ содержатся данные за период с 1862 по 2014 год. Единица встречается 61 раз в 57 текстах, $ipm = 0,16$. По n-грамме *rest on *laurels* в COCA содержатся данные за период с 1990 по 2019 год, коллокация встречается 184 раза с вариативным третьим элементом (и всего 2 раза в виде триграммы при его отсутствии), $ipm = 0,184$.

Сопоставление графиков частотности для n-грамм с разным количеством компонентов в разных языках оказывается довольно затруднительным. Тем не менее, очевидна следующая тенденция: русская ФЕ испытала два пика популярности – в 1930–40-х (в период и после завершения Второй мировой войны) и в 2010-х годах, и имеет тенденцию к росту частотности. Англоязычная ФЕ вне зависимости от варьируемых компонентов имеет колеблющиеся графики популярности с пиками в диапазоне 1930–2000 годов, и для нее наблюдается явная тенденция на спад частотности.

Графики частотности по Google Books N-gram Viewer:

Сохранение смысла при разрыве триграммы / n-граммы:

почивать на * лаврах: 1 пример (*почивать на чемпионских лаврах*); *почивать на ** лаврах*: примеров не найдено; *почивать * на лаврах*: 1 пример (*почивать теперь на лаврах*); *почивать ** на лаврах*: примеров не найдено; ** на лаврах*: 199 примеров (*успокоиться на лаврах*; *возлежать на лаврах*; *заснул на лаврах*, *почивала на лаврах*, и т.п.);

rest * on * laurels: 1 пример (*rest squarely on its laurels*); *rest * * on * laurels*: 1 пример (*rest or run on your laurels*); *rest * * * on * laurels*: примеров не найдено; *rest on * * laurels*: 12 примеров (*rest on his 7-foot laurels*; *rest on her culinary laurels*; etc.); *rest on * * * laurels*: примеров не найдено; ** on * laurels*: 345 примеров (*loungue on your laurels*; *sit on your laurels*; *wait on the laurels*; etc.).

Многочисленные примеры разрыва n-грамм обнаруживают невысокую степень спаянности и, как следствие, сниженный уровень идиоматичности единиц в обоих языках.

Статистика по встречаемости ФЕ в текстах разных стилей:

Русская ФЕ *почивать на лаврах* чаще всего встречается в публицистических (35) и художественных (16) текстах (наиболее популярные жанры: нежанровая проза, документальная проза, детектив, боевик; типы текста – статьи, романы, мемуары, повести). Английская ФЕ *rest on * laurels* оказалась высокочастотной – чаще всего встречалась в журналах (37), новостях (37), на веб-сайтах (32), в блогах (30), в интервью и разговорной речи (18); в академических текстах (13), реже всего – в художественных текстах (6).

5) ФЕ «тяжкая ноша» / “heavy burden”

тяжкая / тяжелая ноша – невыносимая или тяжелая ситуация, с которой сталкивается человек [Федоров, Фразеологический словарь русского литературного языка].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу НКРЯ:

*А потом пришлось вспомнить, что свобода – **тяжкая ноша*** [Анна Шендерова, Марк Захаров. «Психушка – болевая точка нашей истории» // «Огонек», 2015].

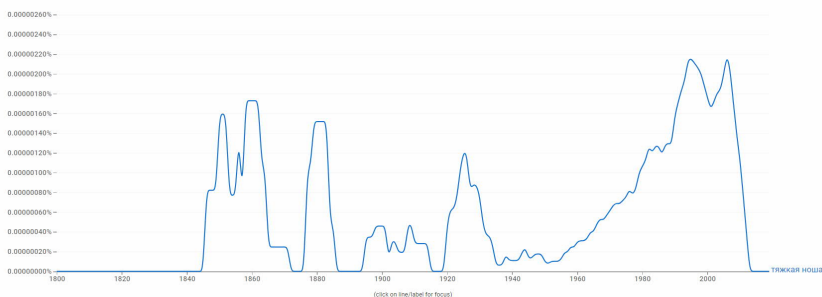
***heavy burden** – a difficult situation one has to deal with; a problem or responsibility that causes a lot of worry, difficulty or hard work* [Cambridge Dictionary].

Пример использования ФЕ в тексте по конкордансу СОСА:

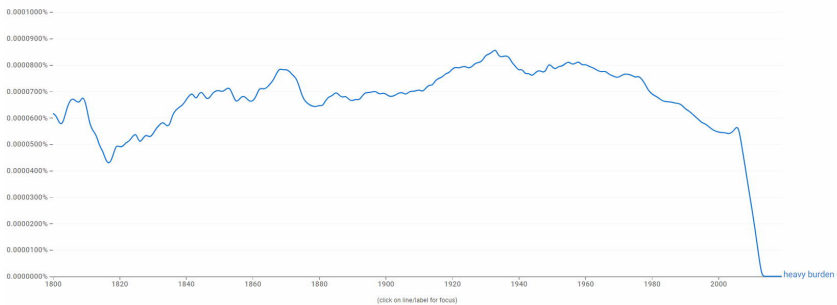
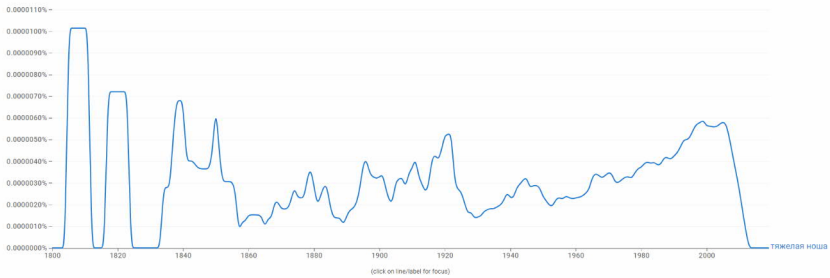
*The **heavy burden** placed on the plaintiff makes it difficult for plaintiffs to prevail* [1992, Cusack, Mary Ellen, Judicial interpretation of state constitutional rights to a healthful environment; Boston College Environmental Affairs Law Review].

По биграммам *тяжкая ноша* и *тяжелая ноша* в НКРЯ содержатся данные за период с 1900 по 2015 г. *Тяжкая ноша* встречается 20 раз в 17 текстах, *ipm* – 0,05. *Тяжелая ноша* встречается 42 раз в 40 текстах, *ipm* – 0,11. По биграмме *heavy burden* в СОСА содержатся данные за период с 1990 по 2019 г. Биграмма встречается 489 раз, *ipm* – 0,489.

Графики частотности по Google Books N-gram Viewer:

Сопоставительный анализ функционирования фразеологических эквивалентов в текстах разных стилей на материале национальных корпусов

Анализ графиков показывает схожую скачкообразную картину популярности русского варианта ФЕ (в обеих версиях), однако упоминания версии *тяжелая ноша* появляются с начала XIX в., почти за 50 лет до версии *тяжкая ноша*. Оба варианта переживают пик употребления в конце 1990-х – начале 2000-х и затем резко теряют популярность к настоящему времени. График англоязычной ФЕ дает более ровную картину частотности с начала XIX в., но аналогичным образом резко идет на спад после 2010-х.

Сохранение смысла при разрыве триграммы:

тяжкая * ноша: примеров не найдено; *тяжкая * * ноша*: 1 пример (*тяжкая это, претяжкая ноша!*); *тяжкая * * * ноша*: примеров не найдено;

тяжелая * ноша: 2 примера (*тяжелая это ноша; тяжелая человеческая ноша*); *тяжелая * * ноша*: 2 примера (*тяжелая, 2-пудовая ноша; тяжелая, словно чугунная, ноша*); *тяжелая * * * ноша*: примеров не найдено;

heavy * burden: 94 примера (*heavy tax burden; heavy a burden; etc*); *heavy * * burden*: 24 примера (*heavy personal moral burden; heavy foreign debt burden; etc.*); *heavy * * * burden*: 11 примеров (*heavy administrative and operational burden*); *heavy * * * * burden*: примеров не найдено. Многочисленные примеры разрыва n-грамм обнаруживают невысокую степень спаянности и, как следствие, сниженный уровень идиоматичности единиц в обоих языках.

Статистика по встречаемости ФЕ в текстах разных стилей:

Русская ФЕ *тяжкая / тяжелая ноша* чаще всего встречается в публицистических (21) и художественных (15) текстах (наиболее популярные жанры: нежанровая, историческая, документальная проза, приключения, фантастика; типы текста: статьи, романы, дневники, рассказы, повести). Английская ФЕ *heavy burden* оказалась более высокочастотной. Наибольшая частота употреблений приходится на академические тексты (82), веб-сайты (75), ТВ / кино (68), новости (65), публичные выступления, разговорную речь (60), художественную литературу (48), блоги (46) и журналы (45).

Сопоставительный анализ полученных данных. Выводы

Визуализация данных позволила наглядно представить соотношение общей частотности фразеологических эквивалентов в текстах на английском и русском языках по статистике корпусов НКРЯ и СОСА (рис. 1).

По полученным данным, наиболее частотной в обоих языках (при расчете на 1 миллион словоупотреблений в корпусе) оказалась ФЕ *железный занавес / iron curtain*, с небольшим перевесом в русском корпусе. Биграмма *почивать на лаврах / rest on * laurels* имеет схожую частотность в двух корпусах. Существенное расхождение частотности употребления наблюдается для пары ФЕ *тяжкая ноша / heavy burden* – английская ФЕ популярнее в 4 раза, даже с условием объединения показателей у русской биграммы по вариантам *тяжкая / тяжелая ноша*. Значительные расхождения в пользу частотности русских ФЕ наблюдаются у пар *яблоко раздора / apple of discord* и *серый кардинал / grey eminence*. Анализ причин статистических расхождений не входит в задачи данного исследования, но можно предположить, что результат связан с наполнением базы текстов СОСА, где преобладают источники

публицистического жанра, тогда как указанные ФЕ ближе по стилю функционирования к художественному жанру.

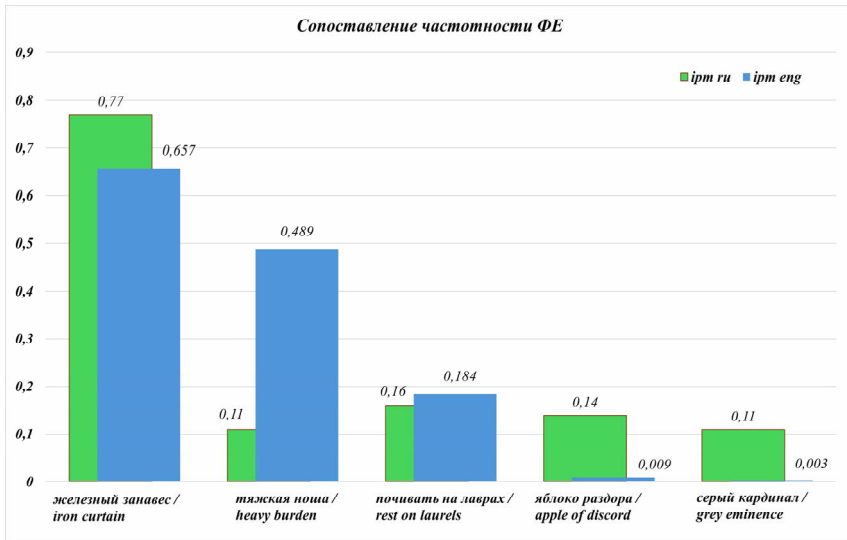

Рис. 1. Сопоставление частотности употребления ФЕ по конкордансам НКРЯ и COCA (на 1 млн. словоупотреблений в корпусе)

Оценка степени идиоматичности ФЕ с помощью разрыва программ дополнительными элементами в контекстном поиске позволила нам получить следующие данные. Наименьшей спаянностью элементов и, как следствие, сниженной идиоматичностью обладают глагольные и адъективные ФЕ в обоих языках: *rest on laurels / почивать на лаврах*; *heavy burden / тяжелая ноша*. Именно эти единицы допускали многочисленные разрывы изначальной структуры фразеологизма и вклинивание дополнительных элементов с сохранением оригинального значения. ФЕ *grey eminence / серый кардинал*, судя по данным двух корпусов, обладает высокой степенью идиоматичности и отсутствием вариативности в биграмме в обоих языках. ФЕ *apple of discord / яблоко раздора* и *iron curtain / железный занавес* имеют единичные примеры разрыва биграммы в русском языке, тогда как

для английских *apple of discord* и *iron curtain* в корпусе СОСА примеров вариативности обнаружено не было.

Сводная таблица частотности выборки ФЕ (см. Таблица 1) по функциональным стилям их употребления демонстрирует, что абсолютное большинство n-грамм (971 единица) в выборке чаще всего встречается в текстах публицистической направленности (в статьях в газетах, журналах, блогах; в ТВ-новостях и речах политических деятелей). Далее в порядке уменьшения частотности: разговорный стиль (348), научно-академический (225) и художественный (195). В указанной выборке не было обнаружено единиц, которые встречались бы в текстах официально-делового стиля (что соответствует специфике данного стиля).

Таблица 1

Сопоставление частотности ФЕ в текстах разных стилей по данным НКРЯ и СОСА

ФЕ	Художественный	Публицистический	Разговорный	Научный (академический)	Официально-деловой
<i>яблоко раздора</i>	14	20	0	5	–
<i>apple of discord</i>	1	6	1	1	–
<i>серый кардинал</i>	10	24	2	1	–
<i>grey eminence</i>	0	3	0	0	–
<i>железный занавес</i>	48	158	15	8	–
<i>iron curtain</i>	42	356	170	107	–
<i>почивать на лаврах</i>	16	36	2	4	–
<i>rest on * laurels</i>	6	85	48	13	–
<i>тяжелая / тяжелая ноша</i>	20	30	4	4	–
<i>heavy burden</i>	48	253	106	82	–
Итого:	195	971	348	225	–

Заключение

Проведенное исследование с применением функционала двух национальных лингвистических корпусов позволило сопоставить данные по частотности употребления пар фразеологических единиц в текстах разных стилей в диахроническом аспекте, оценить степень эквивалентности парных единиц в английском и русском языках с точки зрения вариативности грамматической структуры и стилистической принадлежности.

Важно отметить, что полученные статистические данные могут быть дополнительно интерпретированы и расширены с помощью применения данных других корпусов, а указанная методология, несомненно, даст более валидные результаты на увеличенной выборке фразеологических n-грамм. В задачи исследования не входило отслеживать этимологию выбранных фразеологических эквивалентов и искать причины расхождений частотности их употребления (хотя некоторые предположения на этот счет были высказаны). Предложенный алгоритм с применением расширенного функционала корпусов (в частности анализа лексико-грамматической вариативности единиц) может быть интересным для дальнейших исследований текстообразующего функционала фразеологизмов.

Список литературы

- Дармаева А.Д.* Фразеологический эквивалент как способ перевода фразеологических единиц прозы Ч. Цыдендамбаева на русский язык // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 59–62.
Национальный корпус русского языка. – URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.04.2024).
- Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL : <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения 22.04.2024).
- Юсупова Д.Б.* Корпусный подход к исследованию фразеологии: анализ фразеологизмов семантического поля «пространство» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3–1. – С. 38–45.
Cambridge Dictionary. – URL : <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 22.04.2024).
- Corpus of Contemporary American English. – URL : <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 28.04.2024).

Google Books N-gram Viewer. – URL : <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения 28.04.2024).

Lyse G.I., Andersen G. Collocations and statistical analysis of n-grams // *Exploring Newspaper Language: Using the web to create and investigate a large corpus of modern Norwegian*. – 2012. – Vol. 49. – P. 79.

McEnery T.A. *Corpus Linguistics* / T.McEnery, A.Wilson. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001. – 235 p.

Skitina N.A. *Corpus-Based Approach to Teaching Phraseological Units for Foreign Learners* / N.A. Skitina, N.V. Polyakova, V.P. Shabanova // *EDULEARN 17 Proceedings, Barcelona, Spain: International Academy of Technology, Education and Development (IATED)*. – 2017. – P. 9014–9019.

References

Darmaeva A.D. Frazеологический эквивалент как способ перевода фразеологических единиц прозы Ч. Тсыдэндэмбаева на русский язык [Phraseological equivalent as a way of translating phraseological units of Ch. Tsydendambaev's prose into Russian]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2011. N 4. 59–62. (In Russian)

Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 28.04.2024).

Fyodorov A.I. *Frazеологический словарь русского литературного языка* [Phraseological dictionary of Russian Literary language]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (accessed: 22.04.2024).

Yusipova D.B. Korpusnyi podkhod k issledovaniyu frazeologii: analiz frazeologizmov semanticheskogo polya prostranstvo [Corpus approach to the study of phraseology: analysis of phraseological units of the semantic field space]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Moscow region state university Bulletin. Series: Linguistics]. 2022. N 3–1. 38–45. (In Russian)

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 22.04.2024).

Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed: 28.04.2024).

Google Books N-gram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (accessed: 28.04.2024).

Lyse G.I., Andersen G. Collocations and statistical analysis of n-grams. *Exploring Newspaper Language: Using the web to create and investigate a large corpus of modern Norwegian*. 2012. Vol. 49. 79–88.

McEnery T.A. *Corpus Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. 235 p.

Skitina N.A. *Corpus-Based Approach to Teaching Phraseological Units for Foreign Learners*. In *EDULEARN17 Proceedings, Barcelona, Spain: International Academy of Technology, Education and Development (IATED)*. 2017. Pp. 9014–9019.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

LINGUOCULTUROLOGY

УДК 8 - 81'1

DOI: 10.31249/ling/2024.04.05

Ковшова М.Л., Орлова О.С.¹

КУЛЬТУРНЫЙ СКРИПТ КАК ЧАСТЬ КОГНИТИВНО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЗНАКОВ НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация. В статье разрабатывается понятие культурного скрипта и его применение в когнитивно-культурологическом анализе знаков непрямого номинации, к которым относятся, в том числе, идиомы, эвфемизмы, загадки. Описание культурного компонента в семантике языковых знаков разного типа осуществляется в ходе построения фрейма и выделения в его структуре особой зоны – культурного скрипта. Под культурным скриптом понимается когнитивная структура культурной информации как необходимая часть процесса концептуализации того или иного понятия и его означивания в языке. Когнитивно-культурологический подход к анализу идиом, эвфемизмов, загадок позволяет описать все виды культурной информации, которую несут в себе данные языковые знаки; исследовать мотивированность их внутренней формы в контексте культуры; подтвердить значимость культурного компонента в семантике данных знаков.

Ключевые слова: знаки непрямого номинации; когнитивно-культурологический анализ; культурный скрипт; культурная семантика; типы культурной информации; идиома; эвфемизм; загадка.

---

¹ © Ковшова М.Л., Орлова О.С., 2024

Ковшова Мария Львовна – доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, главный научный сотрудник; kovshova_maria@list.ru

Орлова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН, научный сотрудник; OrlovaOlgaS@list.ru

Для цитирования: Ковшова М.Л., Орлова О.С. Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа знаков непрямой номинации // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание*. – 2024. – № 4. – С. 76–110. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.05

KOVSHOVA M.L., ORLOVA O.S.¹
**CULTURAL SCRIPT AS A PART OF FRAME ANALYSIS OF INDIRECT
NOMINATION SIGNS**

Abstract. The article deals with cultural script and its use in cognitive-cultural analysis of indirect nomination signs which include, inter alia, idioms, euphemisms and riddles. The paper provides the description of the cultural component in the semantics of various language signs by means of the frame modelling which involves a special zone of cultural script. The cultural script is understood as a cognitive structure of cultural information which is a necessary part of the process of conceptualisation of a specific notion and its denotation. The cognitive-cultural approach used in the research of idioms, euphemisms and riddles makes it possible to describe all the types of cultural information which these language signs contain. It also gives an opportunity to study their inner form motivation in the cultural context and to prove the significance of the cultural component in the semantics of these signs.

Keywords: indirect nomination signs; cognitive-cultural analysis; cultural script; cultural semantics; types of cultural information; idiom; euphemism; riddle.

For citation: Kovshova M.L., Orlova O.S. Cultural script as a part of frame analysis of indirect nomination signs. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 76–110. DOI: 10.31249/ling/2024.04.05

Введение

По сложившимся в современной науке о языке представлениям, информация о характере и мировоззрении народа хранится и передается прежде всего с помощью знаков языка, которые считаются коннотативными [Апресян, 1995; Радбиль, 2021; Телия, 1996;

---

¹ © Kovshova M.L., Orlova O.S., 2024

Kovshova Mariya L'vovna – Doctor of Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, chief researcher; kovshova_maria@list.ru

Orlova Ol'ga Sergeevna – Candidate of Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, researcher; OrlovaOlgaS@list.ru

Шмелев, 2014; др.]. К коннотативным знакам относятся термины родства, прецедентные имена, фразеологизмы, паремии, эвфемизмы, крылатые выражения и др. Данные знаки языка обладают особой культурной семантикой, которая надстраивается к языковой семантике, закрепляется в форме культурной коннотации, понимаемой как «особый категориальный компонент языковой семантики, узуальное воплощение культурной интерпретации в значение языковой сущности» [Телия, 1994, с. 15]. Культурная релевантность данных знаков поддерживается связью с другими семиотическими системами культуры (фольклором, ритуалом, мифами, религиозными текстами и др.) [Брагина, Войслова, 2021; Толстая, 2009; Ковшова, 2022; др.]. По гипотезе, в коннотативных знаках языка хранятся ценностно значимые смыслы, формируется понятийная сфера, на которую «ориентируется» национальное самосознание [Бартминьски, Березович, Вепрева, Ковшова, Шмелев, 2021; Телия, 2004; Peeters, 2019; Sharifian, 2016]. Под ценностно значимыми смыслами понимаются сформированные в культуре идеи, представления о значимости мира и отдельных его проявлений, служащие для этнического самосознания ценностными ориентирами в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной областях. В современной науке о языке, ее антропологической парадигме, ведется поиск методов и способов исследования культурной коннотации в семантике языковых знаков, выявления и описания «сигналов», которые указывают на взаимодействие языка и культуры, на участие культуры в знакообразовании, сохранении и передаче культурных смыслов.

К культурно насыщенным знакам языка относятся идиомы, эвфемизмы и загадки. Несмотря на все структурное, функционально-семиотическое и жанровое различие, близость данных языковых феноменов имеет генетический характер – их корни уходят глубоко в народную культуру, их возникновение во многом обусловлено мифологической картиной мира и традицией в иносказательном описании мира [Мелетинский, 1972; Ройзензон, 1975; Мокиенко, 2018; Ковшова, 2019]. В основе знакообразования идиом, эвфемизмов, загадок лежит принцип непрямой номинации; он состоит в создании именованного, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его иносказательно, вуалированно (см. подробнее [Орлова, 2022, с. 7]). Будучи зна-

ками непрямой номинации, идиомы, эвфемизмы и загадки обладают языковой и функциональной спецификой.

Идиомы – строевые единицы языка, состоящие из двух и более слов-компонентов и имеющие при этом одно целостное значение. Идиомы не столько обозначают денотат (предмет, ситуацию, событие, явление), сколько в образной форме выражают оценочность, передают эмоциональное к нему отношение. **Эвфемизмы** – заместители слов и выражений, которые считаются неприличными, неуместными, грубыми. Эвфемизмы способствуют смягчению речи и уменьшают коммуникативные риски, «снимают» агрессивность, обеспечивают вежливое, приятное общение. **Загадки** – короткие языковые знаки текстовой протяженности, в которых в развлекательно-игровых целях закодирован денотат. Непрямое, усложненное метафорами и иносказаниями описание мира имеет разные цели. В идиомах – одним ярким «кадром» показать происходящее, усилить экспрессивность; в эвфемизмах – завуалировать, смягчить негативное в речи; в загадках – найти отгадку, установив на понятийно-логическом уровне связь между денотатом и замещающим его образом.

Настоящее исследование продолжает когнитивно-культурологическую линию, которая во фразеологии берет свое начало с разработки многокомпонентной семантической модели идиом. Модель представляла собой описание ментальных процедур, осуществляемых в номинативной деятельности (в формировании идиомы) и воспроизводимых в деятельности речемыслительной. Все типы информации, которые включены в модель значения, понимались как «свернутый» текст, который разворачивается благодаря ментальным процедурам, осуществляемым при воспроизведении и восприятии фразеологизма. В исследованиях, посвященных данным разработкам, такие процедуры эвристично выражены в содержании когнитивных операторов: *знай* (денотативный, или дескриптивный аспект значения); *считай* (оценочное суждение); *вообрази / представь себе* (образ, выраженный в буквальном значении фразеологизма); *испытай* (эмоционально-оценочная реакция на образ); *учти* (условия речи для возможного употребления фразеологизма) [Телия, 1990]. В процедурном описании была отражена операция по интерпретации макрокомпонентов значения в пространстве культуры; суть такой операции выражена в значении

когнитивного оператора – *соотнеси* [Ковшова, 2017]. В настоящее время в работах [Ковшова, Орлова, 2023; Ковшова, Орлова, 2024; Орлова, 2023] целенаправленно проводится выявление процессов интеракции ментальных структур и языковых форм их презентации в знаках непрямой номинации; описываются особенности концептуализации тех или иных понятий (их признаков) во фразеологизмах, эвфемизмах и паремиях. На основании фреймового анализа определяются концептуальные признаки, выявляющие содержание понятий; с помощью метода глубокой интроспекции проводится культурное комментирование; исследуются культурно окрашенные когнитивные основания семантики фразеологизмов, эвфемизмов, паремий. Когнитивно-культурологический анализ дает возможность декодировать культурно окрашенные когнитивные основания семантики знаков непрямой номинации, выявить и описать культурные коннотации, «не потерять» в семантике языковых знаков все культурные «сигналы», т.е. выявить разные типы культурной информации (понимаемой в смысле [Телия, 2020, с. 772]).

По гипотезе, в процессе концептуализации понятий, «схваченных» знаками непрямой номинации, необходимым образом участвует культурная информация. Целью настоящего исследования является экспликация культурной информации в семантике знаков непрямой номинации. Для достижения данной цели разрабатывается такое понятие, как культурный скрипт. Согласно основным положениям, фрейм и скрипт противопоставляются по структурному признаку «статический / динамический» (М. Минский, Р. Шенк); культурный скрипт понимается как поведенческий культурно маркированный сценарий (А. Вежбицка, А.Д. Шмелев, В.И. Карасик и др.), описывается как этнокультурно маркированный сценарий [Моторина, 2014]; отмечается, что культурный скрипт отражает запечатленную в языковых знаках «наивную аксиологию» [Вежбицка, 2002, с. 6]. Впервые попытка объединить когнитивный (фреймовый) анализ и культурное комментирование с помощью культурного скрипта на примере описания фразеологизмов и паремий была представлена в [Ковшова, 2023; см. также Ковшова, Орлова, 2024]. В ракурсе данного когнитивно-культурологического исследования под **культурным скриптом** понимается когнитивная структура культурной информации как необходимой части процесса языковой концептуализации того или иного понятия в пространстве

культурного знания. По гипотезе, в концептуализации участвуют разные типы культурной информации как часть процесса языковой концептуализации. Культурный скрипт представляет собой сценарий «включения» культурной информации в процесс концептуализации и тем самым является частью данного процесса. Чтобы обозначить «места» такого «включения» и выявить культурные импликатуры в семантике языковых знаков, необходимо ввести в статическую структуру фрейма динамическую зону культурного скрипта. Основная задача данного исследования видится в том, чтобы выделить во фрейме зону культурного скрипта и наглядно показать, как в процесс концептуализации понятий в языковых знаках непрямого номинации, таких как идиомы, эвфемизмы, загадки, включаются разные типы культурной информации. Тем самым в оперативном плане культурный скрипт рассматривается как сценарий «включения» в концептуализацию тех или иных типов культурной информации.

Модифицированный в культурологическом аспекте когнитивный (фреймовый) анализ позволит: описать направление концептуализации, обозначить область-источник и область-цель, представить типовой сценарий и его элементы, описать понятийные признаки, составляющие основу для уподобления, эксплицировать место и содержание культурного скрипта во фрейме.

Проведем когнитивно-культурологическое описание на примере идиомы *в огонь и воду готов идти*; эвфемизма *зелёный змий* и народной загадки: *«Голубой платок, красный колобок / По платку катается, людям усмешается (небо и солнце)»*.

Идиома *в огонь и воду готов идти / пойти* означает: «кто-либо готов решиться на любые, самые сложные тяготы и испытания, на действия, связанные с риском, не раздумывая и не колеблясь, для чего-либо, ради кого-либо / чего-либо». Варианты: [*готов идти / пойти*] *в огонь и в воду; и в огонь, и в воду; готов броситься в огонь и воду*. С помощью данного фразеологизма выражается решимость человека идти ради кого-либо, для достижения какой-либо цели, для защиты какой-либо идеи, помогать кому-либо добиваться цели, участвовать в деле, сопряженном с риском, быть готовым на самоотверженные поступки.

Приведем отдельные примеры употребления данной идиомы (по [БФСРЯ, 2020, с. 262–264]):

– Полетим, Ваня! – хлопнул его Уточкин. – Беспременно, Сергей Исаевич! – С Уточкиным он был *готов* *идти в огонь и в воду*. (Р. Гордин «Рассказы о Заикине»). [Обольянинов (таинственно):] Манюшка посвящена? [Зоя:] Конечно. Манюшка мой преданный друг. За меня она *в огонь и в воду*... Молодец девчонка! (М. Булгаков «Зойкина квартира»). Неужели же это та самая Лидочка, молоденькая секретарша сельсовета, которая *в огонь и в воду* *готова* была *пойти* за ним? (Ф. Абрамов «Вокруг да около»). Мы с ним... вместе из окружения выходили. Да где там выходили, он меня на себе выволок. Я за ним... куда угодно, *в огонь и в воду*. (В. Максимов «Ковчег для незваных»). [Серпилину] казалось, что он хорошо знает, какой это человек. Такой, за которым солдаты *идут в огонь и в воду*, такой, чьё мертвое тело, жертвуя жизнью, выносят из боя, такой, чьи приказания выполняют и после смерти. (К. Симонов «Живые и мертвые»).

Ср. также иллюстрации из [НКРЯ]:

«Володя (муж, бригадир буровой) А бабы, я вам скажу, это больше всего уважают, когда ты за нее *и в огонь и, в воду!*» [М.М. Рошин. Валентин и Валентина (1970)].

«Люди в самом прямом смысле *готовы идти* за символом *в огонь и в воду*, погибать, не рассуждая и не задумываясь». [Виктор Дольник. Естественная история власти // «Знание – сила», 2006].

«Во всяком случае, под этим подразумевалось нечто такое, для чего требовалось умение терпеть холод, голод и боль, *готовность броситься в огонь и воду*, пожертвовать всем ради товарища, рисковать, взять на себя ответ за всё». [Роман Амосов. Подъем на холм // «Ковчег», 2012].

Образ идиомы создается метафорой: готовность на самые решительные действия, самоотверженные поступки уподоблена готовности идти в огонь и в воду. Природные по онтологии сущности в образе идиомы символизируют самые сложные тяготы, большие риски, опасные испытания; такое понимание сформировалось в деятельности и семиотизировалось в культуре, в разных ее «слоях» (по Ю.С. Степанову). Проведем фреймовый анализ идиомы с выделением в нем зоны культурного скрипта, чтобы эксплицировать ход формирования образа в деятельности и его семиотизации в языке и культуре (см. таблицу 1).

Таблица 1

Когнитивно-культурологическое описание идиомы
в огонь и воду готов идти / пойти

Направление концептуализации: Источник – Цель	<i>в огонь и воду готов идти / пойти</i> <в огонь и в воду; и в огонь, и в воду; бро- ситься в огонь и воду>	≈	«кто-либо готов решиться на любые, самые сложные тяготы и испытания, на действия, связанные с большим риском, не раздумывая и не колеблясь (для чего-либо / ради кого-либо, чего-либо)»
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
	антропная, акциональная, пространственная, природная	антропная, акциональная, пространственная	антропная, акциональная, пространственная
Типовые сценарии	элемент 1 готов идти в элемент 2 и в элемент 3 для / ради элемента 4	Человек, группа лиц (элемент 1) готов идти на самые сложные тяготы и испытания (элемент 1 и элемент 2), связанные с большим риском, для защиты чьих-либо интересов, человека; ради идеи (элемент 4).	элемент 1 готов решиться (пойти) на элемент 2 и элемент 3 для / ради элемента 4
Элементы типового сценария	элемент 1 – человек, группа лиц; элемент 2 – огонь; элемент 3 – вода; элемент 4 – защита чьих-либо интересов, человека; идеи		элемент 1 – человек, группа лиц; элементы 2 и 3 – любые, самые сложные тяготы и испытания, на действия, связанные с большим риском; элемент 4 – защита чьих-либо интересов, человека; идеи
Семантические признаки	решимость актора (элемент 1), движение, взаимодействие с негативными, неуправляемыми, разрушительными по силе стихиями (элементы 2 и 3), предельная опасность, готовность на рискованные действия, смелость, самоотверженность, защита интересов, человека, идеи (элемент 4)	решимость актора (элемент 1), движение, взаимодействие с негативными неуправляемыми факторами (элементы 2 и 3), риск, предельная опасность, смелость, самоотверженность, готовность на рискованные действия и поступки для защиты интересов, человека, идеи (элемент 4)	решимость актора (элемент 1), движение, взаимодействие с негативными ситуациями, обстоятельствами (элементы 2 и 3), риск, предельная опасность, готовность на большие тяготы, рискованные действия и поступки, смелость, самоотверженность, жертвенность для защиты интересов, человека, идеи (элемент 4)
Культурный скрипт: Архетипы	Архетипы «сложный» – «простой», «легкий» – «трудный», «жизнь» – «смерть»	«сложный» – «простой», «легкий» – «трудный», «жизнь» – «смерть»	Архетипы «сложный» – «простой», «легкий» – «трудный», «жизнь» – «смерть»

<p>Мифологемы Коды культуры</p>	<p>Мифологемы и коды культуры В мифологическом «слое» культуры хранятся представления об огне и воде как «живых» стихиях (природный код), в которые человек решается войти (пространственный код), с которыми вступает в противоборство (антропный и акциональный коды). Соединение в образе идиомы противоположных природных субстанций соотносится с мифом про <i>огненную реку</i>; «отделяющую мир мертвых от мира живых» [Топорков, 2011, с. 337].</p>	<p>Человек и его действия соотносятся с антропным и акциональным кодами, движение – с пространственным кодом.</p>	<p>Коды культуры Понятия человек и его действия соотносятся с антропным и акциональным кодами, движение – с пространственным кодом.</p>
<p>Символ</p>	<p>Символ «Символика огня, как и воды, имела двойственный характер. На одном полюсе – образ яростного и мстительного пламени, грозящего смертью и уничтожением (см. Ад, Пожар). На другом – стихия очищающего пламени» [Топорков, 2011, с. 336].</p>	<p>Преодоление человеком стихийных разрушительных сил символизирует готовность к самым трудным и опасным испытаниям на верность и преданность.</p>	<p>Символ Сильные чувства и отношения (верность, преданность, любовь, дружба и др.) опредмечиваются с помощью символов, которыми могут выступать те или иные действия или поступки, сопряженные с предельными трудностями, тяготами или с риском для жизни.</p>
<p>Ритуал</p>	<p>Ритуал Издрекле огонь и вода представляются как объекты жертвенности. В религиозном «слое» культуры огонь и вода являлись объектами ритуалов, т. е. канонически упорядоченных действий, испытаний с целью оправдания, очищения. Огонь и вода как ритуальные символы испытания и самоотгrecнения запечатлены в Библии: «Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу» (Пс. 65: 12)</p>	<p>Готовность к испытанию проявляется ситуации, которая содержит элементы самоотгrecнения, свойственные ритуалу, и семантизируется в клятве.</p>	<p>Ритуал Готовность к испытанию на верность в дружбе, любви, на преданность идеалам и др. проявляется в той или иной ситуации, что содержит элементы самоотгrecнения. Клятва является символическим элементом ритуала; в идиоме, как в словесной формуле, запечатлены основные семантические признаки клятвы. Это косвенно подтверждается многочисленными примерами употребления идиомы <i>готов идти в огонь и в воду</i> от 1-го лица; ср., например: <i>О, я уже написал ей, что готов пойти за вас в огонь и воду. И я действительно сделаю это, не колеблясь; Ради него я готова пойти в огонь и воду и пожертвовать своей жизнью</i> [БФСРЯ, 2020, с. 263].</p>

Итог когнитивно-культурологической концептуализации	Идиома <i>в огонь и в воду готов идти</i> участвует в концептуализации понятий испытаний, риска, опасности, преданности, самоотверженности. Все эти понятия являются ценностно значимыми, их семиотизация в идиоме осуществляется во взаимодействии языка и культуры. Концептуализация понятий испытаний, риска, опасности, преданности, самоотверженности осуществляется путем метафоризации природных явлений – огня и воды, которые человечеством изначально преобразованы в факты культуры. Образы идиомы воспринимаются в ходе их интерпретации в ее архетипическом, мифологическом, фольклорном, религиозном «слоях» культуры с опорой на типы культурной информации, которые на «языке» культуры именуется как архетип, стереотип, мифологема, символ, ритуал и др. Участие в концептуализации культурной информации оставляет культурный «след» в образной семантике идиомы; сформированные в ходе интерпретации смыслы входят в языковое значение идиомы в виде культурного компонента (культурной коннотации). Идиома <i>в огонь и в воду готов идти</i> насыщена культурной семантикой и выполняет дополнительное к языковому, культурное, назначение – служит символом преданности, готовности к самым трудным и опасным испытаниям; в прямой и косвенной форме выполняет функцию клятвы
---	--

Введение в структуру фрейма зоны культурного скрипта позволяет наглядно показать, что семантика идиомы похожа на кусочек руды, в котором проблескивают золотые песчинки культурной семантики.

Проведём когнитивно-культурологическое описание с культурным скриптом в структуре фрейма на примере эвфемизма (см. таблицу 2). В качестве примера рассмотрим эвфемизм *зелёный змий*. В словаре эвфемизмов русского языка дается следующее толкование данного эвфемизма: «Зелёный змий – вм. спиртное. Перен. яз. эвф. Можно непосредственно перед встречей с «зеленым змием» съесть ложку сливочного масла (РГ. 03.4.10); Пристрастие к «зеленому змию» не является прерогативой человека. Пьяницами и даже алкоголиками могут быть самые различные животные (ВК. 05.29.09)» [Сеничкина, 2008, с. 136]. Ср. тж.: «Зелёный змий. – Публ. Неодобр. 1. Об алкоголе, спиртных напитках. 2. О пьянстве» [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 256]. Ср. иллюстрации: *Зеленый змий* стал чаще подталкивать павлодарцев к преступлениям [pavlodarnews]; «*Зелёный змий*» вновь попутал бутлегеров и простых жителей Якутска [1sn.ru]; *Зеленый змий* с доставкой на дом. В России могут разрешить продажу алкоголя в интернете [yamal-media.ru]; *Зеленый змий* всё еще остается серьезной проблемой для России, заявил глава Минздрава Михаил Мурашко [versia.ru]; от себя добавим: каким бы родным вам ни был человек, под влиянием *зеленого змия* все родство стирается из памяти, а затуманенный разум способен на страшные поступки [bobrlife.by] и др.

В основе эвфемизма лежит метафора «зеленый змий – алкогольные напитки / пьянство». Библейский образ змея-искусителя (в Библии встречаются варианты «змий» и «змея») используется для смягчения и вуалирования негативного образа пьянства. В фокусе внимания адресата оказывается не вредная привычка, которая представляет опасность для её обладателя и окружающих его людей, а слабость человека, поддающегося приятному искушению.

Таблица 2

Когнитивно-культурологическое описание эвфемизма
зелёный змий

Направление концептуализации: Источник – Цель	<i>Зелёный змий</i>	≈	«алкогольные напитки; пьянство»
	Область-источник	Конstituирующие признаки	Область-цель
	Зооморфная, цветовая, природная / биологическая (источник питьевых компонентов)	Природная / биологическая	Природная / биологическая (питьевые компоненты), биохимическая, психоактивная (воздействие на человека); потребительская, количественная (чрезмерность), физиологическая (изменения в организме), психологическая (желание)
Типовые сценарии	Змий как источник яда, природного вещества	Напитки из природных субстанций при попадании в организм человека вызывают реакцию – отравление.	Напиток, употребление которого доставляет приятные ощущения и при этом оказывает сильное воздействие на организм; чрезмерное употребление данного напитка, вызванное желанием почувствовать приятные изменения в организме
Культурный скрипт: Архетип	Архетипы «добро» – «зло» «польза» – «вред»	Двойственность: польза и вред	Архетипы «добро» – «зло» «польза» – «вред» Употребление алкоголя вызывает приятные ощущения; вредит здоровью

**Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа
знаков непрямой номинации**

<p align="center">Символ Символизация</p>	<p align="center">Символы</p> <p>Змий – зло, искушение (желание наслаждения), опасность</p> <p>Зелёный – природа, растительность, трава, зелень [растительные компоненты алкогольных напитков]; спокойствие</p>	<p align="center">Искушение, желание</p>	<p align="center">Символизация</p> <p>Алкогольные напитки символизируют такие желанные вещи, как расслабление, веселье, отдых, застолье, общение, праздник.</p>
<p align="center">Культурная этимология</p>	<p align="center">Культурная этимология</p> <p><i>Зелёный</i> в эвфемизме – вероятно, от «зелие, зелье ср. былье, злак, трава, растение» [Даль, 1863 Т2, с. 606]. Ср.: <i>Много пива крепкого, мёду сладкого, вина зелёного, всего не приеши, не выпьешь</i> [Даль, 1989, с. 264]. <i>Зелёное вино</i>, хлебное, в песнях и сказках иногда просто зелёное [Даль, 1863 Т2, с. 606].</p>	<p align="center">Зелёный</p>	<p align="center">Культурная этимология</p> <p>В XVIII–XX вв. водку в просторечии называли «вино зелёное (зелено)» [ФСРЛЯ, 1991, с. 65].</p>
<p align="center">Суеврие</p>	<p align="center">Суеврия</p> <p>Зелье (зелие) – напиток, использовавшийся в старину для ворожения и колдовства. Ср.: <i>приворотное зелье, отворотное зелье</i>.</p> <p>Ср. тж.: зелие, зелье – «снадобье, лекарство; яд, отрава» [Даль, 1863 Т2, с. 606].</p>	<p align="center">Напиток, особенности употребления напитка, предостережение</p>	<p align="center">Суеврия</p> <p>Нельзя: до окончания застолья менять разливающего крепкие напитки; наливать на руку и через руку; выпивать без гостя; закусывать после первой рюмки; ставить пустые бутылки на стол; выливать оставшееся спиртное обратно в бутылку; чокайся на поминках и пр.</p>
<p align="center">Мифологема Культурный концепт</p>	<p align="center">Мифологема</p> <p>Змий / змей – демонологический персонаж в славянской мифологии; мифологический любовник, связь с которым отнимает жизнь у женщин [Левкиевская, 1999]; обладает двойственной природой – «в воздухе в виде огненного</p>	<p align="center">Двойственность: удовольствие; зло, вред, опасность</p>	<p align="center">Культурный концепт</p> <p>«Веселие Руси есть пити») (из летописи «Повесть временных лет» древнерусского летописца Нестора (вторая пол. XI – нач. XII в.). Водка губит. Алкоголь разрушает семью. «Пьянству – бой».</p>

	<p>крылатого змея, на земле – в виде человека» [Там же, с. 332]. Ср. тж.: Змей Горыныч в русских народных сказках, былинах, преданиях выжигает огнем поля и дома, убивает людей, похищает женщин и детей; со Змеем борются (ср. мифы о змеборчестве)</p>		<p>«Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью»</p>
<p>Религиозный слой концепта</p>	<p>Религиозный слой концепта</p> <p>Согласно Библии, дьявол в образе змея вкусила запретный плод с дерева жизни и дала Адаму, тем самым послушавшись Господа и совершив грех, за что оба были изгнаны из рая. Ср.: «И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела» (Быт.3:13).</p>		<p>Религиозный слой концепта</p> <p>Христианство не запрещает верующим употреблять алкогольные напитки, однако одобряет воздержание от алкоголя и осуждает его чрезмерное употребление. Ср.: «Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид» (Притч. 23: 31-34); «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство» (Ефессянам 5:18).</p>
<p>Стереотип</p>	<p>Стереотипы</p> <p>Змий / змей – зелёный.</p> <p>Змий – змеиный яд.</p> <p>Зелье – колдовское питьё.</p> <p>Зелье – вредоносное, пагубное.</p> <p>Зелье – целебное.</p>	<p>Состав, цвет</p> <p>Яд, отравление</p> <p>Искажённое восприятие реальности</p> <p>Вред, опасность</p> <p>Польза</p>	<p>Стереотипы</p> <p>Многие алкогольные напитки настаиваются на травах, некоторые имеют зелёный цвет; ср. также <i>бутылочный цвет</i>.</p> <p>Отрицательные последствия чрезмерного употребления алкогольных напитков: отравление организма этиловым спиртом, неадекватные поступки, похмелье.</p> <p>Удовольствие от употребления алкоголя. В народе считается, что употребление алкоголя в малых дозах полезно для здоровья</p>

<p align="center">Ассоциации</p>	<p align="center">Ассоциации</p> <p>Змий / змей – летающих.</p> <p>Змий / змей – огнедышащий.</p> <p>Змий / змей – многоголовый</p>	<p>Ощущение полёта</p> <p>Огонь, согревание</p> <p>Вызывает раздвоение видения, сознания</p>	<p align="center">Ассоциации</p> <p>Употребление алкоголя вызывает эйфорию.</p> <p>Спирт горит, употребление алкогольных напитков помогает согреться. Ср.: <i>огненная вода</i>.</p> <p>При чрезмерном употреблении алкоголя двоятся в глазах</p>
<p align="center">Итог когнитивно-культурологической концептуализации</p>		<p>Эвфемизм построен на метафорическом уподоблении алкогольных напитков и пьянства зелёному змию. Со спиртными напитками и их чрезмерным употреблением соединены понятия искушения, вреда, опасности; символом данных понятий в мифах, Библии, фольклоре является змий. Пьянство изначально связывали с употреблением хлебной водки, хмельного вина, что на Руси называли зелёным вином или просто зелёным (от зелье, зелье – трава – растительные компоненты алкогольного напитка). Это соединяется со стереотипными представлениями о змие и его природном, зелёном, цвете. Природа алкогольных напитков двойственна: употребление спиртного доставляет приятные ощущения, но также влечет собой негативные последствия. Стремление к приятным ощущениям от употребления спиртного приводит к пьянству, а алкоголь при попадании в организм в большом количестве вызывает отравление, подобно змеиному яду. Этот смысл смягчается благодаря ассоциациям с окультуренным образом змия-искусителя. Эвфемизация осуществляется посредством подмены значения: негативные образы водки и пьянства маскируются культурно-значимыми образами приятного искушения и «превращаются» в привлекательную метафору <i>зелёного змия</i>.</p>	

Проведем когнитивно-культурологический анализ народной загадки: *Голубой платок, красный колобок / По платку катается, людям усмехается (небо и солнце)* [Митрофанова, 1968, с. 21] (см. таблицу 3)¹.

¹ В сжатом виде когнитивно-культурологическое описание данной загадки представлено в [Ковшова, Орлова (в печати)]. В данной статье в описание внесены изменения.

Таблица 3

**Когнитивно-культурологическое описание загадки
«Голубой платок, красный колобок / По платку катается,
людям усмеается (небо и солнце)»**

Направление констелуализации: Источник – Цель	<i>Голубой платок, красный колобок По платку катается, людям усмеается</i>	≈	Небо и солнце
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
	Цветовая / природная (по цвету), артефактивная, акциональная, пространственная (совместное расположение двух объектов, связь объектов), количественная (несколько объектов), коммуникативная, эмоциональная, антропная	Природная, пространственная (совместное расположение объектов), количественная (несколько объектов)	Природная / космическая, пространственная (совместное расположение объектов, связь объектов), количественная (несколько объектов)
Типовые сценарии	Имеется элемент 1, на нем находится элемент 2, он перемещается по элементу 1 и подает позитивный сигнал элементу 3	В одном пространстве находятся, соотносены между собой элемент 1 и элемент 2	В одном пространстве находятся и соотносятся между собой элемент 1 и элемент 2
Элементы типового сценария	элемент 1 – голубой платок; элемент 2 – красный колобок; элемент 3 – люди	В одном пространстве находятся, соотносены между собой небо и солнце	элемент 1 – небо; элемент 2 – солнце
Культурный скринг:			
Архетипы	Архетипы «светлый» – «темный», «день» – «ночь»	Солнце на небе означает светлое время суток (утро и день)	Архетипы «светлый» – «темный», «день» – «ночь»
Стереотипы	Стереотипы Небо – голубой платок. В представлении древних славян, небо – полотно, состоит из голубой материи [Толстые, 2011, с. 316–317]. Солнце – красный колобок. Солнце красного цвета; ср. устно-поэтические эпитеты: <i>красное солнце, красно солнце / сольвишко</i> . Солнце катается по небу как колобок катается по платку. Колобок – круглый хлебец, который замешивается из теста, скатывается в	Солнце находится на небе. На голубом небе светит солнце. Солнце красное, яркое, жаркое. Солнце круглое. Солнце перемещается (ходит, катается) по небу. Яркое солнце на голубом небе означает хорошую	Стереотипы Небо высокое, широкое, простое. Небо голубого цвета – спокойное, ясное, безоблачное. На небе находится солнце. Солнце – небесное светило. Солнце круглое. В течение суток солнце зримо передвигается по небу, словно перекатывается. Ср. устойчивые выражения: <i>солнце закатилось, на закате солнца</i> . Солнце – яркое, жаркое. Солнце светит, греет, согревает. Ср. устойчивые выражения: <i>яркое солнце, горячее солнце, жаркое солнце, жгучее солнце, пылающее солнце, раскаленное солнце, солнце жарит и др.</i> Солнце – эталон яркости, жара;

**Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа
знаков непрямой номинации**

	<p>круглую форму и запекается, его основное свойство – кататься, это и создает его «крутость» [Цивьян, 2004, с. 313].</p> <p align="center">Мифологемы</p> <p>Божества имели «в древнерусском языческом пантеоне солнечную природу» [Топорков, 2011, с. 442]. Ср. название Солнца как языческого божества: <i>Ярило</i>. Ср. божественный эпитет в имени князя как наместника Бога на земле: <i>Владимир Красно Солнышко</i>. Колобок, согласно древним верованиям, связан с другими испеченными изделиями, которые имеют солярную (солнечную) символику и используются в обрядовых действиях [Толстой, 2003]. Небесные явления понимаются в народе как знамения божественной воли, «силы небесной» [Толстые, 2011, с. 316–317].</p> <p>Улыбка солнца знаменует доброе, благоприятное отношение небесного божества к людям. Ср.: <i>усмехаться</i> – «улыбаться; смеяться немо, одним движением губ, лица. <...> <i>Усмешка не насмешка</i>» [Даль, 2004, 4, с. 321].</p> <p align="center">Символы и эталоны</p> <p>Солнце – эталон красоты. Красный – «красивый, прекрасный» [Даль, 2004, 2, с. 157]. <i>Красен как солнышко, Красное солнышко на белом свете черную землю греет</i> [Даль, 2004, 2, с. 158]. <i>Красней красного солнышка, ясной ясного месяца</i> [Даль, 1989, с. 182]. Солнце олицетворяет образ красивой девушки; ср.: <i>Красная девушка / По небу ходит (солнце)</i> [Садовников, 1995, №1814].</p>	<p>погоду, добрую, благоприятную для людей, их жизнедеятельности.</p> <p>Небесное светило – высший природный / божественный феномен в мироустройстве.</p> <p>Солнце на небе проявляет положительные эмоции и воздействует на настроение людей.</p> <p>Солнце красивое.</p> <p>Голубое небо спокойное.</p>	<p>ср. выражения: <i>гореть как солнце, жарко как на солнце</i>. Солнце – источник жизни, света и тепла для жителей Земли. Образ солнца на небе соотносится с представлениями о ясном теплом дне, в который людям хорошо, в который устраивают веселье, игры. Ср. выражение: <i>солнце играет</i>. Солнце на небе – состояние природы, которое вызывает чувство радости. Ср. выражение: <i>радоваться солнцу</i>. Солнце обычно рисуют в виде круглого лица, на котором изображена широкая улыбка; ср. выражения: <i>солнечная улыбка, светиться / сиять улыбкой</i>.</p> <p align="center">Символы и эталоны</p> <p>Солнце – эталон природной красоты. Ср. выражения: <i>красне солнышка; солнышке красит</i> и др. Голубое небо – символ безмятежности, благоденствия. Солнце – символ радости, счастья; любви, ласки. Ср. выражения: <i>сиять, светиться от счастья, от радости</i> и др. Ср. ласковое обращение: <i>солнце, солнышко</i>. Солнце – символ величия, высшей оценки. Ср. крылатое выражение: <i>Лукиан – солнце русской поэзии</i>.</p>
<p align="center">Символы Эталоны</p>			

	<p>Солнце – символ любви, теплых, ласковых отношений; ср.: «в песнях и причитаниях XIX в. «светлое» или «красное солнышко» – это родственник или просто любимый человек» [Топорков, 2011, с. 442].</p>	<p>Солнце доброе</p>	
<p>Итог когнитивно-культурологической концептуализации</p>	<p>Небо и солнце – космические константы, природные феномены, которые имеют отличительные признаки (цвет, конфигурация, положение в пространстве, соотношение, проявление), воспринимаемые зрением человека. Загадка построена на метафорическом уподоблении солнца красному колобку, а неба –голубому платку, по которому катается колобок и усмехается людям. С образом голубого неба связано устойчивое представление о безмятежности и благоденствии, с образом красного солнца – представление о свете, красоте и благе как основных ценностях в мироустройстве. Солнце почитается людьми как высший источник света, тепла и добра. Небесное светило загадывается как солирный символ на широком полотне; солнце олицетворяется (обожествляется) в своем проявлении добрых чувств к людям. В образной семантике загадки отражен ценностью значимый концепт: «На голубом небе светит яркое солнце и дарит людям свет, тепло, красоту и добро. Солнце на небе знаменует спокойную счастливую жизнь людей».</p>		

Заключение

Предпринятый в работе когнитивно-культурологический анализ знаков непрямой номинации, таких как идиомы, эвфемизмы, загадки, нацелен на исследование концептуализации понятий в языке и участия в этом процессе разных типов культурной информации. Эксплицитировать «включение» культурной информации в ход концептуализации понятий позволяет культурный скрипт, введенный в структуру фрейма. С помощью зоны культурного скрипта выявляются культурные импликатуры в семантике идиом, эвфемизмов, загадок, показано, как тот или иной тип культурной информации «подрабатывает» кодирование денотата, ложится в основу образно мотивированной внутренней формы данных знаков. Использование приема культурного скрипта в когнитивно-культурологическом исследовании дает возможность показать, что концептуализация носит культурно-языковой характер, что осмысление того или иного понятия осуществляется через призму сформированного в культуре мировоззрения; что идиомы, эвфемизмы, загадки создаются и декодируются в пространстве культуры. Оперативный прием введения зоны культурного

скрипта в когнитивный (фреймовый) анализ может быть использован также для исследования других знаков языка, насыщенных культурной семантикой, в частности для терминов родства и цветовых наименований.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю.Д. Избранные труды* : в 2 т. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 156–177.
- Брагина Н.Г., Войславова С.С.* Мир кажимости в русско-болгарском тематическом классификаторе: принципы описания диалогических ответных реплик с компонентом *надеяться / надявам се* // *Русский язык за рубежом*. – 2021. – № 2. – С. 19–24.
- БФСРЯ* – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2020. – 784 с.
- Библия православная*. – Москва : Российское Библейское Общество, 2007. – 928 с.
- Вежбицкая А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Русский язык в научном освещении*. – 2002. – № 2(4). – С. 6–34.
- Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы / Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. // *Quaestio Rossica*. – 2021. – № 4. – С. 1389–1408.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. – Москва : Художественная литература, 1989. – Т. 2. – 447 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС. – 2004. – Т. 2. – 672 с. ; Т. 4. – 576 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Москва : Обво любителей рос. словесности, 1863. – Т. 2. – 1351 с.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 456 с.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
- Ковшова М.Л.* Концептуализация родственных отношений в образной семантике загадок: к вопросу о “наивной” культурно-языковой картине мира // *Когнитивные исследования языка*. – 2022. – № 1. – С. 426–454.
- Ковшова М.Л.* Культурный скрипт как элемент когнитивного (фреймового) анализа загадки // *Славянская фразеология и паремиология* : сб. науч. статей. – Гомель, 2023. – С. 125–128.
- Ковшова М.Л., Орлова О.С.* Числовой код в русских загадках про календарный год // *Язык как он есть*. – Москва : Буки Веди, 2023. – С. 381–387.
- Ковшова М.Л., Орлова О.С.* Культурный скрипт как часть фреймового анализа (на материале русской загадки) // *Когнитивные исследования языка* (в печати).

- Левкиевская Е.Е. Змей летающий // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 330–332.
- Левкиевская Е.Е. Змей огненный // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – С. 332–333.
- Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. – Москва : Искусство, 1972. – С. 149–189.
- Митрофанова В.В. Загадки. – Ленинград : Наука, 1968. – 256 с.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология и фольклор // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. – Санкт-Петербург ; Грайфсвальд, 2018. – С. 21–27.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
- Моторина Н.В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 22 с.
- Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.
- Орлова О.С. Образы времен года в русских традиционных загадках // Славянская фразеология и паремология : сб. науч. статей. – Гомель, 2023. – С. 177–180.
- Рабиль Т.Б. «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 2. – С. 283–293.
- Ройзензон Л.И. К лингвистической интерпретации загадки в связи с некоторыми проблемами фразеологии // Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1975. – С. 18–34.
- Русский фольклор / сост. В. П. Аникин. – Москва : Художественная литература, 1986. – 286 с.
- Садовников Д.Н. Загадки русского народа : сб. загадок, вопросов, притч и задач. – Москва : Славянский мир, 1995. – 400 с.
- Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
- Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразагеография в Машинном фонде русского языка. – Москва : Наука, 1990. – С. 32–47.
- Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке : тезисы докладов междунар. науч. конференции : в 2 ч. – Минск : Універсітэцкае, 1994. – Ч. 1. – С. 13–15.
- Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
- Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

- Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.
- Телия В.Н.* Послесловие: замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2020. – С. 776–782.
- Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. – Москва : Индрик, 2009. – С. 7–22.
- Толстой Н.И.* Секрет Колобка // Очерки славянского язычества. – Москва : Индрик, 2003. – С. 469–472.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* Небо // Славянская мифология : энциклопедический словарь. – Москва : Международные отношения, 2011. – С. 316–317.
- Топорков А.Л.* Огонь // Славянская мифология : энциклопедический словарь. – Москва : Международные отношения, 2011. – С. 336–337.
- Топорков А.Л.* Солнце // Славянская мифология : энциклопедический словарь. – Москва : Международные отношения, 2011. – С. 442–443.
- ФСРЛЯ* – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. : в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск : Наука (Сиб. отд-ние), 1991. – Т. 1 : А – Н. – 340 с.
- Цивьян Т.В.* Роковой путь Колобка // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С.М. Толстая. – Москва : Индрик, 2004. – С. 309–321.
- Шмелев А.Д.* Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Труды Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 2014. – № 1. – С. 36–119.
- Peeters B.* On Linguoculturology and Cultural Linguistics // Вестник Новосибирск. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 6–11.
- Sharifian F.* Lingwistyka kulturowa // Etnolingwistyka: Problemy Języka i Kultury. – 2016. – N 28. – P. 31–55.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. – URL : ruscorpora.ru (дата обращения: 01.03.2024).
- Pavlodarnews* – URL : <https://pavlodarnews.kz/ru/zeleniy-zmiy-stal-chashche-podtalkivat-pavlodartsev-k-prestupleniyam> (дата обращения: 01.03.2024).
- 1sn.ru* – URL : <https://1sn.ru/zelyonyi-zmii-vnov-poputal-butlegerov-i-prostyx-zitelei-yakutska> (дата обращения: 01.03.2024).
- Yamal-media.ru* – URL : <https://yamal-media.ru/narrative/zelenyj-zmij-s-dostavkoj-na-dom-v-rossii-mogut-razreshitprodazhu-alkogolja-v-internete> (дата обращения: 01.03.2024).
- Versia.ru* – URL : <https://versia.ru/rossiyane-reshili-snova-pit-po-chyornomu> (дата обращения: 01.03.2024).
- Bobrliife.by* – URL : <https://www.bobrliife.by/news/zelenyj-zmij-oputal-dom/> (дата обращения: 01.03.2024).

References

- Apresyan Yu.D. Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskij aspekt) [Connotation as a part of the pragmatics of the word]. In *Apresyan Yu.D. Izbrannyye Trudy [Selected Works]. In 2 volumes. Vol. 2 : Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral Description of Language and Systematic Lexicography]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1995. Pp. 156–177. (In Russ.)
- Bragina N.G., Vojslavova S.S. Mir kazhimosti v russkogo-bolgarskom tematicheskom klassifikatore: principy opisaniya dialogicheskikh otvetnyh replik s komponentom nadeyat'sya / nadyavam se [The Semantic Field Seeminglyness in the Russian-Bulgarian Thematic Classifier: Principles of Describing Dialogical Responses With a Component Hope]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad]. 2021. N 2. P. 19–24. (In Russ.)
- Bibliya pravoslavnyaya* [Orthodox Bible]. Moscow: Rossijskoe Biblejskoe Obschestvo, 2007. 928 p. (In Russ.)
- BFSRYA [BPhDRL] – Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij.* [Big phraseological dictionary of the Russian language: Meaning. Use. Cultural comment.] Ed. by V.N. Teliya. Moscow: AST-PRESS, 2020. 784 p. (In Russ.)
- Vezhbickaya A. Russkie kul'turnye skripty i ih otrazhenie v yazyke [Russian cultural scripts and their reflection in language]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2002. N 2(4). P. 6–34. (In Russ.)
- Vzaimodejstvie yazyka i kul'tury v issledovatel'skom pole: granicy i perspektivy [The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives] / Bartmin'ski E., Berezovich E., Vepeva I., Kovshova M., Shmelyov A. *Quaestio Rossica*. 2021. N 4. P. 1389–1408. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Posloviцы russkogo naroda*. [Proverbs of the Russian people]: In 2 vol. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1989. Vol. 2. 447 p. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory dictionary of the living Great Russian Language]: In 4 vol. Moscow: OLMA-PRESS, 2004. Vol. 2. 672 p. ; Vol. 4. 576 p. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory dictionary of the living Great Russian Language]: In 2 vol. Moscow: Ob-vo lyubitelej ros. slovesnosti, 1863. Vol. 2. 1351 p. (In Russ.)
- Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguocultural method in phraseology: Culture codes]. Moscow: LENAND, 2017. 456 p. (In Russ.)
- Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: antroponimicheskij kod kul'tury*. [The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies: anthroponymical code]. Moscow: LENAND, 2019. 400 p. (In Russ.)
- Kovshova M.L. Konceptualizatsiya rodstvennyh otnoshenij v obraznoj semantike zagadok: k voprosu o "naivnoj" kul'turno-yazykovoj kartine mira. [Conceptualisation of kinship in the image semantics of riddles: on the "naïve" cultural and linguistic

- worldview]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. [Cognitive Studies of Language]. 2022. N 1. P. 426–454. (In Russ.)
- Kovshova M.L. Kul'turnyj skript kak element kognitivnogo (frejmovogo) analiza zagadki [Cultural script as an element of cognitive (frame) analysis]. In *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya* [Slavic phraseology and paremiology: collection of articles]. Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2023. Pp. 125–128. (In Russ.)
- Kovshova M.L., Orlova O.S. Chislovoj kod v russkikh zagadkah pro kalendarnyj god. [Numeral code in riddles about calendar year]. In *Yazyk kak on est'*. [Language as it is]. Moscow: Buki Vedi, 2023. Pp. 381–387. (In Russ.)
- Kovshova M.L., Orlova O.S. Kul'turnyj skript kak chast' frejmovogo analiza (na materiale russkoj zagadki) [Cultural script as a part of frame analysis (as applied to Russian riddles)]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language] (v pechati) [to appear]. (In Russ.)
- Levkievskaya E.E. Zmej letayushchij. [Flying serpent]. In *Slavic antiquities: etnolingvisticheskij slovar'*. [Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. Vol. 2. Pp. 330–332. (In Russ.)
- Levkievskaya E.E. Zmej ognennyj [Fire serpent]. In *Slavic antiquities: etnolingvisticheskij slovar'*. [Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. Vol. 2. – Pp. 332–333. (In Russ.)
- Meletinskij E.M. Pervobytnye istoki slovesnogo iskusstva [Primeval sources of verbal art]. In *Rannie formy iskusstva*. [Primeval forms of art]. Moscow: Iskusstvo. Pp. 149–189. (In Russ.)
- Mitrofanova V.V. *Zagadki* [Riddles]. Leningrad: Nauka, 1968. 256 p. (In Russ.)
- Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya i fol'klor [Slavic phraseology and folklore]. In *Fol'klornaya frazeologiya: Problemy lingvokul'turologicheskogo i leksikograficheskogo opisaniya* [Folklore phraseology: Issues of linguocultural and lexicographic description]. Saint Petersburg; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Inst. für Slawistik, 2018. P. 21–27. (In Russ.)
- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2007. 784 p. (In Russ.)
- Motorina N.V. *Lingvokul'turnye skripty tradicionnogo kommunikativnogo povedeniya v Rossii i Anglii*: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. [Linguocultural scripts of traditional communication behaviour in Russia and England: author's summary ... thesis]. Volgograd, 2014. 22 p. (In Russ.)
- Orlova O.S. *Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoj i angloyazychnoj kul'turah: Princip nepryamoj nominacii: Kognitivno-kul'turologicheskoe issledovanie* [Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures : principle of indirect nomination : Cognitive-cultural research]. Moscow: LENAND, 2022. 240 p. (In Russ.)
- Orlova O.S. Obrazy vremyon goda v russkikh tradicionnyh zagadkah [Images of seasons in traditional Russian riddles]. In *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya: sb. nauch. statej* [Slavic phraseology and paremiology: collection of articles]. Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2023. Pp. 177–180. (In Russ.)

- Radbil' T.B. "Kul'turnyj fon" kak implicitnyj kul'turnyj komponent v semantike yazykovyh znakov ["Cultural background" as an implicit cultural component in the semantics of language signs]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. 2021. N 2. P. 283–293. (In Russ.)
- Rojzenzon L.I. K lingvisticheskoj interpretacii zagadki v svyazi s nekotorymi problemami frazeologii [On linguistic interpretation of riddles in connection with certain problems of phraseology]. In *Voprosy frazeologii* [Issues of phraseology]. Samarkand, 1975. Pp. 18–34. (In Russ.)
- Russkij fol'klor* [Russian folklore]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1986. 286 p. (In Russ.)
- Sadovnikov D.N. *Zagadki russkogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach*. [Riddles of the Russian people: Collection of riddles, questions, parables and puzzles]. Moscow: Slavyanskij mir, 1995. 400 p. (In Russ.)
- Senichkina E.P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 464 p. (In Russ.)
- Teliya V.N. Semantika idiom v funkcional'no-parametricheskom otobrazhenii [Semantics of idioms in functional-parametric reflection]. In *Frazeografiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka* [Phraseography in the machine fund of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 32–47. (In Russ.)
- Teliya V.N. Nominativnyj sostav yazyka kak ob'ekt lingvokul'turologii [Nominative composition of language as an object of linguocultural studies]. In *Nacional'no-kul'turnyj komponent v tekste i v yazyke: tezisy dokladov mezhd. nauch. konf.* [National and cultural component in a text and language: Proceedings of the International scientific conference]: In 2 parts. Minsk: Universiteckae, 1994. P. 1. P. 13–15. (In Russ.)
- Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russoj kul'tury, 1996. 288 p. (In Russ.)
- Teliya V.N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury [Main objectives and issues of the research of phraseological language units in the context of culture]. In *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow: Yazyki russoj kul'tury, 1999. Pp. 13–24. (In Russ.)
- Teliya V.N. Posleslovie: zamysel, celi i zadachi frazeologicheskogo slovary novogo tipa [The Afterword: idea, goals and objectives of the phraseological dictionary of the new type]. In *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij* [Big phraseological dictionary of the Russian language: Meaning. Use. Cultural comment]. Moscow: AST-PRESS, 2020. Pp. 776–782. (In Russ.)
- Teliya V.N. Kul'turno-yazykovaya kompetenciya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinichah frazeologicheskogo sostava yazyka [Cultural-linguistic Competence: its high probability and deep secrecy in phraseological units]. In *Kul'turnye sloi vo frazeologizmah i v diskursivnyh praktikah* [Cultural Layers in phraseological units and discursive practices]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. Pp. 19–30. (In Russ.)

- Tolstaya S.M. Kategoriya rodstva v etnolingvističeskoj perspektive [Kinship category in the ethnolinguistic perspective]. In *Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture* [Category of kinship in language and culture]. Moscow: Indrik, 2009. Pp. 7–22. (In Russ.)
- Tolstoj N.I. Sekret Kolobka [The mystery of Kolobok]. In *Očerki slavjanskogo yazyčestva* [Sketches on Slavic paganisms]. Moscow: Indrik, 2003. Pp. 469–472. (In Russ.)
- Tolstoj N.I., Tolstaja S.M. Nebo [The sky]. In *Slavyanskaya mifologiya: enciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. Pp. 316–317. (In Russ.)
- Toporkov A.L. Ogon' [Fire]. In *Slavyanskaya mifologiya: enciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. Pp. 336–337. (In Russ.)
- Toporkov A.L. Solnce [The Sun]. In *Slavyanskaya mifologiya: enciklopedičeskij slovar'* [Slavic mythology : Encyclopedic dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. Pp. 442–443. (In Russ.)
- FSRLYA* [PhDRL] – *Frazeologičeskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII–XX v.* [Phraseological dictionary of the Literary Russian language of the end of XVIII–XX centuries]: In 2 vol. Novosibirsk: Nauka, 1991. Vol. 1: A – N. 340 p. (In Russ.)
- Civ'yan T.V. Rokovoj put' Kolobka [The fatal way of Kolobok]. In *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'jicha Tolstogo (1923–1996)* [Language of culture: semantics and grammar: Devoted to the 80th anniversary of the academician Nikita Iljich Tolstoj]. Moscow: Indrik, 2004. Pp. 309–321. (In Russ.)
- Shmelev A.D. Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya? [Language and Culture: Are There Any Points of Contact?]. *Trudy In-ta rus. yaz. im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2014. N 1. P. 36–119. (In Russ.)
- Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta* [NSU Vestnik]. Ser.: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikacija* [Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2019. Vol. 17, N 4. P. 6–11.
- Sharifian F. Lingwistyka kulturowa [Cultural linguistics]. *Etnolingwistyka: Problemy Języka i Kultury* [Ethnolinguistics: Problems of Language and Culture]. 2016. N 28. P. 31–55. (In Polish)
- NKRYA* [RNC] – *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: ruscorpora.ru (accessed: 01.03.2024).
- Pavlodarnews*. URL: <https://pavlodarnews.kz/ru/zeleniy-zmij-stal-chashche-podtalkivat-pavlodartsev-k-prestupleniyam> (accessed: 01.03.2024).
- Isn.ru* URL: <https://Isn.ru/zelyonyi-zmii-vnov-poputal-butlegerov-i-prostyx-zitelei-yakutsk> (accessed: 01.03.2024).
- Yamal-media.ru* URL: <https://yamal-media.ru/narrative/zelenyj-zmij-s-dostavkoj-nadom-v-rossii-mogut-razreshitprodazhu-alkogolja-v-internete> (accessed: 01.03.2024).
- Versia.ru* URL: <https://versia.ru/rossiyane-reshili-snova-pit-po-čyornomu> (accessed: 01.03.2024).
- Bobrlife.by* URL: <https://www.bobrlife.by/news/zelenyj-zmij-oputal-dom/> (accessed: 01.03.2024).

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

APPLIED LINGUISTICS. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

УДК 81'33

DOI: 10.31249/ling/2024.04.06

Потапова Р.К., Потапов В.В.¹, Горбунов П.И.²

О НОВОМ СПОСОБЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ (ПРИМЕНИТЕЛЬНО К МЕМЕТИКЕ)³

Аннотация. Статья содержит результаты исследования в области изучения «токсичности» интернет-коммуникации, ставшей одним из приоритетных исследовательских направлений для современной прикладной лингвистики. В рамках проведенного анализа продемонстрированы возможности актуального для науки о языке исследовательского инструментария, позволяющего существенно упростить процессы обработки полученного из различных сетевых источников лин-

---

¹ © Потапова Р.К., Потапов В.В., 2024

Потапова Родмонга Кондратьевна – доктор филологических наук, профессор, директор Института прикладной и математической лингвистики Московского государственного лингвистического университета; rkpotaпова@yandex.ru

Потапов Всеволод Викторович – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; volikpotapov@gmail.com

² Горбунов П.И., 2024

Горбунов Петр Игоревич – младший научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета, ведущий редактор Отдела подготовки периодики ИНИОН РАН; pete.spw@yandex.ru

³ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01050 (руководитель научного проекта: д-р филол. наук, проф. Р.К. Потапова).

гвистического материала. Функционал современных программных продуктов (реализованный, в частности, посредством облачных технологий) позволяет проводить *глубинное аннотирование* [Потапова, Потапов, Джунковский, 2019] обранных под конкретные нужды лингвистических баз данных.

Ключевые слова: меметика; русскоязычный, англо-американоязычный и немецкоязычный сегменты Интернета; сетевая коммуникация; паттерны «токсичности»; мультимодальная поликодовая база данных; Big Data.

Для цитирования: Потапова Р.К., Потапов В.В., Горбунов П.И. О новом способе статистической обработки лингвистических данных (применительно к меметике) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 111–125. – DOI: 10.31249/lng/2024.04.06

POTAPOVA R.K., POTAPOV V.V.¹, GORBUNOV P.I.²
METHOD OF STATISTICAL PROCESSING OF LINGUISTIC DATA
(APPLIED TO MEMETICS)³

Abstract. This article presents the results of a study regarding “toxicity” of Internet communication, which has become one of the priority research areas for modern applied linguistics. In particular, the analysis performed demonstrated the capabilities of research tools that are relevant to the science of language and make it possible to significantly simplify the processing of linguistic material obtained from various network sources. Notably, the functionality of modern software products (implemented, in particular, through cloud technologies) allows for in-depth annotation [Потапова, Потапов, Джунковский, 2019] of linguistic databases collected for the specific needs.

Keywords: memetics; Russian-language, English-American and German-language segments of the Internet; network communication; “toxicity” patterns; multimodal poly-code database; Big Data.

---

¹ © Potapova R.K., Potapov V.V., 2024

Potapova Rodmonga Kondrat'evna – Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University; rkpotapova@yandex.ru

Potapov Vsevolod Viktorovich – Doctor of Philology (Dr. habil.), Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; volikpotapov@gmail.com

² Gorbunov P.I., 2024

Gorbunov Petr Igorevich – Junior Researcher, Moscow State Linguistic University, Senior Editor of the INION RAN Periodicals Preparation Department; pete.spw@yandex.ru

³ This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No 22-28-01050 (head of the research project: Prof. ScD Rodmonga Potapova).

For citation: Potapova R.K., Potapov V.V., Gorbunov P.I. On a new method of statistical processing of linguistic data (applied to memetics). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 111–125. DOI: 10.31249/ling/2024.04.06

Введение

Стремительное развитие информационных технологий существенно повлияло на большую часть научных дисциплин, в числе которых оказалась и прикладная лингвистика. Получив новый исследовательский инструментарий, а также материал для проведения научных изысканий, она обозначила целый ряд проблемных вопросов, представших перед миром науки в эпоху цифровизации.

Одним из них стал вопрос межличностного общения интернет-коммуникантов с учетом герменевтической типологии семиотико-семантических паттернов «токсичности» в сетевой коммуникации.

Основной целью проводимого исследования является изучение поликодового цифрового контента, содержащего экспликацию параметра «токсичность» («вредоносность»), влияющего на когнитивное переформатирование картины мира со стороны перцепиентов – участников *социально-сетевой коммуникации* (ССК) [Потапова, Потапов, 2022а; Потапова, Потапов, 2022б; Risch, Krestel, 2020].

Одной из задач стал сбор масштабной мультимодальной поликодовой лингвистической базы данных мемов [Blackmore, 2000] с применением технологий обработки больших данных (Big Data) [Bolliger, 2010] и системы *глубинного аннотирования* [Потапова, Потапов, Джунковский, 2019] поликодовых текстов. Источником данных послужили русскоязычный, англо-американоязычный и немецкоязычный сегменты Интернета.

Методы исследования

Регулярный анализ Всемирной сети с пополнением описанной выше базы данных в непрерывном режиме позволяет проследить за тематической и кодовой динамикой языкового материала для каждого из языковых сегментов.

Решение задачи по сбору лингвистического интернет-материала основано на технологиях обработки больших данных (Big Data) [Fattahi, Moattar, Forghani, 2022; Goodfellow, Bengio, Courville, 2016; Mainzer, 2014] и системе *глубинного аннотирования* поликодовых текстов. Источником данных служат русскоязычный, англо-американоязычный и немецкоязычный сегменты Интернета.

Критерии выборки материалов заключаются в следующем:

1. Подготовлены на основных языках каждого из трех языковых сегментов (русский, английский, немецкий).

2. Имеются в открытом доступе среди ресурсов сети Интернет (социальные сети, такие как ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram, Одноклассники, LinkedIn и т.д., а также персональные блоги, микроблоги, видеоблоги, серии подкастов).

3. Выражены посредством одной или нескольких модальностей (содержат текст, изображения (графики, рисунки), звуковые файлы, видеофайлы и другие виды данных в любых комбинациях). Стоит отметить, что короткие видеофайлы (анимации) также подходят под цели работы.

4. Имеют определенное количество просмотров (лайков / репостов) – не менее 20% от общего числа подписчиков сообщества или медийной личности, на странице которого / которой они были опубликованы (на первом этапе исследования).

Непосредственно после подбора подходящего материала необходимо сохранить все данные, ассоциированные с ним, то есть текст, видеофайлы, изображения, аудиозаписи в облачное хранилище данных. Для достижения данной цели создана файловая структура, имеющая следующий вид: Общая папка → Языковой сегмент → Распределение материала по кодовости.

Основным инструментом для количественной фиксации, а также анализа собранных материалов стал табличный процессор Microsoft Excel, входящий в состав пакета офисных программ Microsoft Office. Выбор данного программного обеспечения обусловлен, в частности, его полной совместимостью с реляционными базами данных, повсеместно применяемыми в таких облачных сервисах, как Microsoft Azure и Google Drive. Указанное программное обеспечение было успешно приспособлено для хранения и обработки лингвистической информации в рамках предыдущих ис-

следований [Gordeev, Potapov, 2022; Potapova, Potapov, Gorbunov, 2022].

«... *меметика* определяется нами как междисциплинарная область знаний, включающая в качестве объекта исследования способы передачи сетевой информации с помощью лаконичных монокодовых или поликодовых (креолизованных) министртур, характеризующихся максимальной сетевой виральностью и популярностью» [Потапова, Потапов 2022б, с. 80].

Для получения наиболее объективных результатов при проведении работы по сбору масштабной мультимодальной поликодовой базы данных мемов необходимо установить ряд критериев, согласно которым будет производиться ее первичное описание.

Основаниями для классификации мемов служат следующие типы разметки:

– языковая принадлежность мемов (русский, английский, немецкий);

– использование одного или нескольких кодов (поликодовая или монокодовая коммуникация); в случае монокодовой коммуникации – использование текста, изображений, аудио- или видеоконтента, а в случае поликодовой коммуникации – состав комбинации кодов;

– тематическая принадлежность с учётом рубрикации;

– наличие агрессивного контента (бранной и обценной лексики, сцен насилия, откровенных снимков и т.п.);

– реакции реципиентов.

Кроме того, важно акцентировать внимание на том, что основной задачей исследования предстает определение тематической и кодовой динамики интернет-постингов в пределах определенных временных рамок. Так, с учетом стремительно изменяющихся интересов молодежной части современного общества, наиболее активно использующей сеть Интернет, самым оптимальным временным периодом для фиксации происходящих в языковом материале изменений является годовой квартал, составляющий три календарных месяца. Для фиксации статистики, получаемой при закрытии очередного периода, на каждый из кварталов 2022 и 2023 г. в базе данных Excel создано по отдельной таблице-вкладке, позволяющей оперативно ориентироваться в собранной в разное время лингвистической информации. Кроме того, предусматривается отдельная таблица для отображения тематической и кодовой дина-

мики полученных единиц базы данных в выбранном временном промежутке (рис. 1)

Рис. 1. Таблицы-вкладки в базе данных интернет-постингов для определения их тематической и кодовой динамики

В свою очередь, для построения первичных таблиц, охватывающих каждый из языковых сегментов, требуется учесть ряд факторов:

1. Для каждого из собранных мемов определяются его тематичность и подробная кодовая наполняемость (текст, изображение, аудио или видеосопровождение) [Потапова, Потапов, 2022б; Потапова, Потапов, 2023; A Novel ensemble method..., 2015]. Важно учесть, что интернет-мемы являются преимущественно поликодовыми. Тем не менее имеют место быть и монокодовые проявления. Принцип деления материала по кодовости представлен на схеме 1 и призван охватить всю палитру существующих на настоящий момент типов мемов.

Особое внимание стоит уделить видеозаписям, которые представляют собой определенное частотой кадров число неподвижных изображений, сменяющих друг друга и создающих эффект движения объектов на экране [Deep residual learning, 2015; Krizhevsky, Sutskever, Hinton, 2017]. Согласно представленной ниже схеме, видеоряд включен в код «Изображение», так как принципиальных отличий от последнего не имеет.

Схема 1. Деление материала по кодовости

2. С целью определения тематической направленности материала, он разбивается на соответствующие микро- и макросегменты, образцы которых представлены на схеме 2.

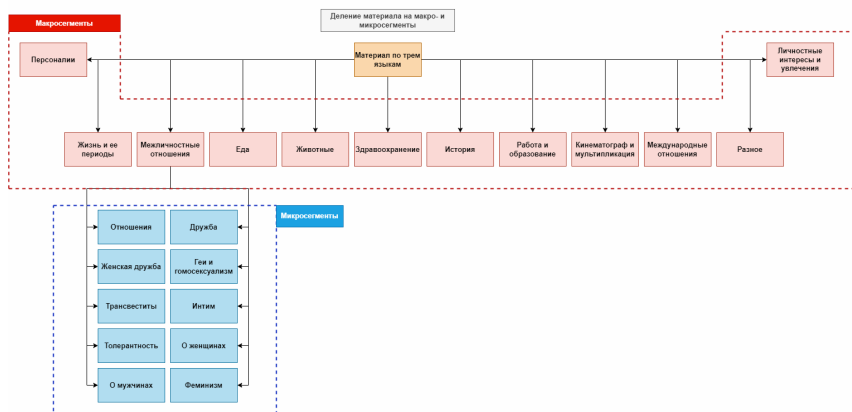

Схема 2. Деление материала на микро- и макросегменты

Деление интернет-постингов на микро- и макросегменты подразумевает разные уровни интеграции. В то время как количество наиболее частотных макросегментов остается неизменным на протяжении всего исследования, число микро-сегментов существенно изменяется по мере переключения внимания мирового общества на различные события.

Так, на протяжении всего периода исследования можно обозначить 12 наиболее частотных макросегментов, включающих в себя подавляющее многообразие мемов во Всемирной сети: «Персоналии», «Жизнь и ее периоды», «Межличностные отношения», «Еда», «Животные», «Здравоохранение», «История», «Работа и образование», «Кинематограф и мультипликация», «Международные отношения», «Разное», «Личностные интересы и увлечения». Они, в свою очередь, подразделяются на 87 микро-сегментов.

**О новом способе статистической обработки лингвистических данных
(применительно к мемутике)**

№ п/п	Макросегмент	2022-1							
		Наиболее частотный микросегмент		Наименее частотный микросегмент		Наиболее частотный код		Наименее частотный код	
Английский язык									
1	персоналии	а-ля фамилии знаменитостей	40	Меладзе	5	Текст + Изображение	25	Аудио	5
2	жизнь и ее периоды	грустные мемы (депрессия)	60	армия	3	Изображение + Аудио	50	Текст	10
3	межличностные отношения	отношения	70	инты	10	Изображение + Аудио	55	Текст	5
4	еда	разное	10	пишо	2	Текст + Изображение	5	Текст + Аудио	3
5	животные	разное	40	лягушки	15	Текст + Изображение	35	Текст + Аудио	15
6	здоровоохранение	похудение	60	фитнес	5	Текст + Изображение	40	Текст + Аудио	15
7	история	исторические факты	20	искусство Средневековья	5	Текст + Изображение	10	Аудио	5
8	работа и образование	работа	30	спипендия	10	Текст + Изображение	20	Аудио	10
9	кинематограф и мультипликация	фильмы, сериалы	110	Гарри Поттер и все, все, все	10	Текст	10	Изображение + Аудио	5
10	международные отношения	смерть королевы Елизаветы, воцарение Чарльза	100	ХДС	10	Текст	10	Изображение + Аудио	5
11	разное	разное	130	Stonks	20	Аудио	50	Изображение + Текст + Аудио	20
12	личностные интересы и увлечения	соц. сети	30	огород	15	Изображение	20	Текст + Аудио	3
Немецкий язык									
<div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center;"> « » 2022-1 2022-2 2022-3 2022-4 2023-1 2023-2 2023-3 2023-4 Динамика (+) </div>									

Рис. 2. Вкладка «Динамика» базы данных интернет-мемов

3. В рамках каждого макросегмента приводится ежеквартальная статистика по признаку частоты встречаемости в сети Интернет того или иного микросегмента, а также по частотности используемых кодов. Статистика охватывает три изначально обозначенных языка, подсчитывается автоматически при помощи вычислительных возможностей программного обеспечения Microsoft Excel и отображается во вкладке «Динамика» базы данных интернет-мемов (рис. 2).

4. По всем вышеуказанным параметрам применительно к трем языковым сегментам попарно и в совокупности проводится сопоставительный анализа: а) русский язык – английский язык; русский язык – немецкий язык; английский язык – немецкий язык. Попарное сопоставление мемов с учетом тематики и времени реализации в Интернете производится на основе данных, полученных

с помощью использованных во вкладке «Динамика» математических формул, и отражается статистически с применением гистограмм и при достаточной статистике математического описания с учетом среднего значения и зоны минимального и максимального значений (рис. 3).

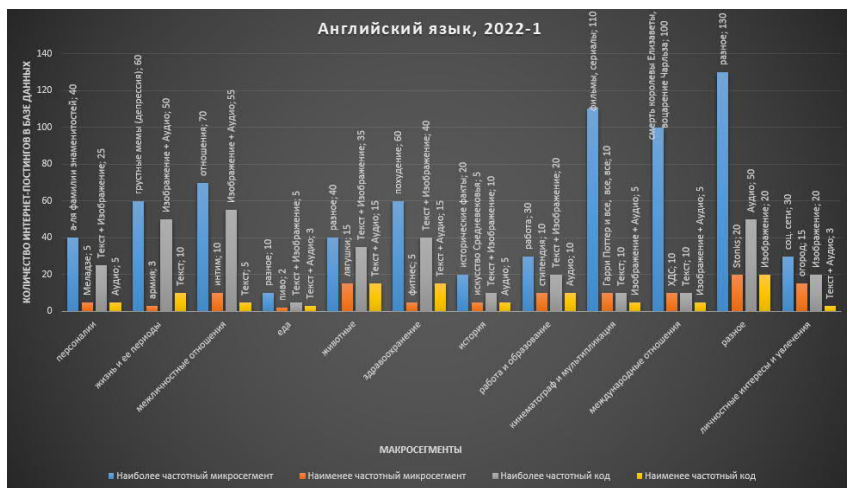

Рис. 3. Гистограмма, отображающая статистическую информацию о собранных интернет-меммах на английском языке в рамках первого квартала 2022 г.

Результаты исследования

В рамках выполнения задачи по формированию лингвистической базы данных к середине 2023 г. сформированы три языковых корпуса интернет-постингов, объем каждого из которых составил 2 000 000 мемов. Таким образом, общее количество собранного материала составило 6 000 000 единиц.

В результате аннотирования и статистической обработки собранного материала согласно представленным выше критериям и при помощи современных информационных технологий были выявлены следующие общезыковые тенденции, характерные для каждого из участвующих в исследовании лингвистических интернет-пространств:

- наибольшее распространение в интернет-коммуникации получили именно поликодовые мемы. В частности, это мемы, в которых в совокупности задействованы такие типы кодов как «текст» и «изображение». Количество вхождений в базу данных, соответствующих этому типу мемов по трем языкам, составило 4 356 060 единиц;

- в результате развития процесса глобализации мировое интернет-сообщество становится более гомогенным. Мемы из англоязычного сегмента мигрируют и в русско-, и в немецкоязычную среду. Аудитория русской и немецкой лингвокультуры воспринимает, использует и распространяет мемы в их оригинальном виде, не ассимилируя их собственному культурному коду. Наличие этого фактора свидетельствует об изменениях в этническом самосознании культур;

- динамичнее всего интернет-сообщество реагирует на темы, попадающие под макросегмент «международные отношения». В пределах данного макросегмента изменение актуальных тематик для интернет-постингов в трех языковых группах происходит ежеквартально, нередко обретая и вовсе ситуативный характер. Интересным представляется тот факт, что русскоязычная и англоязычная интернет-среды острее реагируют на изменения, происходящие в мире, в то время как в немецкоязычных мемах в большинстве случаев находят свое отражение внутренние проблемы немецкого общества;

- существует ряд макросегментов, статистические данные по которым почти не изменяются с течением времени для всех языков. К таким сегментам можно отнести: «работа и образование» (429 558 вхождений в БД), «здравоохранение» (297 828 вхождений в БД), «межличностные отношения» (605 376 вхождений в БД), «личностные интересы и увлечения» (976 260 вхождений в БД), «животные» (435 552 вхождений в БД), «жизнь и ее периоды» (1 000 044 вхождений в БД).

Стоит отметить, что распространение обретают поликодовые единицы, посвященные типичным ситуациям из жизни, проблемам, с которыми сталкивается большинство людей. В связи с этим, актуальны для реципиентов те мемы, которые отражают их чувства и переживания в определенной сфере жизни.

Основными паттернами мемов являются:

– изображение / передача эмоции;

– изображение типичной ситуации, представляющей собой определенную фреймовую структуру, компоненты которой влияют на эмоциональное состояние реципиента;

– изображение информационного повода или отсылка к нему.

В свою очередь, анализ полученных результатов по каждому из языковых сегментов, рассматриваемых по-отдельности, отражает следующую тематическую и кодовую динамику:

Русский язык. К событиям, вызвавшим наибольший резонанс у русскоязычного интернет-сообщества, можно отнести «конфликт на Украине» (450 540 вхождений в БД), «смерть королевы Елизаветы (235 670 вхождений в БД), воцарение Чарльза» и «частичную мобилизацию» (224 745 вхождений в БД). Стоит заметить, что интернет-постинги на русском языке характеризуются более яркой эмоциональной окраской, повышенной иронией по отношению к действительности, а также почти полным отсутствием призыва к тем или иным действиям, способным повлиять на существующий общественный строй.

Важно также отметить, что смысл единицы и коммуникативная цель автора текста с табуированной темой в русскоязычном сегменте в большинстве случаев передается имплицитно, посредством использования схожих образов, скрытых намеков. К этому сегменту относятся, например, изображение биологических потребностей человека.

Английский язык. Представители англоязычного интернет-сообщества, как крупнейшего в мире, присутствуют в абсолютном большинстве стран. Как следствие: существенно возрастает количество злободневных тем, реакция на которые находит свое отражение в англоязычных мемах. Основная закономерность, выявленная настоящим исследованием, состоит в следующем: чем крупнее население англоязычной страны и чем больше возможностей выйти с ее территории в глобальную сеть, тем объемнее в англоязычном сегменте (по процентному соотношению) массив интернет-постингов на актуальные для этой страны тематики. На данный момент большая часть освещаемых в англоязычном сегменте тем имеет прямое отношение к происходящим с США событиям: «президентство Джо Байдена» (190 650 вхождений в БД), «изобретения Илона Маска» (187 340 вхождений в БД) и «долларовая инфляция» (150 210 вхождений в БД).

Немецкий язык. Немецкоязычное интернет-сообщество является наименьшим из представленных в настоящей работе. Изменения в сферах его интересов происходят медленно в силу проживания большей части носителей языка на ограниченной территории в пределах определенной точки земного шара. Немецкоязычная меметика реагирует преимущественно на внутренние проблемы Германии и Австрии, часть из которых возникает в результате происходящего в непосредственной близости конфликта на Украине. Актуальные для нее темы: «иммиграция иностранцев» (255 740 вхождений в БД), «отопление жилья в осенне-зимний период года» (233 680 вхождений в БД) и «обесценивание валюты Евро» (227 580 вхождений в БД), «трехпартийная коалиция» (195 648 вхождений в БД).

Одной из особенностей использования кода в немецкоязычном сегменте мемов является повышенная эксплицитность. Табуированные темы, неэстетичные изображения физиологических процессов, хода заболеваний и психических расстройств отображены более натуралистично, чем в русском и английском сегментах.

Обилие поликодовых текстов, в которых задействован английский язык, свидетельствует о наличии сложной языковой ситуации в немецкоязычных странах.

Заключение

Картина мира человека обретает свои очертания в зависимости от информационных цифровых потоков, окружающих его как пользователя сети Интернет. Благодаря междисциплинарно-конвергентному герменевтическому подходу появляется возможность наиболее подробно изучить проблему функциональной зависимости между неявным смысловым контентом образцов цифровой мем-коммуникации и его влиянием на изменение картины мира у пользователей Всемирной сети [Потапова, Потапов, 2022а].

Согласно предварительным исследованиям, следует различать два вида токсичности в сетевой коммуникации: открытую и закрытую. Характерным признаком открытой токсичности является наличие обценной лексики в сетевом дискурсе, что наиболее характерно именно для русского языка. С другой стороны, скрытая токсичность с языковой точки зрения не маркируется, а находит

свое отражение в случаях *гейминга* и *гемблинга*. Именно такой тип токсичности соотносится с определенным типом киберугроз, реализуемых в настоящее время в цифровой коммуникации.

Современный цифровой инструментарий предоставляет гибкие возможности по обработке лингвистической информации. Применительно к описанному выше научно-исследовательскому проекту, он позволяет использовать не только стандартные опции программ по формированию и анализу текстовых корпусов, но и проводить аннотирование собранных баз данных, работая с метаданными и подстраиваясь под конкретные исследовательские цели [Потапова, Потапов, 2023; Potapova, Potapov, 2019; Potapova, Potapov, Gorbunov, 2022; Potapova, Potapov, Gorbunov, 2024].

Список литературы

- Потапова Р.К., Потапов В.В., Джунковский А.В. К опыту глубинного аннотирования поликодовых Интернет Big Data: (применительно к Digital Humanities) // Мягкие измерения и вычисления. – 2019. – Т. 22, № 9. – С. 40–43.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Аддитивная трансформация личности в эпоху цифровой коммуникации // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным : сб. науч. трудов / отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. – Москва : ИНИОН РАН, 2022а. – С. 5–27.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2022б. – Т. 81, № 2. – С. 78–91.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82, № 2. – С. 52–62.
- Blackmore S. The Meme Machine. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 288 p.
- Bollier D. The Promise and Peril of Big Data. The Aspen Institute, Washington : DC, 2010. – URL : https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/files/content/docs/pubs/The_Promise_and_Peril_of_Big_Data.pdf
- Deep residual learning for image recognition / He K., Zhang X., Ren S., Sun J. // arXiv preprint. – 2015. – 32 p. – URL : <https://arxiv.org/abs/1512.03385>
- Fattahi M., Moattar M., Forghani Y. Improved cost-sensitive representation of data for solving the imbalanced big data classification problem // Journal of Big Data 9. – 2022. – 60. – URL : <https://journalofbigdata.springeropen.com/articles/10.1186/s40537-022-00617-z#citeas>
- Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep learning. MIT press, 2016. – URL : <https://www.deeplearningbook.org/>
- Gordeev D., Potapov V. Automatic Meme Generation with an Autoregressive Transformer // Social Computing and Social Media: Design, User Experience and Impac :

- HCII 2022 : Lecture Notes in Computer Science / Meiselwitz G. (ed.). – Cham : Springer, 2022. – Vol. 13315. – P. 309–317.
- Krizhevsky A., Sutskever I., Hinton G. Imagenet classification with deep convolutional neural networks // Communications of the ACM. – 2017. – Vol.60, 6. – P. 84–90.
- Mainzer K. Die Berechnung der Welt: Von der Weltformen zu Big Data. – Munich : C.H. Beck, 2014. – 352 p.
- Potapova R., Potapov V. Some elaboration methods for written and spoken multilingual databases // Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 9. Philology. – 2019. – N 3. – P. 71–81.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P. The modern problem of accessibility and complexity of Big Data // Communication and Intelligent Systems : Lecture Notes in Networks and Systems series / Sharma H., Shrivastava V. et al (eds.). – Singapore : Springer, 2022. – Vol. 461. – P. 863–872.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P. On the experience of statistical processing of memes in Big Data // Ninth International Congress of information and Communication Technology : Lecture Notes in Networks and Systems. – Springer Nature, 2024. (в печати)
- Risch J., Krestel R. Toxic comment detection in online discussions // Deep Learning-Based Approaches for Sentiment Analysis. – Singapore : Springer, 2020. – P. 85–109.
- A novel ensemble method for classifying imbalanced data / Sun Zh., Song Q., Zhu X., Heli Sun H., Xu B., Zhou Yu. // Pattern Recognition. – 2015. – 48. – P. 1623–1637.

References

- Potapova R.K., Potapov V.V., Dzhunkovskiy A.V. K opyту glubinnogo annotirovaniya polikodovykh Internet Big Data (primenitel'no k Digital Humanities) [On the experience of polycode Internet Big Data deep annotating: (applied to Digital Humanities)]. *Myagkiye izmereniya i vychisleniya*. 2019. Vol. 22, N 9. P. 40–43. (In Russ.)
- Potapova R.K., Potapov V.V. Additivnaya transformatsiya lichnosti v epokhu tsifrovoy kommunikatsii [Additive transformation of personality in the era of digital communication]. In *Rechevaya kommunikatsiya v setevykh strukturakh: mezhdu global'nyim i lokal'nyim. Sb. nauch. trudov* [Speech communication in network structures: between the global and the local. Collected papers]. Moscow: INION RAN, 2022a. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Potapova R.K., Potapov V.V. Internet-memetika kak emotsiogennaya sreda setevoy kommunikatsii [Internet-mimetics as emotional environment of network communication]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Ser. Literature and Language]. 2022b. Vol. 81, N 2. P. 78–91. (In Russ.)
- Potapova R.K., Potapov V.V. Ob emotsional'no okrashennoy rechi internet-pol'zovately [On emotionally “coloured” language of Internet users]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Ser. Literature and Language]. 2023. Vol. 82, N 2. P. 52–62. (In Russ.)
- Blackmore S. *The Meme Machine*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 288 p.

- Bollier D. *The Promise and Peril of Big Data*. The Aspen Institute, Washington : DC, 2010. – URL: https://www.aspeninstitute.org/wp-content/uploads/files/content/docs/pubs/The_Promise_and_Peril_of_Big_Data.pdf
- Deep residual learning for image recognition. *arXiv preprint*. 2015. 32 p. URL: <https://arxiv.org/abs/1512.03385>
- Fattahi M., Moattar M., Forghani Y. Improved cost-sensitive representation of data for solving the imbalanced big data classification problem. *Journal of Big Data* 9. – 2022. – 60. – URL: <https://journalofbigdata.springeropen.com/articles/10.1186/s40537-022-00617-z#citeas>
- Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep learning. *MIT press*, 2016. – URL: <https://www.deeplearningbook.org/>
- Gordeev D., Potapov V. Automatic Meme Generation with an Autoregressive Transformer. *Social Computing and Social Media: Design, User Experience and Impac: HCII 2022: Lecture Notes in Computer Science*. Cham: Springer, 2022. Vol. 13315. P. 309–317.
- Krizhevsky A., Sutskever I., Hinton G. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. *Communications of the ACM*. 2017. Vol. 60, N 6. P. 84–90.
- Mainzer K. *Die Berechnung der Welt: Von der Weltformen zu Big Data*. Munich: C.H. Beck, 2014. 352 p.
- Potapova R., Potapov V. Some elaboration methods for written and spoken multilingual databases. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 9: Philology*. 2019. N 3. P. 71–81.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P. The modern problem of accessibility and complexity of Big Data. In *Communication and Intelligent Systems: Lecture Notes in Networks and Systems series*. Singapore: Springer, 2022. Vol. 461. Pp. 863–872.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P. On the experience of statistical processing of memes in Big Data. In *Ninth International Congress of information and Communication Technology: Lecture Notes in Networks and Systems*. Nature (Springer), 2024. (in print).
- Risch J., Krestel R. Toxic comment detection in online discussions. In *Deep Learning-Based Approaches for Sentiment Analysis*. Singapore: Springer, 2020. P. 85–109.
- A novel ensemble method for classifying imbalanced data. *Pattern Recognition*. 2015. N 48. P. 1623–1637.

Имбер С.Ю., Томская М.В.¹

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТИ GPT-4 В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЭМОТИВНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются преимущества и недостатки применения нейросетей, в частности GPT-4, в качестве инструмента анализа в лингвистическом исследовании. В качестве материала исследования послужили посты в социальных сетях как эмотивные тексты. Предпринимается попытка определить уровень чувствительности GPT-4 к выявлению эмоциональности и эмотивности текста. Делается вывод о том, что в лингвистических исследованиях применять нейросети в качестве полноценного метода анализа пока преждевременно, можно использовать их как вспомогательный инструмент, особенно для анализа больших текстовых массивов, а также как один из методов самоконтроля и повышения валидности результатов.

Ключевые слова: эмотивность; эмоциональность; эмотивный текст; нейросеть GPT-4; языковая модель.

Для цитирования: Имбер С. Ю., Томская М. В. Возможность применения нейросети GPT-4 в лингвистическом исследовании: на примере анализа эмотивных текстов // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4 – С. 126–138. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.07

---

¹ © Имбер С.Ю., Томская М.В., 2024

Имбер Славяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права, ИМПП, Московский государственный лингвистический университет; yanaimber@yandex.ru

Томская Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. лабораторией гендерных исследований Центра СкоДис; доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права, ИМПП, Московский государственный лингвистический университет; maria.tomskaya@mail.ru

IMBER S. YU., TOMSKAYA M. V.¹
USING THE GPT-4 IN LINGUISTIC RESEARCH: BASED
ON THE ANALYSIS OF EMOTIVE TEXTS

Abstract. The article considers the advantages and disadvantages of using neural networks, in particular GPT-4, as an analysis tool in linguistic research. The research material was posts on social networks as emotive texts. An attempt is made to determine the level of sensitivity of GPT-4 to detect the emotionality and emotivity of a text. It is concluded that in linguistic research it is still premature to use neural networks as a full-fledged method of analysis; they can be used as an auxiliary tool, especially for analyzing large text arrays, as well as one of the methods of self-control and increasing the validity of the results.

Keywords: emotivity, emotionality, emotive text, neural network GPT-4, language model.

For citation: Imber S.Yu., Tomskaya M.V. Using the GPT-4 in linguistic research : based on the analysis of emotive texts. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 126–138. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.07

Введение

В настоящее время искусственный интеллект (AI – Artificial Intelligence) является темой большого количества обсуждений как в научной, так и в повседневной среде. Ученые из разных областей знания предпринимают попытки по внедрению AI в исследования, наблюдают за его взаимодействием с традиционными методами анализа, рассматривают преимущества и недостатки. Кроме того, нельзя преуменьшать влияние технологий AI на ведение бизнеса и генерирование для него новых идей и решений [How Generative AI..., 2023].

---

¹ © Imber S.Yu., Tomskaya M.V., 2024

Imber Slavyana Yur'evna – Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University; yanaimber@yandex.ru

Tomskaya Maria Viktorovna – PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Gender Laboratory of the Center for Socio-Cognitive Discourse Studies; Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University; maria.tomskaya@mail.ru

В качестве инструмента для нашего исследования мы использовали новую языковую модель – GPT-4, выпущенную компанией OpenAI в марте 2023 года¹. В отличие от предыдущей версии GPT-3.5, последняя разработка компании отличается большей надежностью, креативностью, способностью справляться с детальными инструкциями. Отметим, что «родным» языком GPT является английский, на котором написаны все задачи, решаемые моделями в процессе обучения. Почти все «усваиваемые» для тренировки материалы также были написаны на английском языке. Однако GPT-4 продемонстрировала более высокий уровень владения другими 24 языками (в том числе редкими) по сравнению со своей предшественницей. Немецкий язык входит в топ-5 языков, по которым новая языковая модель показала хорошие результаты. В этой связи мы решили проанализировать немецкоязычные публикации пользователей Reddit на предмет выявления их эмотивности с помощью GPT-4.

Целью данной статьи является выявление преимуществ и недостатков применения GPT-4 в лингвистическом исследовании, в частности для анализа эмотивных текстов. Помимо этого, предпринимается попытка определить уровень восприимчивости и чувствительности GPT-4 при выявлении эмоциональности и эмотивности текста.

Исследование эмотивности лингвистическими методами

Изучению эмоций и их выражения языковыми средствами посвящено достаточно работ, многие из которых созданы в междисциплинарном русле. Лингвистика эмоций, теории и концепции которой легли в основу большинства языковедческих исследований эмоций (см. труды Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, М.Д. Городниковой, Н.А. Красавского, В.И. Шаховского и др.), сформировалась на стыке традиционного языкознания и психологии.

В русле структурного языкознания перед лингвистикой эмоций стояла задача исследования субъективных компонентов значения единиц языка, формирования и структурирования знаний об эмотивном коде языка. В прагмалингвистической и коммуникативно-деятельностной парадигмах эмоциональность, будучи обязательным

---

¹ <https://openai.com/research/gpt-4> (дата обращения: 26.03.2024).

свойством человека, изучалась как важное качество процесса речевой деятельности и коммуникации, регулирующее основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказывания. В лингвокогнитивном русле рассматриваются процессы вербализации эмоций, выявляющие основные механизмы функционирования человеческого мышления, поскольку они, как мотивирующая основа познавательной деятельности человека, составляют существенную часть его когнитивной системы. Также в лингвокультурологии нашли применение положения лингвистики эмоций, в частности об универсальности эмоций, их интегральном характере, национально-культурной специфике их выражения в разных языках [Язык и эмоции, 2004].

Разработкой лингвистической теории эмотивности занимались прежде всего представители волгоградской школы эмотиологии – профессор В.И. Шаховский и его ученики [Шаховский, 2008]. Они же одними из первых обосновали необходимость разграничения смежных понятий «эмоциональность» и «эмотивность». Так, они предложили под эмотивностью понимать свойство языковых единиц выражать эмоции, тогда как эмоциональность, по их мнению, характеризует свойство человеческой психики и не применима в отношении единиц языка. Эта точка зрения наиболее распространена при исследовании и сопоставлении названных явлений. Например, Е.В. Сажина и Д.С. Семак в публикации, посвященной разграничению этих понятий, определяют эмоциональность «как психическую характеристику личности, участвующую в процессе коммуникации, а эмотивность – как совокупность любых языковых средств отображения эмоций и эмоциональных характеристик языковой личности, которая позволяет осуществлять эмоциональную коммуникацию» [Сажина, Семак, 2019, с. 568]. Что касается текстового уровня, то эмоциональность текста следует рассматривать, по мнению отдельных авторов, как качество языковой личности автора текста, отражающейся в самом тексте, тогда как эмотивность текста – как его имманентную характеристику выражать системой своих средств эмоциональность, как факт психики [Ионова, 1998].

С течением времени разграничение эмоциональности и эмотивности отошло от тривиального противопоставления психологического и языковедческого и перетекло постепенно в лингвистическое русло. Так, в одной из своих более поздних работ В.И. Шаховский ин-

терпретирует эти понятия через призму воздействующего потенциала и поясняет, что высказывание эмоционально, если оно спонтанно, незапланированно и демонстрирует эмоции субъекта как проявление его внутренних эмоциональных состояний без цели воздействия на адресата. Высказывание является эмотивным, если оно преднамеренно, осознанно и используется со стратегической целью воздействовать на адресата, то есть говорящий целенаправленно прибегает к специальной лексике, синтаксису и интонации, чтобы повлиять на восприятие коммуникантом ситуации [Шаховский, 2009].

Заслугой В.И. Шаховского можно считать также ввод в обиход понятия «эмотивная сема» или «эмосема» – «специфического вида семантических микрокомпонентов, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмотивность» и семных конкретизаторов (например, «любовь», «презрение», «уничуждение» и др.)» [Шаховский, 1994, с. 20]. Важным является то, что количество возможных эмотивных сем стремится к бесконечности, и они могут затрагивать как глубинный, так и контекстуальный уровень любого высказывания, в том числе текста. В этой связи изучение эмотивности текста с точки зрения его воздействующего потенциала представляется весьма актуальным. В качестве материала исследования как нельзя подходят посты в социальных сетях, становящиеся все более распространенными и заменяющие порой другие источники информации, – они являются, как правило, эмотивными, а значит, обладают воздействующей функцией. Мы привлекли в качестве инструмента анализа нейросеть GPT-4 для проверки возможностей ее применения в будущем при проведении лингвистических исследований.

Применение GPT-4 для анализа эмотивного текста

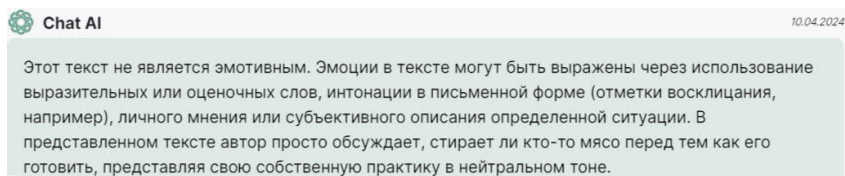
В рамках данного исследования мы предложили языковой модели несколько немецкоязычных «постов» из форума Reddit на разные темы: от затрагивающих глубинные проблемы человеческих взаимоотношений до описывающих неполадки в работе бытовой техники. Объединяющей особенностью выбранных публикаций является запрос автора на получение помощи, комментария или совета от пользовательской аудитории. Далее с помощью определенного

набора вопросов и инструкций мы получили от GPT-4 информацию об эмотивных средствах в текстах постов.

Нами был выбран следующий алгоритм постановки вопросов GPT-4. Вначале необходимо убедиться в том, что нейросеть считает предложенную ей публикацию эмотивной. В связи с этим мы сформулировали следующий запрос: «Можно ли назвать этот текст эмотивным и почему? *текст*». В случае, если ответ положительный, работа над текстом продолжается. Затем мы конкретизировали запрос с целью выяснить, что именно заставило AI считать «пост» эмотивным: «Что заставило прийти к выводу, что данный текст эмотивен?». Следующие два запроса также направлены на выявление других, возможно, имплицитно выраженных признаков эмоциональности: «Какие еще признаки эмоциональности наблюдаются в этом тексте?», «Продолжай». Отметим, что GPT-4 предлагает пользователям «подсказки» и наводящие вопросы, которые стимулируют диалог между пользователем и AI. Далее, воспользовавшись вопросом-подсказкой, мы предложили определить доминирующую, по мнению нейросети, эмоцию данной публикации: «Какая эмоция, на ваш взгляд, доминирует в этом тексте?».

В качестве проверки мы предложили языковой модели проанализировать публикацию, отличающуюся крайне низкой степенью эмоциональности:

“Fleisch waschen? Oder doch nicht? Hi, würde gern wissen ob ihr euer Fleisch vor dem braten oder marinieren wascht. Frisches vom Metzger, sei es Rind, Lamm oder Hühnchen. Ich selber Wäsche es kurz ab und tupfen es trocken.”¹ Нами был получен следующий ответ GPT-4:

Таким образом, мы видим, что при поиске эмотивности в тексте модель опирается на пунктуационные, синтаксические, лексиче-

---

¹ https://www.reddit.com/r/Kochen/comments/1b3zr3kg/fleisch_waschen_oder_doch_nicht/ – все примеры приводятся в авторской редакции.

ские признаки, а также производит анализ оценочности предложенных суждений. Так как данные элементы не нашли выражения в «посте», GPT-4 ранжировала его как неэмотивный, нейтральный. Поскольку нейросеть не проводит различия между понятиями «эмоциональный» и «эмотивный», то можно считать, что она справилась с данной задачей – текст не является эмоциональным. Однако анализируемый текст нельзя назвать совсем неэмотивным, поскольку очевидно, что автор имеет цель воздействовать на адресатов и заставить их реагировать на данный пост и вполне возможно эмоционально. Кроме того, нейросеть не совсем точно переводит лексику *waschen* в данном контексте – как «стирать», а не «мыть» мясо.

В качестве показательного примера эмоционального и одновременно эмотивного текста нами была выбрана публикация¹, отражающая ярко выраженные эмоциональные моменты и являющаяся также эмоциогенной, то есть вызывающей ту или иную эмоциональную реакцию.

Mein Familien- und Freundeskreis ist unnötig geizig

Ich ärgere mich oft im Alltag mit Freunden und Familie, da diese meiner Meinung nach unnötig geizig sind. Die Eltern meines Freundes z.B. verdienen mehr als 20.000€ im Monat, aber gönnen sich nicht die Butter aufs Brot. Es entstand im Urlaub mal ein richtiger Streit weil die Mutter sich nen zweiten Aperol bestellt hatte. Zu Weihnachten bringen mein Freund und ich immer Wein und Getränke mit, da es sonst nur Discounterware gibt. Auch meine Freunde geben kaum Geld für irgendetwas aus, nehmen im Restaurant nur eine Vorspeise und ein Glas Wasser. Mir ist das so unangenehm, wenn ich als diejenige mit dem kleinsten Einkommen am meisten Trinkgeld gebe. Ich würde sagen, dass ich Normalverdiener bin, mir aber richtig schlecht vorkomme, mir irgendetwas zu kaufen, auch wenn ich darauf gespart habe. Da es gleich Vorwürfe gibt, dass ich ja protzig wäre oder sinnlos Geld rauswerfen würde (für ganz normale Einkäufe). Diese Vorwürfe kommen dann z.B. von meinen Schwiegereltern. Ich habe aber momentan nichts auf das ich sparen möchte und das Geld wird auch nicht mehr wert, wenn es auf dem Konto liegt. Wie kann ich da besser reagieren? Ich möchte nicht unter meinen Verhältnissen leben, nur weil andere mich dafür verurteilen.

Отметим, что для описания своего состояния автор обращается к эмотивным единицам с глубинными (“*ärgere mich*”, “*so unangenehm*”) и контекстуальными эмосемами (“*gönnen sich nicht die Butter aufs Brot*”, “*protzig*”). Также текст отличается наличием достаточного количества потенциально эмотивных лексем, содержащих негативную оценку ситуации (“*sinnlos*”, “*Vorwürfe*” и др.).

На вопрос алгоритма «Можно ли назвать этот текст эмотивным и почему?» нейросеть GPT-4 ответила утвердительно:

---

¹ https://www.reddit.com/r/Ratschlag/comments/1c4235f/mein_familien_und_freundeskreis_ist_unn%C3%B6tig_geizig/

 Chat AI

16.04.2024

Да, этот текст явно содержит эмоциональные элементы. Автор выражает насущные чувства раздражения и обеспокоенности из-за уровня жесткости в экономике, который, по ее мнению, ненужно демонстрируют её друзья и семья. Этот уровень экономики вызывает у нее чувство дискомфорта и понижения самооценки, особенно когда она чувствует, что ее осуждают за ее траты. Также автор испытывает смущение и расстройство, когда замечает, что она обычно оставляет больше чаевых, несмотря на то, что у неё самый низкий доход среди ее друзей и семьи.

При ответе на вопрос языковая модель предлагает именно вывод, очерчивая чувства, испытываемые автором, и их причины. Обратим внимание на то, что GPT-4 «подбирает» соответствующую вербальную номинацию для эмоций, описанных в публикации. В публикации автор эксплицитно указывает на злость, чувство недовольства и вины, в то время как языковая модель отмечает более широкий спектр: раздражение, обеспокоенность, смущение, расстройство.

Следующий вопрос алгоритма должен помочь понять «аргументы» GPT-4: «Что заставило прийти к выводу, что данный текст эмотивен?»

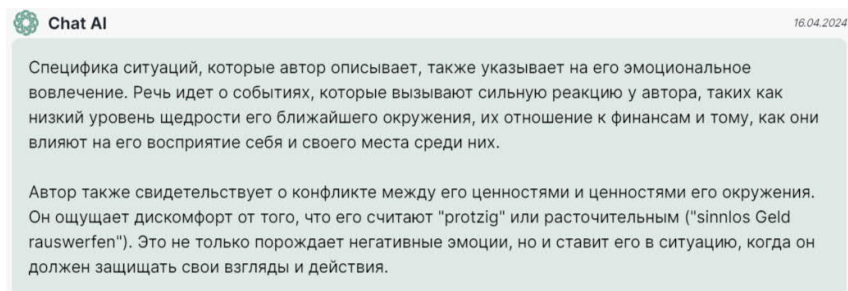
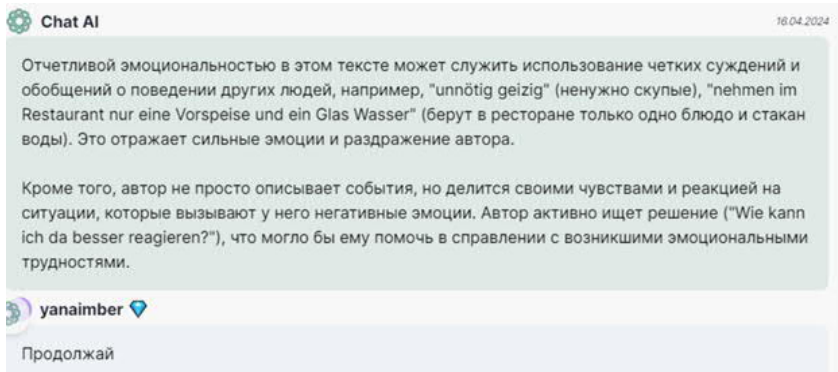
 Chat AI

16.04.2024

В этом тексте автор открыто выражает свои чувства и реакции на определенные ситуации. Он использует слова, такие как "ärgere" (раздражается), "unnötig geizig" (ненужно скупые), "unangenehm" (некомфортно), что является признаком эмоциональности. Эмоциональность также проявляется в том, что автор делится своими переживаниями и чувствами в контексте своих социальных взаимодействий. Дополнительно, автор выражает свои беспокойства и неудовлетворенность, которые являются доминирующими эмоциями в тексте.

Как мы предполагали выше, первостепенные признаки, на которые обратила внимание языковая модель, являются эмотивными словами с глубинными эмосемами, а также лексемами с оценочным предикатом «плохо». Кроме того, GPT-4 указывает на наличие у автора следующих негативных эмоциональных состояний – беспокойства и неудовлетворенности, считая их доминирующими эмоциями в тексте.

Перейдем к следующим шагам нашего алгоритма, а именно к вопросу «Какие еще признаки эмоциональности есть в этом тексте?» и команде «Продолжай».

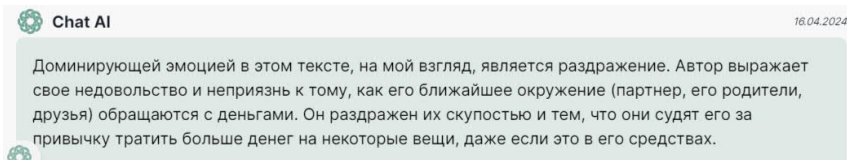

Вышеприведенные ответы демонстрируют понимание GPT-4 контекстных эмосем. Например, в высказывании автора о том, что ее друзья заказывают в ресторане только одно блюдо и напиток, языковая модель зафиксировала эмоциональный аспект. Данная фраза является обоснованием к ранее приведенному утверждению пользовательницы о том, что все из ее окружения являются слишком скупыми. Кроме лексических эмотивов, GPT-4 обратила внимание на просьбу о помощи и совете, выраженную посредством вопросительного предложения.

Обратим внимание, что после команды «Продолжай» языковая модель сделала вывод об общем эмоциональном состоянии автора без отсылок на непосредственно вербальные признаки. Далее GPT-4 вновь продемонстрировала понимание контекста ситуации и способность видеть картину в целом. Например, автор не говорит напрямую о том, что вынуждена отстаивать свою точку зрения на распределе-

ние финансов, но при этом она пытается оправдать свое поведение, приводя два аргумента (“nichts auf das ich sparen möchte”, “das Geld wird auch nicht mehr wert, wenn...”). Помимо этого, GPT-4 обнаруживает способность к обобщению, в частности называет проблему, которая затрагивается в публикации: конфликт ценностей.

Перейдем к очередному вопросу нашего алгоритма «Какая эмоция, на ваш взгляд, доминирует в этом тексте?»

GPT-4 дает прямой и однозначный ответ, называя одну доминирующую эмоцию – раздражение, а также обосновывает мнение, приводя примеры из текста («судят за привычку тратить больше денег»). Однако обратим внимание на неточность, допущенную языковой моделью: программа утверждала до этого, что доминирующими эмоциями в тексте являются беспокойство и неудовлетворенность, при этом утверждение не было никак обосновано.

Ряд вопросов может быть дополнен и расширен, насколько может хватить фантазии задающему вопросы, однако вероятность появления некоторых неточностей и расхождений на данном этапе развития языковой модели будет, вероятно, повышаться. В любом случае нейросеть самообучаема, и чем чаще к ней будут обращаться с исследовательскими запросами, тем скорее она преодолет те недочеты, которые имеют место на текущий момент.

Заключение

Таким образом, при анализе публикации на предмет эмотивности с помощью GPT-4 проявились как положительные, так и отрицательные аспекты. Несомненным плюсом является скорость обработки текстов языковой моделью. В то время, как человек только прочтет публикацию, программа успеет проанализировать ее и выдать ответ. Также GPT-4 демонстрирует впечатляющие способности к пониманию контекстуальной эмотивности, а также к обобщению

полученной информации. Кроме того, языковая модель во многих случаях дает обоснования выводам, приводя в скобках примеры из текста публикации. Отметим отсутствие у GPT-4 в целом проблем с пониманием немецкоязычного текста и с формулировкой ответов на русском языке.

К негативным сторонам анализа текстов с помощью языковой модели мы можем отнести слишком высокую степень обобщения, предлагаемую программой в ряде случаев. В некоторых случаях эмоции, на которые указывает GPT-4, не подкреплены соответствующими примерами из текста. Отметим, что подобная ситуация считается недопустимой при проведении лингвистического анализа. Исследователь будет, скорее, руководствоваться здравым смыслом и собственным опытом, но все же выводы, сделанные на основании непосредственных фактов из текста, являются первостепенными. Мы предполагаем, что некоторые неточности, допущенные GPT-4, могут являться следствием тенденции к обобщению информации и ее оптимизации. Обратим внимание также на отсутствие в ответах программы лингвистической терминологии, относящейся к обсуждаемой теме и на неумение пока разграничивать смежные понятия.

Полученные результаты демонстрируют, что лингвист может применять нейросети, в частности GPT-4, пока как вспомогательный инструмент, особенно для анализа больших текстовых массивов, а также как один из методов самоконтроля и повышения валидности результатов. На сегодняшний день ответы языковой модели нельзя назвать абсолютно достоверными, они требуют критического подхода: от переформулировки ответов программы с использованием лингвистической терминологии до контроля и проверки фактической информации.

Список литературы

- Ионова С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград : ВГПУ, 1998. – 197 с.
- Сажина Е.В., Семак Д.С.* «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 565–568. – DOI 10.24411/2409-3203-2019-12119
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
- Шаховский В.И.* Типы языковых значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. – 1994. – №1. – С. 20–25.

- Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29–42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-kak-obekt-issledovaniya-v-lingvistike> (дата обращения: 18.05.2024).
- Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности : сб. науч. трудов / ВГПУ. – Волгоград : Изд-во ЦОП «Центр», 2004. – 248 с.
- How Generative AI Can Augment Human Creativity: Use it to promote divergent thinking / Eapen T.T., Finkenstadt D.J., Folk J., Venkataswamy L. // *Harvard Business Review*. – 2023. – 101(4). – P. 56–64. – URL: <https://hbr.org/2023/07/how-generative-ai-can-augment-human-creativity>. (дата обращения: 16.04.2024).

References

- Ionova S.V. *Emotivnost' teksta kak lingvisticheskaya problema*: dis. ... kand. filol. nauk [Emotivity of the text as a linguistic problem] : PhD in Philology. Volgograd: VGPU, 1998. 197 p. (In Russian)
- Sazhina E.V., Semak D.S. “Emotsional'nost'” i “emotivnost'” v lingvistike: k razgranicheniyu ponyatii [“Emotionality” and “emotivity” in linguistics: to the differentiation of concepts]. *Era of science*. 2019. N 20. P. 565–568. DOI 10.24411/2409-3203-2019-12119 (In Russian)
- Shakhovskii V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsij* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p. (In Russian)
- Shakhovskii V.I. Tipy yazykovykh znachenij emotivnoj leksiki [Types of linguistic meanings of emotive vocabulary]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1994. N 1. P. 20–25. (In Russian)
- Shakhovskii V.I. Emotsii kak objekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an object of study in linguistics]. *Voprosy psicholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 2009. N 9. P. 29–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-kak-obekt-issledovaniya-v-lingvistike> (In Russian)
- Yazyk i emotsii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoj deyatel'nosti*: sb. nauch. trudov [Emotions and Language: Personal Meanings and Dominants in Speech Activity]: the digest of scientific papers. Volgograd: Izd-vo TsOP “Tsentr”, 2004. 248 p. (In Russian)
- How Generative AI Can Augment Human Creativity: Use it to promote divergent thinking. *Harvard Business Review*. 2023. N 101(4). P. 56–64. URL: <https://hbr.org/2023/07/how-generative-ai-can-augment-human-creativity>.

Моисеева А.В.¹

ВТОРИЧНЫЕ ТЕКСТЫ КАК НОСИТЕЛИ СМЫСЛА И СОДЕРЖАНИЯ: НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА-КОММЕНТАРИЯ МЕССЕНДЖЕРА ТЕЛЕГРАМ

Аннотация. В статье рассматриваются реакции-комментарии пользователей мессенджера Телеграм как вторичные тексты, представляющие собой экспликацию проекции текста и ее фиксацию материальными средствами, согласно концепции А.И. Новикова. Анализ типов реакций показывает, что процесс восприятия текстов, принадлежащих интернет-жанру комментариев, сопровождается тремя основными стратегиями – вывод, генерализация, прогноз, где смысловые типы (по А.И. Новикову) преобладают над содержательными типами реакций. Сетевая коммуникация, помимо главной функции – информирования, характеризуется установкой на манипуляцию позицией собеседника. Наиболее эффективным способом решения этой задачи является дискредитация оппонента, коллективное эмоциональное неприятие или игнорирование его суждений, что демонстрирует проведенный анализ.

Ключевые слова: вторичный текст; комментарий как текст; понимание; встречный текст; интернет-коммуникация; проекция текста.

Для цитирования: Моисеева А.В. Вторичные тексты как носители смысла и содержания: на примере текста-комментария мессенджера Телеграм // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 139–150. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.08

---

¹ © Моисеева А.В., 2024

Моисеева Ангелина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий; mo_link@mail.ru

MOISEEVA A.V.¹

**SECONDARY TEXTS AS CARRIERS OF MEANING AND CONTENT
(USING THE EXAMPLE OF A COMMENT TEXT IN THE TELEGRAM MESSENGER)**

Abstract. The article examines the reactions and comments of users of the Telegram messenger as secondary texts, which represent an explication of the projection of the text and its fixation by material means, according to A.I. Novikov's concept. Analysis of the reactions types shows that the process of perceiving texts belonging to the Internet genre of commentary is accompanied by three main strategies – conclusion, generalization, forecast, where semantic types (according to A.I. Novikov) prevail over substantive types of reactions. Network communication, in addition to its main function of informing, is characterized by an attitude toward manipulating the interlocutor position. The most effective way to solve this problem is discrediting the opponent, collective emotional denial or ignoring his judgments, as demonstrated by the analysis.

Keywords: secondary text; perception: counter text; Internet communication; comment text; text projection.

For citation: Moiseeva A.V. Secondary texts as carriers of meaning and content (using the example of a comment text in the Telegram messenger). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 139–150. DOI: 10.31249/ling/2024.04.08

Введение

Изучение вторичных текстов как носителей смысла и содержания привлекает научное внимание исследователей, рассматривающих их в качестве продукта речевой деятельности. Этот интерес коррелирует с общей тенденцией изучения различных аспектов функционирования человека в естественной и социокультурной среде. В настоящее время концепция вторичности текста занимает важное положение в теории формирования текстовых структур.

Термин «вторичный текст» был введен в научный обиход М.В. Вербицкой применительно к пародиям, стилизациям, перифра-

---

¹ © Moiseeva A.V., 2024

Moiseeva Angelina Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Natural Faculties of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology; mo_link@mail.ru

зам, являющимся имитационными текстами [Вербицкая, 2000]. Однако за последние пару десятилетий данное понятие заметно расширило свои границы, и в круг изучения были включены тексты переводов, рефераты, аннотации, резюме, рецензии и критические обзоры [Бабина, 1999, с. 16]. Анализ работ, посвященных проблеме вторичного текста, показывает, на наш взгляд, что в действительности термин «вторичные тексты» значительно шире термина «имитационные тексты» и может быть употреблён по отношению к любому тексту, обладающему определённым прототипом или первичным текстом.

Считается, что вторичный текст – это продукт трансформации комплекса языковых единиц, сопровождающейся изменением внешнего оформления, но сохраняющей смысловое содержание, вследствие переформулирования изначального текста с изменённым уровнем сокращения. Рассматривая соотношение между первичным и вторичным текстами согласно структуре, содержанию и назначению, можно установить степень связности – от нулевой (комментарии пользователей сети) до ярко выраженной (реферирование научных статей). Отмечается, что изучение вторичного текста нельзя проводить без учета психолингвистических категорий (времени, места, условий общения, психоэмоционального состояния коммуникантов), условий, создающих окружающую реальность и оказывающих непосредственное воздействие на результат, а также инициирующих само производство такого текста [Мурзин, 1982].

Исследователи, изучающие производные тексты, характеризуют их как продукт процесса перемещения текста-оригинала в другую среду социального взаимодействия, отличающуюся особыми прагматическими целями и установками, трансформацией коммуникантов, ценностной ориентации, переходом от одной социокультурной сферы к другой [Майданова, 1994; Первухина, 2012]. Следовательно, важным условием порождения вторичного текста являются контекстуальные трансформации вне языкового аспекта, коммуникативно-прагматические интенции адресанта, его формально-личностные черты, а также внешние социальные факторы, воздействующие на него.

Основная часть

Изучение вторичного текста с позиции языковой личности дает возможность утверждать, что текстовые свойства с точки зрения структуры и содержания в большей степени определяются уникальностью языкового сознания каждого человека, которое подчеркивает их субъективную природу, исходя из психолингвистического основания каждого индивидуального представления. При этом выявленная уникальность творческого потенциала индивида позволяет ему придавать оригинальные черты и особенности создаваемому произведению, в то время как стереотипные элементы могут отражать более общие характеристики литературного наследия и влияния окружающей среды.

На основе классификации жанров интернет-коммуникации Л.С. Патрушевой, разработанной на базе коммуникативно-дискурсивного подхода и основанной на форме взаимодействия участников, интернет-жанр «комментарий» можно охарактеризовать по следующим параметрам. Комментарий представляет собой: полилогический жанр с возможностью неограниченного количества участников коммуникации; асинхронный жанр общения, так как запись, к которой комментарий может относиться, находится в поле зрения пользователей сайта от нескольких часов до нескольких дней, затем она теряет актуальность и «скатывается» в нижнюю часть ленты, но возможность комментирования записи остается; исконно сетевой жанр, благодаря фиксированным особенностям, обусловленным виртуальной средой [Патрушева, 2015].

По структурно-композиционным характеристикам интернет-комментарий характеризуется полилогической формой организации речевого взаимодействия участников коммуникации. Полилоговая жанровая форма подразумевает наличие особых видов адресации. Как в полилоге, в интернет-комментариях реализуется аксиальная (прямая и формальная, направленная к одному участнику) и ретигальная (коллективная, направленная к нескольким участникам) адресация [Патрушева, 2015; Яковлева, 2007]. Следует отметить, что в интернет-комментариях чаще встречается адресация, направленная к одному участнику, то есть аксиальная адресация. Интернет-комментарий является вторичным к исходному тексту и является реакцией на какое-либо сообщение. У интернет-комментария

исходным стимулом является любой веб-контент, в качестве которого могут выступать статья, аудио, видео, изображение.

Интернет-комментарий представляет собой небольшое речевое произведение, в первую очередь, оценочного характера. Коммуникативная цель интернет-комментария – оценивание фактов, предоставление и обсуждение информации, выражение личного отношения, получение информации в ответ. Согласно целям высказывания, интернет-комментарии подразделяются на отражающие интенцию к самовыражению и на отстаивающие индивидуальные позиции относительно различных действий автора сообщения [Сидорова, 2014].

Комментарий представляет собой продукт модификации первичного текста, отражающий реакцию на прочитанное, т.е., в конечном итоге, является следствием протекания процессов восприятия и понимания текста-источника. Комментарий как интернет-жанр представляет собой тип вторичного текста, раскрывающий «проекцию текста», а также закрепляющий ее «материальными средствами» [Новиков, 2007, с. 83]. Проекцией текста, согласно А.И. Новикову, называют «ментальное образование, продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [Новиков, 2007, с. 83].

Личностные стратегии восприятия информации, реализуемые посредством реакций-комментариев, рассматриваются как проявление особенного ощущения и понимания произведения. А.И. Новиков определил «встречный текст» как информацию, возникающую в сознании адресата в результате понимания очередного предложения, которая включает в себя то, что содержится, и то, что подразумевается в тексте [Новиков, 2003]. Согласно теории А.И. Новикова, реакции или «встречные тексты» могут быть разделены на два типа: содержательные (связанные с содержанием текста) и смысловые (выражающие отношение читателя к тексту). К реакциям, отражающим содержание текста, автор относит: перифразирование, перевод, ассоциацию, вывод, предположение, ориентировку, аргументацию и прогноз. Виды реакций, способствующие формированию «эмоционально-аксиологического поля», являющиеся проявлением интенции и установок реципиента, характеризуются как смысловые. Данный тип реакций не просто способствует формированию адекватного отражения содержания

текста в сознании адресата, но и обогащает, и повышает аксиологическую ценность новообразования [Новиков, 2003, с. 69].

Анализируя характер и взаимоотношения смыслового и содержательного компонентов с точки зрения психолингвистики текста, А.И. Новиков предположил, что любой текстовый материал обладает некоторым смыслом и отражает определенное содержание, суть которых различна. Процессы внутреннего и внешнего оформления речевого высказывания, обработки информации, схемы работы человеческого сознания, задействованные при описании смысла и содержания, отличны, несмотря на то, что оба процесса относятся к области понимания: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте» [Новиков, 2007, с. 143]. Фрагменты объективной реальности представлены элементами содержания, а авторский «посыл» передается посредством смысловой наполненности. Смысл рассматривается исследователем как «экспликация замысла автора, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» [Новиков, 2007, с. 143].

Следовательно, типы реакций, охарактеризованные как смысловые, можно рассматривать как стремление реципиента текстовой информации вычленить и зафиксировать частную уникальную интерпретацию, сопровождающую процесс восприятия текста. Таким образом, число смысловых интерпретаций может соответствовать числу воспринимаемых текст индивидуумов. Можно говорить о том, что смысл уникален и персонифицирован, тогда как содержание универсально и постоянно для всех получателей.

В рамках данной статьи был проведен анализ реакций-комментариев пользователей русскоязычной сети Телеграм, размещенных на ресурсе «БашДТП», который первоначально был создан для обсуждения дорожно-транспортных происшествий в городе Уфа, но впоследствии стал площадкой для обсуждения различных культурных, политических и социальных событий в республике Башкортостан. Общение на данной онлайн-площадке носит полилогический характер, изначально заявленная автором тема подвергается расщеплению на так называемые «ветки», поскольку пользователи реагируют на конкретные стимулы-комментарии

других участников, что приводит к отклонению от первоначальной заявленной темы дискуссии. В исследовании В.В. Васильевой и В.А. Салимовского отмечается, что реакции пользователей могут носить ассоциативный характер, выхватывая и акцентируя случайные второстепенные элементы, оставляя без внимания основное содержание [Васильева, Салимовский, 2011]. Это может привести к потере логической связи между идеей автора и реакциями-ответами адресатов.

В контексте устного общения участники стремятся передать индивидуальное понимание (смысл) адресату через примеры и аргументацию при условии их заинтересованности в общении, в то время как пользователи Интернета чаще выражают свои эмоции в комментариях, отражающих отношение к событиям и людям, что также является проявлением их индивидуальных смыслов [Титлова, 2021]. Например, в комментариях пользователей БашДТП к сообщению о высказывании рок-музыканта В. Кипелова в ответ на слова Ю. Шевчука относительно содержания понятия «Родина» наблюдается преобладание эмоционально-оценочного компонента (орфография и пунктуация авторов сохранены): 1) *Бред бешеной медузы* (оценка); 2) *Еше один кусок идиота* (оценка); 3) *Помолчи, жертва пьяной акушерки!* (оценка); 4) *Клизма! Знай свое место!* (оценка); 5) *Ты просто узкоумен* (оценка); 6) *Одноклеточный пробирочный имбицил* (оценка).

Одна из главных особенностей сетевой коммуникации – анонимность – приводит не только к раскрепощенности в общении, но и к пренебрежению социальными нормами, о чем свидетельствуют многочисленные примеры нарушения норм этики. Отсутствие тактичности по отношению к собеседнику способствует выделению еще одной отличительной черты интернет-коммуникации – инвективизации лексических средств [Моисеева, 2021]. Анализ языковых средств, с помощью которых происходит общение в виртуальной реальности, позволяет отметить усиление коллективных настроений, высокую степень эмоциогенности, ярких, категоричных оценок и манипуляций: 1) *Забыли про него уже вот и решил напомнить. хайпушник* (оценка); 2) *Оба недалекие* (оценка); 3) *Валера красавчик!* (оценка); 4) *Свинья грязь найдет* (свободный ответ); 5) *Премия Дарвина – в студию!* (ироничная оценка); 7) *Молодец Валерий! Правильно все сказал* (оценка). Таким образом, ин-

тернет-комментарий как текст-стимул характеризуется смысловыми типами реакций (в основном типом «оценка» в различных вариациях), участвующими в формировании эмоционально-аксиологической сферы, выражающими интенции и установки, принадлежащие индивидуальному сознанию [Моисеева, 2022].

Необходимо признать наличие определенного типа пользователей, которые не отказываются от принципов комфортного и эффективного речевого взаимодействия и в условиях онлайн-коммуникации. Реакции-комментарии данных пользователей отличаются содержательными (основанными на содержании поста) суждениями, сохраняющими фокус на основной теме. В ходе анализа методом сплошной выборки около 350 комментариев было выделено три стратегии, применяемые реципиентами в качестве реакции на содержание исходного текста. Первая стратегия – «генерализация» (термин А.И. Новикова), предполагающая обобщение прочитанного, продуцирование суждений и взглядов (часто наивных): 1) *Просто, хотят как турки, выторговать больше фиников для себя-);* 2) *Чето свое хотят получить;* 3) *Ой, да понятно все с ними;* 4) *Ага в очереди за ништяками.* Исходный пост был посвящен обсуждению стремления Хорватии присоединиться к Турции в предотвращении вступления Швеции и Финляндии в структуру НАТО. Приведенные комментарии участников интернет-дискуссии отличаются краткой, инфантильной интерпретацией содержания текста, что можно объяснить ограниченным пониманием либо полным непониманием реальных политических мотивов перечисленных государств.

Следующая стратегия представляет собой умозаключение, выводимое из содержания исходного предложения, и выражается реакцией «вывод» по классификации А.И. Новикова. Это может быть следствием рассуждения, поверхностного, дилетантского анализа целей, причин либо результата события, приведенного в исходном сообщении: 1) *Оказались такими же торгашами);* 2) *Так и пытается на двух стульях усидеть.*

Принцип третьей стратегии основан на предположении о будущем (реакция «прогноз» по классификации А.И. Новикова) – прогнозирование потенциально возможного (согласно мнению автора комментария) развития описываемых событий: 1) *Господи, да кому они там нужны! Никто их не возьмет;* 2) *В итоге будут в*

НАТО это вопрос времени; 3) И в НАТО не вступят и с Россией отношения испорчены. Вот их подставили))))); 4) Все хотят в НАТО, но не все смогут попасть. Вернее попасть смогут не только лишь все, мало кто сможет это сделать (пользователь перефразировал известную фразу Виталия Кличко).

Данные высказывания обычно характеризуются отсутствием последовательной логической структуры вследствие отсутствия у авторов навыков организации текста, применения логических средств связи и выделения смысловых фрагментов высказывания.

Согласно А.И. Новикову, реакция «генерализация» является смысловой, а реакции «вывод» и «прогноз» представлены как содержательные. Однако, на наш взгляд, последние два вида реакций являются результатом интерпретации реципиентом исходного предложения-стимула и ее вербализации языковыми средствами. В процессе такой интерпретации может происходить добавление нового содержания, а также потеря некоторых содержательных элементов исходного предложения, что приводит к трансформации высказывания и появлению новых смысловых коннотаций. Исходя из вышесказанного, мы полагаем, что возможно рассматривать данные виды как содержательно-смысловые, поскольку они, несомненно, возникают в сознании реципиента в ответ на исходный текст-стимул. Тем не менее, они внедряют новые аспекты смысла в первоначальное сообщение, упуская или отвергая содержание, часть содержания, при этом не столько реагируют на содержание конкретного высказывания, сколько выражают свое отношение, включающее накопленный опыт и знания, составляющие концептуальную систему индивида. Данная трансформация обогащает первоначальное высказывание и отражает уникальное взгляды и опыт каждого человека.

Необходимо помнить о том, что пользователи интернета, комментируя чужие посты, в некоторой степени реализуют свою потребность в творческом самовыражении, проявляющуюся в креативном подходе к процессу комментирования – создании текстов, содержащих разнообразные стилистические приемы: 1) *Слышь, ишлепок! Купи себе ишлепки и ишлепай от сюда* (аллитерация); 2) *Оспа не дура. Оспа знает где живут обезьяны* (анафора) (комментарий под постом, посвященном первому случаю оспы обезьян, зарегистрированному в Финляндии); 3) *Обезьянам обезьяньи болезни* 😊

(повтор). Частыми являются приемы языковой игры, основанной на нарушении клишированных форм: *Это вопрос дня.*

Заключение

Учитывая вышеизложенное, можно выделить отсутствие глубокого диалога и аргументации как характеристику, свойственную онлайн-коммуникации. Данный факт, с одной стороны, предполагает наличие недостаточного уровня информированности у комментатора, скудости критического мышления и неспособности вникнуть в суть вопроса. С другой стороны, причиной такого явления может быть стремление к манипулированию позицией собеседника: в ходе сетевого общения участники часто стремятся не столько убедить собеседника в своей правоте, сколько устранить отличное от своего мнение, а также найти единомышленников и объединиться на основе общей идеи, соответствующей их интересам и целям. Следует отметить, что наиболее частотными оказались следующие модели: дискредитация оппонента, коллективное эмоциональное неприятие или игнорирование его позиции, уход от критического анализа и аргументированной полемики.

Большинство пользователей интернета вместо использования содержательных аргументов при опровержении альтернативных точек зрения чаще проявляют свои позиции через эмоциональное выражение убеждений, стремясь получить одобрение от других участников дискуссии, разделяющих их политические убеждения. Коллективные настроения, выражаемые в комментариях рассматриваемого онлайн-ресурса, в значительной степени представлены ситуационными реакциями, которые обусловлены эмоциональным отношением к текущим событиям.

Список литературы

- Бабина Л.В. «Вторичные тексты», вторичность и интертекстуальность // Онтология языка и его социокультурные аспекты : материалы конф. аспирантов и молодых ученых Ин-та языкознания РАН, 1998. – Москва, 1999. – С. 15–19.
- Васильева В.В., Салимовский В.А. О механизме продуцирования массмедийного политического текста // Мысль. Текст. Стиль / под ред. Л.Р. Дускаевой, В.И. Конькова. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 43–51.

- Вербицкая М.В.* Теория вторичных текстов: на материале современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2000. – 47 с.
- Майданова Л.М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург : ИРРО, 1994. – С. 81–104.
- Моисеева А.В.* Особенности коммуникации в виртуальной реальности // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа, 2021. – С. 154–156.
- Моисеева А.В.* Психолингвистический эксперимент как инструмент исследования языкового сознания личности в условиях онлайн-коммуникации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты / ИНИОН РАН. – 2022. – № 2(50). – С. 120–135.
- Мурзин Л.Н.* О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации : межвуз. сборник науч. трудов / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1982. – С. 20–29.
- Новиков А.И.* Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64–76.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
- Патрушева Л.С.* Форум как речевой жанр интернет-дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2015. – 175 с.
- Первухина С.В.* Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 116–124.
- Сидорова И.Г.* Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 249 с.
- Титлова А.С.* Эмоциональная оценочность медиатекста: процесс текстовосприятия // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа, 2021. – С. 243–246.
- Яковлева Э.Б.* Полилог как новый объект лингвистики // Лингвистическая полифония : сб. статей в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой. – М. : Языки славянских культур, 2007. – С. 184–199.

References

- Babina L.V. “Vtorichnye teksty”, vtorichnost’ i intertekstual’nost’ [“Derivative texts”, derivation and intertextuality]. In *Ontologiya yazyka i ego sociokul’turnye aspekty* [Ontology of language and its social cultural aspects]. Moscow, 1999. Pp. 15–19. (In Russian)
- Vasilyeva V.V., Salimovsky V.A. O mekhanizme produkcirovaniya massmedijnogo politicheskogo teksta [On the mechanism of production of mass media political text]. In *Mysl’. Tekst. Stil’* [Thought. Text. Style]. Saint Petersburg, 2011. Pp. 43–51. (In Russian)
- Verbickaya M.V. *Teoriya vtorichnyh tekstov: na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka* [The theory of derivative texts: a case study of the modern English language]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2000. 47 p. (In Russian)

- Maidanova L.M. Rechevaya intenciya i tipologiya vtorichnyh tekstov [Speech intention and typology of secondary texts]. In *Chelovek – Tekst – Kul'tura* [Man – Text – Culture]. Ekaterinburg, 1994. Pp. 81–104. (In Russian)
- Moiseeva A.V. Osobennosti kommunikacii v virtual'noj real'nosti [Features of communication in virtual reality]. In *Mezhkul'turnaya ↔ intrakul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda* [Intercultural ↔ intracultural communication: theory and practice of teaching and translation]. Ufa: RIC, 2021. P. 154–156. (In Russian)
- Moiseeva A.V. Psiholingvističeskij eksperiment kak instrument issledovaniya yazykovogo soznaniya lichnosti v usloviyah onlajn-kommunikacii [Psycholinguistic experiment as a tool for studying the linguistic consciousness of an individual in online communication]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspects]. 2022. N 2(50). P.120–135. (In Russian)
- Murzin L.N. O derivacionnyh mekhanizmah tekstoobrazovaniya [On derivational mechanisms of text formation]. In *Teoreticheskie aspekty derivacii: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Theoretical aspects of derivation : interuniversity collection of scientific works]. Perm': PSU, 1982. Pp. 20–29. (In Russian)
- Novikov A.I. Tekst i "kontrtkst": Dve storony processa ponimaniya [Text and "counter-text": Two sides of the process of understanding]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 2003. N 1. P. 64–76. (In Russian)
- Novikov A.I. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and its semantic dominants]. Moscow: Institute of Linguistics RAN, 2007. 224 p. (In Russian)
- Patrusheva L.S. *Forum kak rechevoj zhanr internet-diskursa* [Forum as a speech genre of the internet discourse]: dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2015. 175 p. (In Russian)
- Pervuhina S.V. Kognitivno-semanticheskaya svyaz' vtorichnyh tekstov i ih tekstovistochnikov [Cognitive-semantic connection between secondary texts and the source texts]. *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. Saint Petersburg, 2012. Vol. 1, N 2. P. 116–124. (In Russian)
- Sidorova I.G. *Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sajt, blog, social'naya set', kommentarij)* [Communicative and pragmatic characteristics of personal Internet discourse genres (website, blog, social network, comment)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014. 249 p. (In Russian)
- Titlova A.S. Emocional'naya ocenochnost' mediateksta: process tekstovospriyatiya [Emotional evaluation of a media text: the process of text perception]. In *Mezhkul'turnaya ↔ intrakul'turnaya kommunikaciya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda* [Intercultural ↔ intracultural communication: theory and practice of teaching and translation]. Ufa, 2021. P. 243–246. (In Russian)
- Yakovleva E.B. Polilog kak novyj ob'ekt lingvistiki [Polylogue as a new object of linguistics]. In *Lingvisticheskaya polifoniya: sbornik v chest' yubileya prof. R.K. Potapovoj*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2007. Pp. 184–199. (In Russian)

Титлова А.С.¹

«ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ» КАК РЕАКЦИЯ РЕЦИПИЕНТА НА ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТ МАЛОГО ОБЪЕМА

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению основных характеристик интернет-текста малого объема, способам прочтения и презентации содержания такого вида текстов. В статье также описываются результаты психолингвистического эксперимента, по результатам которого исследуются реакции реципиентов интернет-текста малого объема. Автор статьи предпринимает попытку провести сравнительный количественный и качественный анализ реакций на тексты малого объема, размещенные в сервисе микроблогов Твиттер и кросс-платформенном сервисе Телеграм.

Ключевые слова: интернет-текст; «встречный текст»; психолингвистический эксперимент; Твиттер; Телеграм.

Для цитирования: Титлова А.С. «Встречный текст» как реакция реципиента на интернет-текст малого объема // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 151–160. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.09

---

¹ © Титлова А.С., 2024

Титлова Анастасия Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий; nastyatitl@gmail.com

TITLOVA A.S.¹

“COUNTER TEXT” AS A RECIPIENT’S REACTION
TO A SMALL VOLUME INTERNET-TEXT

Abstract. This article is devoted to the study of the main characteristics of small-volume Internet text, as well as methods of reading and presenting the content of this type of text. The article also describes the results of a psycholinguistic experiment; the reactions of recipients of small-volume Internet text are studied on its basis. The author of the article makes an attempt to conduct a comparative quantitative and qualitative analysis of reactions to smaller texts posted on the Twitter microblogging service and the cross-platform Telegram service.

Keywords: Internet text; “counter text”; psycholinguistic experiment; Twitter; Telegram.

For citation: Titlova A.S. “Counter text” as a recipient’s reaction to a small volume internet-text *Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 151–160. DOI: 10.31249/ling/2024.04.09

Интернет в настоящее время является средой, порождающей множество новых типов текстов. Согласно нашим наблюдениям, большинство из них являются текстами малого объема, что объясняется совокупностью факторов: от технических особенностей платформы, на которой размещаются тексты, до клипового мышления реципиента такого типа текстов [Титлова, 2018б].

Исследователи отмечают, что интернет-текст, обладая рядом характеристик, которые будут рассмотрены нами ниже и которые в значительной степени отличают его от текстов других типов, по-иному читается реципиентом, а, следовательно, отличаются и процессы его восприятия и понимания. Иными также являются и способы презентации его содержания и концептуализации. Основные различия, как можно предположить, касаются речемыслительных процессов и когнитивных механизмов, а также среды функционирования

---

¹ © Titlova A.S., 2024

Titlova Anastasia Stanislavovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Natural Faculties of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, the Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology; nastyatitl@gmail.com

текста: восприятие и понимание традиционного, например, газетного текста и текста, размещенного в глобальной сети, не одинаковы. Вопрос о том, как отличительные характеристики интернет-текста влияют на его понимание реципиентом, а также вербализованные реакции реципиентов как результат процесса понимания находятся в центре внимания настоящей статьи.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты малого объема в кроссплатформенном мессенджере Телеграм. Отметим, что среди функциональных характеристик данного приложения, кроме возможности обмена сообщениями и файлами разных форматов, существует также возможность создавать каналы, распространяющие контент в сети. Эту особенность в полной мере используют новостные агентства, официальные лица, независимые корреспонденты для размещения текстов новостного и аналитического характера.

Рассматривая характеристики текстов малого объема, отметим вслед за А.Ю. Корбут, что в процессе человеческой коммуникации «объем текста ... связан со сферой функционирования текста» [Корбут, 2004, с. 47–48]. По мнению автора, если объём текста отличается от «стандартного», то это результат адаптации текста под эту среду.

Следовательно, можно говорить о том, что сфера коммуникации и ее жанр непосредственно определяют объем текстовой информации в целом и компоненты содержания в частности. К.А. Нечаев говорит об обусловленности объема структуры содержания текста сочетанием трех аспектов: коммуникативной установкой агенса, способом коммуникации и темой коммуникации [Нечаев, 1999, с. 10].

В современном языкознании до сих пор не только четко не определены объемы текстов такого типа, но и нет общепринятого термина для их обозначения. Тексты объемом меньше «стандартного» текста разные исследователи называют «малоформатными» [Паршина, 1992], «микротекстами» [Корбут, 2004, с. 51], «сверхкраткими» [Таюпова, 2005, с. 7], «текстами-примитивами» [Коновалова, 1992, с. 92]. Мы в своих работах [Titlova, 2015] называем эти тексты текстами малого объема, что указывает лишь на объем этих текстов, не предполагая иных коннотаций.

Отметим, что в текстах малого объема прослеживаются важные характеристики «традиционного», «стандартного» текста: его отдельность, выделенность, формальная и семантическая самостоя-

точность, тематическая определенность и завершенность. Тексты малого объема следует рассматривать как информационно самодостаточное речевое сообщение, базирующееся на понимании сообщения, замысел которого ориентирован на его адресата, а сам текст достаточен для успешного решения коммуникативных задач и потому в пределах интернет-дискурса является нормой.

Рассмотрим ниже структурно-композиционные особенности текста новостных телеграм-каналов как одного из новейших типов интернет-текста.

Во-первых, обратим внимание на объем телеграм-текста. При условии, что текст сопровождается видео- или фото-файлами, то максимально объем такого текста составит 1024 символа. С недавнего времени на платформе существует премиум-подписка, которая увеличивает допустимый объем до 2048. Однако, по нашим наблюдениям, объем вербальной части телеграм-текста редко достигает максимального объема. Это, по всей видимости, объясняется тем фактом, что, во-первых, прилагающийся к вербальному тексту видеоряд содержит более полную информацию. Во-вторых, существует ряд исследований, показывающих, что для современного читателя предпочтительнее оказываются тексты малого объема. Такие предпочтения объясняются особенностями клипового мышления.

Остановимся подробнее на данном понятии. Исследователи сходятся во мнении, что современному читателю присуща клиповость (фрагментарность, мозаичность, разрозненность) мышления как следствие огромного, зачастую неконтролируемого потока поступающей к нему информации. Как следствие, и сама информация представлена в виде своего рода фрагментов мозаики, из которых пользователь сам складывает целую картину в зависимости от своих интересов и предпочтений.

Еще одним фактором, приводящим к такому «членению» информационного потока, на наш взгляд, являются технические особенности доставки информации адресату. Если рассматривать традиционные способы предоставления новостей, например, газету, то раньше требовался довольно большой промежуток времени для сбора информации, написания полнообъемной статьи, выхода выпуска в тираж. Сейчас любое новостное агентство имеет как минимум один онлайн-источник (а чаще это и официальный сайт, и каналы в социальных сетях и мессенджерах). Поэтому любое обновление о проис-

ходящих событиях моментально размещается и распространяется через все доступные каналы. Таким образом, новости представляют собой тексты малого объема, но высокой частотности.

Возвращаясь к текстам новостных телеграм-каналов, отметим, что смысловую нагрузку в них несут в разном соотношении как вербальная, так и невербальная части. Отдельного, более тщательного исследования заслуживает вопрос о соотношении вербальной и невербальной составляющих интернет-текстов, поскольку 1) вербальная часть может быть содержательнее и объемнее изобразительной: основные события изложены в тексте, невербальная часть лишь выполняет функцию дополнительной иллюстрации; 2) вербальная и невербальная части равны: в таком случае чаще всего невербальная часть представлена видеоматериалом, текстовая часть дублирует текст, озвученный на видео; 3) невербальная часть несет основную нагрузку: например, видеозапись содержит основную информацию, в вербальной части размещается лишь краткое описание. Отметим, однако, что выше нами описаны лишь наиболее распространенные типы сочетаний вербального и невербального компонентов интернет-текста.

Еще одной отличительной особенностью интернет-текстов в общем и исследуемых нами текстов в частности является их гипертекстуальность. Под гипертекстом принято принимать систему текстов, соединенных ссылками. Технически гиперссылка является «переходом» от одного текста к другому. При этом текст, содержащий гиперссылки, называют гипертекстом. С развитием технологий меняются и способы оформления гиперссылок в текстах. Ранее, когда гиперссылка представляла собой набор символов, обозначающих адрес страницы, на которую можно было попасть при переходе по указанному адресу, такая гиперссылка выглядела инородным элементом в тексте. Более того, текст, содержащий ссылку, имел мозаичную структуру, то есть имел нелинейную, прерывающуюся структуру в случае, когда читатель переходил по ссылке. Современные технические возможности позволяют «вплетать» гиперссылку в ткань текста, превращая гипертекст в линейный, когда у читателя нет необходимости переходить на сторонние источники информации.

В настоящее время на платформе Телеграм существует два вида гиперссылок. Одни из них представляют собой слово, часть фразы или полностью фразу, являющуюся частью основного текста, но вы-

деленную другим цветом (традиционно – синим). Например: *«Зеленский попытался оправдаться за слова главнокомандующего ВСУ в интервью для The Economist, в котором Залужный назвал ситуацию на фронте тупикивой. На пресс-конференции с главой ЕК он заявил, что якобы «не всё так плохо», а ситуацию на фронте должны изменить поставки F-16. При этом Залужный говорил, что эти истребители станут неэффективными из-за усиления российской ПВО. Зеленский добавил, что понимает причины усталости от конфликта: «Все мы люди независимо от своего статуса». Интервью с Залужным ранее раскритиковали в офисе Зеленского, а у западных союзников Украины оно вызвало обеспокоенность»* [URL].

Еще один способ оформления гиперссылки: *«Мне повезло в жизни встретить главного учителя – Владимира Путина». Песков признался, что пытается быть таким же внимательным, спокойным и собранным, как президент: «Пытаюсь хоть как-то походить на все эти качества. Не всегда получается, но есть к чему стремиться»* [URL]. В приведенном примере текст, выделенный нами курсивом, находится в своеобразном «окошке» и едва заметно выделен цветом (обычно, чуть темнее фона основной новости). Таким образом, цитируемый текст также является частью основного текста и не нарушает его линейности. Такого вида гиперссылки могут также быть на фото- или видеоматериалах.

Основной же интерес в рамках настоящего исследования представляет еще одна характеристика интернет-текста – его интерактивность. Возможность размещения комментариев под постами новостных каналов позволяет рассматривать данные комментарии как реакции реципиентов на текст, т.е. комментарии являются «встречными текстами», спродуцированными читателями в ответ на текст-стимул и отражающими процессы восприятия и понимания информации.

Здесь следует отметить, что именно интерактивность интернет-текста положила начало множеству психолингвистических экспериментов, проводимых в условиях естественной коммуникации. Нами ранее уже отмечалось, что к положительным сторонам такого рода экспериментов можно отнести отсутствие рефлексии у испытуемого и любое воздействие со стороны экспериментатора. Комментарии пользователей в сети, являясь реакцией читателя в условиях анонимности коммуникации, представляют огромный интерес для исследо-

ваний в области коммуникативистики, социологии, психолингвистики и многих других.

В проведенном нами ранее диссертационном исследовании был проведен количественный и качественный анализ реакций на тексты малого объема, размещенные в сервисе микроблогов Твиттер. Отметим, что данное исследование проводилось семь лет назад, и, очевидно, технические возможности цифровых платформ претерпели с тех пор значительные изменения. Данный факт, по нашим предположениям, отразился и на реакциях реципиентов-пользователей. Еще одним фактором, влияющим на качественные и количественные показатели результатов проведенных психолингвистических экспериментов, является сложная обстановка в мире.

Данные, полученные в ходе первого исследования, отражены в следующей таблице (приведены реакции с наиболее существенными показателями) [Титлова, 2018а]:

№	Название реакции	% от общего количества реакций
1.	Оценка	27,5
2.	Мнение	5,3
3.	Перевод	3,8
4.	Вывод	1,5
5.	Интертекст	1,4
6.	Констатация	0,7
7.	Побуждение к новой информации	0,7

В настоящем же, не столь масштабном исследовании «встречные тексты» реципиентов расположены следующим образом:

№	Название реакции	% от общего количества реакций
1.	Оценка	35
2.	Мнение	12
3.	Прогноз	5,8
4.	Перевод	4,7
5.	Интертекст	4,4
6.	Вывод	3
7.	Побуждение к новой информации	1,1

Как видно из представленных в таблицах данных, на первом месте по-прежнему остается оценка, причем процент оценочных реакций возрос. Мы понимаем, что данный факт обусловлен в основном содержанием текста-стимула. Происходящие в стране и мире события провоцируют у читателя более острый, эмоциональный отклик, вызывают оценочные суждения. В ходе дальнейших исследований и при более подробном количественном и качественном анализе полученных реакций реципиентов нам представляется важным выделить комбинированные комментарии-реакции пользователей (т.е. те, в которых сочетаются два и более «встречных» текста). По данным первого эксперимента, наиболее частая комбинация – реакция оценки в сочетании с мнением.

Здесь же следует отметить, что если мы говорим о таком виде оценки, как негативная оценка, то на ее показатели влияют и технические особенности платформы Телеграм. В то время, когда проводилось первое исследование, в социальной сети X (бывший Твиттер) практически отсутствовал мониторинг комментариев. Пользователи, комментирующие тот или иной пост в сети, могли быть временно забанены лишь после жалоб других пользователей. На платформе Телеграм в большинстве каналов или чатов существует собственный бот, алгоритмы работы которого разработаны таким образом, что комментарии пользователей, нарушающие правила отдельного канала или платформы в целом, удаляются практически моментально.

Реакция «мнение» не изменила своего положения в таблице, однако ее процент в общем количестве реакций значительно возрос. На наш взгляд, кроме реакций, подпадающих под традиционное определение реакции мнения, сформулированное автором методики «встречного» текста А.И. Новиковым, в интернет-пространстве распространен еще один тип такого рода реакций – так называемая «диванная экспертиза». «Диванными экспертами» в сети принято называть людей, не являющихся специалистами в обсуждаемых вопросах, но высказывающих свое «экспертное» мнение как единственно верное. Так, например, любое доминантное событие в мире порождает огромное множество «специалистов». В интернет-среде распространено ироническое высказывание, утверждающее, что на смену вирусологам (пандемия и COVID-19) приходят геополитики (ситуация на Украине).

Интересно также отметить, что ранее находившаяся в самом низу таблицы реакция «прогноз» в настоящем исследовании составляет значительный процент. Это, вероятно, можно объяснить ожиданием изменения ситуации со стороны реципиентов и их предположительными догадками о дальнейшем ходе событий.

Еще одной интересной особенностью стало сильно снизившееся количество графической оценки в комментариях пользователей. Этот факт, очевидно, объясняется техническими особенностями платформы Телеграм: в большинстве каналов есть возможность оставлять графические реакции на размещаемый пост.

Таким образом, отметим, что такие структурно-композиционные и типобразующие особенности телеграм-текстов, как малый объем, клиповость, поликодовость, гипертекстуальность и интерактивность, в значительной степени влияют на процессы их понимания и интерпретации. Вывод подтверждается количественным и качественным анализом данных психолингвистического эксперимента по методу «встречного текста», проведенного в условиях естественной интернет-коммуникации.

Список литературы

- Коновалова Т.Р. Нарушения механизма текстообразования // Вопросы стилистики : межвузовский сб. науч. трудов. – Саратов, 1992. – Вып. 24. – С. 91–96.
- Корбут А.Ю. Текстосимметрия. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2004. – 200 с.
- Нечаев К.А. Сообщения экономического содержания в немецкой прессе: типологические особенности малоформатных текстов : дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1999. – 288 с.
- Паршина О.Н. Текстобразующие функции вопросительных предложений // Вопросы стилистики : межвузовский сб. науч. трудов. – Саратов, 1992. – Вып. 24. – С. 96–103.
- Таюпова О.И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2005. – 424 с.
- Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2018а. – 232 с.
- Титлова А.С. Процесс восприятия клиповой текстовой структуры: tos and pros // Языковые единицы в свете современных научных парадигм : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа : РИЦ, 2018б. – С. 161–166. – URL : <https://web.telegram.org/a/#-1001036362176>

Titlova A.S. Microblog as an example of a creolized text // Педагогический журнал Башкортостана. – 2015. – № 1(56). – С. 228–233.

References

- Konovalova T.R. Narusheniya mekhanizma tekstoobrazovaniya [Violations of the mechanism of text formation]. In *Voprosy stilistiki: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Questions of stylistics: Interuniversity collection of scientific works]. Saratov, 1992. Vol. 24. Pp. 91–96. (In Russian)
- Korbut A.Yu. *Tekstosimmetrika: monografiya* [Textosymmetry: Monograph]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2004. 200 p. (In Russian)
- Nechaev K.A. *Soobshcheniya ekonomicheskogo sodержaniya v nemetskoj presse: tipologicheskiye osobennosti maloformatnykh tekstov: dis. ... kand. filol. nauk* [Messages of economic content in the German press: typological features of small-format texts: dis. ...cand. philol. sciences]. Tver', 1999. 288 p. (In Russian)
- Parshina O.N. Tekstoobrazuyushchiye funktsii voprositel'nykh predlozheniy [Text-forming functions of interrogative sentences]. In: *Voprosy stilistiki: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Issues of stylistics: Interuniversity collection of scientific works]. Saratov, 1992. Vol. 24. Pp. 96–103. (In Russian)
- Tayupova O.I. *Kommunikativno-pragmaticheskoye var'irovaniye v maloformatnykh prozaicheskikh tekstakh sovremennogo nemetskogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Communicative-pragmatic variation in short-format prose texts of the modern German language: author's abstract. diss. ... dr. philol. sci.]. Moscow, 2005. 424 p. (In Russian)
- Titlova A.S. *Mikroblog kak vid internet-teksta: aspekt ponimaniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Microblog as a type of Internet text: aspect of understanding: diss. ...cand. philol. sci.]. Ufa, 2018a. 232 p. (In Russian)
- Titlova A.S. Protsess vospriyatiya klipvoy tekstovoy struktury: tos and pros [The process of perceiving a clip text structure: tos and pros]. In: *Yazykovyye yedinityy v svete sovremennykh nauchnykh paradigm: materialy IV vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Language units in the light of modern scientific paradigms: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Ufa: RIC, 2018b. Pp. 161–166. (In Russian) URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001036362176>
- Titlova A.S. Microblog as an example of a creolized text. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2015. N 1(56). P. 228–233.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI: 10.31249/ling/2024.04.10

Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МАРУСЕНКО М.А., МАРУСЕНКО Н.М.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
В 2 Т.– МОСКВА : ИНФРА-М, 2024. Т. 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКИ. – 387 с. ; Т. 2. ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ. – 330 с.**

Аннотация. Рецензируемая монография «Образовательная языковая политика в современном мире» посвящена вопросам образовательной языковой политики. В первом томе «Политическое и идеологическое измерения образовательной языковой политики» описывается мировой опыт в сфере изучения и преподавания языков, а также анализируются связи между понятиями «национальная идентичность», «национальное единство», «нациообразование», «территориальная целостность», которые, как отмечают авторы монографии, приобретают особую значимость в эпоху глобализации.

Во втором томе монографии «Двуязычное обучение» рассматриваются вопросы, связанные с социологией двуязычного обучения.

Монография предназначена для широкого круга специалистов в области образовательной языковой политики, языкового планирования, организации двуязычного обучения.

Ключевые слова: М.А. Марусенко; Н.М. Марусенко; языковая политика; образовательная языковая политика; глобализация; двуязычное обучение; социолингвистика; выбор языков; мажоритарные языки; миноритарные языки; английский язык.

---

¹ *Раренко Мария Борисовна* – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Образовательная языковая политика в современном мире : в 2 т. – Москва : Инфра-М, 2024. – Т. 1 : Политическое и идеологическое измерения образовательной языковой политики. – 387 с. ; Т. 2 : Двуязычное обучение. – 330 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2024. – № 4. – С. 161–168. – DOI: 10.31249/ling/2024.04.10

RARENKO M.B.¹

BOOK REVIEW: MARUSENKO M.A., MARUSENKO N.M. EDUCATIONAL LANGUAGE POLICY IN THE MODERN WORLD : in 2 vol.– MOSCOW : INFRA-M, 2024. – Vol. 1 : POLITICAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS OF EDUCATED LANGUAGE POLICY. – 387 p.; Vol. 2 : BILINGUAL EDUCATION. – 330 p.

Abstract. The peer-reviewed monograph “Educational language policy in the modern world” is devoted to various issues of educational language policy. The first volume “Political and ideological aspects of educational language policy” describes the world experience in the field of education and language continuity, as well as analyzes the connections between the concepts of “national identity”, “national unity”, “nationalism”, “territorial integrity”, “territorial integrity”, which, as it is noted in the authors’ monograph, has acquired special attention in the era of globalization.

The second volume of the monograph “Bilingual education” examines issues related to the sociology of bilingual education.

The monograph is intended for a wide range of specialists in the field of language policy, language planning, and organization of bilingual education.

Keywords: M.A. Marusenko; N.M. Marusenko; language policy; education; globalization; bilingualism; sociolinguistics; choice of languages; majority languages; minority languages; English.

For citation: Rarenko M.B. Book review : Marusenko M.A., Marusenko N.M. Educational Language Policy in the Modern World : In 2 vol. – Moscow : INFRA-M, 2024. – Vol. 1 : Political and ideological aspects of educated language policy. – 387 p.; Vol. 2 : Bilingual education. – 330 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2024. N 4. P. 161–168. DOI: 10.31249/ling/2024.04.10

Авторы рецензируемой монографии – Михаил Александрович Марусенко, доктор филологических наук, профессор, профессор ка-

---

¹ *Rarenko Maria Borisovna* – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

федры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области языковой политики, автор более 150 научных работ, в том числе 11 монографий, и Наталия Михайловна Марусенко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, специалист в области русского языка и языковой политики, автор более 40 научных работ, в том числе трех монографий.

Предметом первого тома настоящей монографии «Политическое и идеологическое измерения образовательной языковой политики» является анализ мирового опыта в сфере изучения и преподавания языков, реализуемых в тех странах, которые представляют собой «точки роста» этой неравномерно развивающейся глобальной системы.

Первый том рецензируемой монографии включает в себя предисловие, пять глав («Глобализация и изучение языков», «Языковые права человека», «Изучение языков и формирование идентичности», «Моноязычие vs многоязычие», «Распространение английского языка»), заключение, список литературы.

Авторы исходят из того, что изучение языков, как первых, так и вторых иностранных, имеет большое значение для любой страны и потребляет немалую часть материальных, интеллектуальных и кадровых ресурсов. Именно этот факт определяет большой интерес специалистов, занятых в разных сферах, к этой проблематике. В то же самое время, как отмечают авторы монографии, гораздо реже объектом исследований становятся связи между изучением языков и такими понятиями, как национальная идентичность, национальное единство, нациостроение и территориальная целостность. Тем не менее эти понятия, по мнению авторов, приобретают особую актуальность в эпоху глобализации, «ставящей своей целью ослабление национальных государств и построение новых и перестройку существующих национальных, культурных и языковых идентичностей» [Марусенко, Марусенко, 2024, т. 1, с. 3]. То, что эта область исследований мало известна в Российской Федерации, а накопленный в мире опыт практически не используется, определяет актуальность данного исследования.

Авторы напоминают, что в советскую эпоху практика языкового строительства в нашей стране служила моделью для новых незави-

симых государств, образовавшихся в результате крушения мировых колониальных систем, в период после окончания Второй мировой войны и до 1980-х годов. Однако после распада СССР «наша страна не смогла своевременно и адекватно отреагировать на смену парадигмы языковой политики и языкового строительства с этнокультурной на национально-функциональную, произошедшую в конце XX в.» [Марусенко, Марусенко, 2024, т. 1, с. 3]. Более того, в настоящее время в мире происходит переоценка уникальности многоязычия, исторически сложившегося в СССР и в Российской Федерации, создающая иллюзию необходимости самостоятельного решения всех проблем, без возможности учета мирового опыта. Использование Россией опыта зарубежных стран в области языковой политики, по мнению авторов монографии, необходимо, поскольку «они раньше, чем Россия, столкнулись с вызовами новой эпохи и пытались решать проблемы, возникающие в новых условиях, накопив при этом как положительный, так и отрицательный опыт» [Марусенко, Марусенко, 2024, т. 1, с. 3]. Отмечается, что сегодня большое значение имеют зарубежные исследования о связи языков и национальной идентичности.

Подчеркивается, что образовательная языковая политика – это междисциплинарная область деятельности и научных исследований, лежащая на пересечении критической теории, наук об образовании, социологии и антропологии, обладающая тем не менее собственным практическим и теоретическим аппаратом, направленным на объяснение связей между языковой политикой государств, строительством национальных систем обучения языкам и языковым поведением сообществ и отдельных людей. Образовательная языковая политика фокусируется на политическом и идеологическом измерениях языкового строительства, в большинстве случаев поощряющих построение языковых иерархий, действующих в интересах мажоритарных и колониальных языков. При этом в образовательной языковой политике авторы прослеживают три концептуальных подхода к изучению языков: язык как проблема, язык как право и язык как ресурс. Так, отмечается, что подход «язык как проблема» сформировался на раннем этапе развития и был вызван попытками разрешить языковые конфликты, возникавшие в многоязычных нациях, недавно получивших независимость, в Азии, Африке и Латинской Америке. Подход применялся на тех территориях, где западные державы установили про-

извольные политические и административные границы и где моноязычие было основано на колониальных языках (английском, французском, испанском и португальском). В результате проводимой языковой политики эти языки получили статус национальных в новых независимых государствах, в то время как автохтонные языки, не вписывавшиеся в проекты построения национальных государств, были обречены на угасание, а их носители стали рассматриваться как воображаемые сообщества. Такой подход квалифицируется современными лингвистами как неоклассический, технократический и позитивистский; он характеризовался утилитарным отношением к языковой политике, целью которой считалась ликвидация языковых конфликтов, а языки рассматривались без учета социальных и культурных условий их функционирования, идеологический подтекст их использования вообще отрицался.

Подход «язык как право» оформился в 1990-х годах на базе критики социального неравенства и подавления миноритарных групп и языков. В нем объединились такие направления исследований по языковой политике, как историко-структурная парадигма, критическая языковая политика, языковые права человека и языковой империализм. В этот период языковое разнообразие стало рассматриваться как неотъемлемая характеристика современного общества, связывающая человека с его социальным окружением. Защита и поддержка региональных языков и диалектов, находящихся под угрозой исчезновения, получили оправдание благодаря отношению к языку как символу идентичности и групповой принадлежности. В качестве модели образовательной языковой политики предлагалось субститутивное, субтрактивное и транзитивное двуязычие, ориентированное на изучение стандартного языка и распространение его среди обучающихся. Подход «язык как ресурс» нацелен на достижение языкового разнообразия и многоязычное обучение как ресурс для носителей мажоритарных и миноритарных языков и реализуется через двустороннее аддитивное двуязычное обучение (двустороннее погружение), при котором носители мажоритарного языка от рождения и носители его как второго языка обучаются на обоих языках. Языки рассматриваются как ресурсы для всех обучающихся (пример – английский и испанский в США). Появление этого подхода, подчеркивается в монографии, обусловлено переходом от изжившей себя этнокультурной парадигмы языковой политики к новой, национально-

функциональной парадигме, основанной на теории человеческого капитала.

В конце XX в. – начале XXI в., национальные системы образования испытывают влияние глобальных изменений, выражающееся в росте напряженности в использовании языков, отмирании локальных культур, изменении идентичности школьников и студентов, а национальные сообщества пытаются сбалансировать локальные потребности с глобальными реалиями. Влияние глобализации на использование языков, их изучение и отношение носителей к языкам привело к изменению образовательной языковой политики, что нашло выражение, прежде всего, в гегемонии английского языка, ставшего международным *lingua franca* в социальной, политической, экономической, академической и профессиональной коммуникации. Одновременно с этим, авторы рецензируемой монографии отмечают беспрецедентный рост использования других мажоритарных языков – французского, испанского, китайского; также растет использование миноритарных языков и диалектов в разных сообществах, которые связывают с ними защиту своей идентичности в условиях глобальной деревни.

Три рассмотренные выше подхода являются, по мнению М.А. Марусенко и Н.М. Марусенко, определяющими при формировании языковой политики и дискурса о языках и языковых проблемах.

Подчеркивается, что образовательная языковая политика связана с воздействием как на статус, так и на корпус языка. Она рассматривает обучение языку и прочую образовательную деятельность с позиций увеличения использования языка или численности его носителей и обязательно должна учитывать социально-политические и идеологические последствия реализации языковых учебных планов и политик, особенно тех, которые направлены на маргинализацию миноритарных языков и их носителей, особенно в школах.

Отмечается, что главной методологической проблемой сегодня является определение отношений между языковыми политиками на разных уровнях и школьными практиками.

Предметом второго тома рецензируемой монографии «Образовательная языковая политика в современном мире» является социолингвистический анализ систем двухязычного обучения, сложившихся в мире. Второй том монографии включает в себя предисловие, пять глав («Двухязычие в современном мире», «Двухязычие в языковом строительстве», «Формирование двухязычия», «Двухязычие как языко-

вая политика», «Глобализация и региональные модели двуязычного обучения»), заключение, список литературы.

Авторы подчеркивают, что вопросы двуязычного обучения в разных странах рассматриваются с позиций мировой социолингвистической перспективы, которая позволяет выделить общие тенденции и региональные особенности.

Сегодня вопрос о выборе языков обучения и изучения является особенно актуальным для развивающихся стран, в которых, как отмечают авторы монографии, «образовательная политика ... определяется инструкциями, исходящими от Всемирного банка и Международного валютного фонда, которые, вопреки призывам к доступности образования, повышению качества образования и социальному равенству, ведут к воспроизводству социального неравенства и укреплению привилегий местных элит, имеющих доступ к западным моделям образования» [Марусенко, Марусенко, 2024, т. 2, с. 3]. М.А. Марусенко и Н.М. Марусенко указывают на необходимость учитывать динамику при выборе языков обучения и изучения. Так, использование языка в системе образования способствует его распространению и его культурной политической и социальной легитимности. В то же самое время распространение повышает интерес к изучению языка, и этот интерес еще более повышается благодаря его легитимации. Отмечается, что динамика языка не ограничивается национальными рамками, а носит региональный или глобальный характер. Авторы приходят к выводу о том, что критерии решений в сфере образовательной языковой политики зависят от решений, принятых либо в данной стране, либо в других. Динамика языков развивается по-разному, в зависимости от типа языка. В отношении региональных или миноритарных языков главными являются демографическая, социальная, политическая и экономическая диспропорции между языками, а также малое число партнеров, с которыми конкурирует язык (чаще всего речь идет об одном мажоритарном языке). В случае динамики мажоритарных языков (английский, арабский, испанский, французский и т.д.) их распространение в разные периоды истории или за счет других языков определяется сложными политическими, экономическими, технологическими и пр. факторами. В то же время распространение языка может затрагивать только некоторые социальные категории. Авторы приводят пример французского языка, бывшего языком элит с XVIII по первую половину XX в.

Особое внимание в монографии уделяется английскому языку, распространяющемуся сегодня по всему миру большими темпами.

Отметим, что монография М.А. Марусенко и Н.М. Марусенко «Образовательная языковая политика в современном мире» по итогам VII Международного конкурса на лучшую научную и учебную публикацию «Академус» в 2023 г. получила диплом за 1 место в номинации «Социальные науки, образование и педагогика».

In memoriam

ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ ТАТАРИНОВ

(7 июня 1952 г., деревня Юферята Макарьевского района
Кировской области – 9 ноября 2024 г., Москва)

Научная языковедческая общественность скорбит по случаю кончины на 73-м году жизни доктора филологических наук, известного лингвиста – терминолога, лексиколога и лексикографа, специалиста по общему языкознанию и лингводидактике – Виктора Андреевича Татарина (07.06.1952 – 09.11.2024).

Виктор Андреевич Татарин в 1976 году окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности *романо-германская филология* с присвоением квалификации *учитель немецкого языка средней школы, филолог*. Его трудовая жизнь после окончания МГУ началась с работы переводчика на КАМАЗе в Набережных Челнах. После двух лет живой переводческой работы на КАМАЗе до поступления в аспирантуру филологического факультета МГУ Виктор Андреевич занимался преподавательской работой в ряде вузов страны. 22 года своей трудовой жизни он преподавал немецкий язык и курс перевода историкам МГУ имени М.В. Ломоносова. Созданные им учебники немецкого языка и учебное пособие по переводу являются актуальным учебным материалом. О статусе учебников свидетельствует то, что они являются базовыми для лицензирования во многих регионах.

Среди коллег Виктор Андреевич пользовался большим уважением и авторитетом. Его научная работа на протяжении многих лет была связана с ИНИОН РАН. Он был членом редколлегии периодического издания ИНИОН РАН «Социальные и гуманитарные науки» и много писал как для этого издания, так и для изданий-предшественников. Из 350 публикаций в списке его трудов более 80 статей, обзоров и рефератов написано им специально для пе-

риодических изданий и сборников статей ИНИОН РАН, вызывавших большой интерес у читателей. Виктор Андреевич приложил большие усилия в деле развития терминоведения в СССР и в России и в повышение терминологической подготовки специалистов и студентов в качестве автора энциклопедического словаря «Общее терминоведение», монографии «Теория термина» и трехтомной хрестоматии по терминоведению, многочисленных докладов и статей. Им была создана терминологическая организация с всероссийским статусом «РоссТерм», что способствовало распространению знаний о термине путем организации терминологических конференций.

Будучи приглашенным на должность председателя *Терминологической комиссии при Международном комитете славистов*, он возобновил ее работу, составил программу ее деятельности на многие годы вперед, издал программный сборник «Славянское терминоведение». Возрожденный под его редакцией «Русский Филологический Вестник» и другие его издания – «Русский Исторический Вестник», серийные сборники «Терминоведение» (его первый номер назывался «Терминоведение и профессиональная лингводидактика»), «Терминологический вестник», «Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания», а также «Функциональные исследования», издававшиеся им совместно с А.И. Изотовым (6 выпусков), – были посвящены проблемам филологической науки, терминоведения и лингвообразования. Вышеназванные издания, терминологические и библиографические словари и указатели В.А. Татарина служат людям, о чем говорят бесчисленные ссылки на них в РИНЦ, и служить будут долго.

Виктор Андреевич Татарин был деятельным и жизнерадостным человеком, бесконечно преданным языковедческой науке. Таким мы его помним, и таким он останется в нашей памяти.

Отдел языкознания ИНИОН РАН

**Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал**

Серия 6
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024 – № 4

Компьютерная верстка *П.И. Горбунов*
Корректоры *П.И. Горбунов, И.П. Леонтьева*

Подписано к печати 22 / 1 – 2025 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 9,3 Уч.-изд. л. 8,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6